Рахим Масов

ИСТОРИЯ ТОПОРНОГО РАЗДЕЛЕНИЯ

РАХИМ МАСОВ

ИСТОРИЯ ТОПОРНОГО РАЗДЕЛЕНИЯ

ДУШАНБЕ, «ИРФОН», 1991

ББК 63.3(2)
М 31

Редактор *Л. Акбарова*

Масов Р. М.

М 31 История топорного разделения.— Душанбе; Ирфон, 1991, 192 стр.

Книга посвящена истории национально-территориального размежевания и образования советской национальной государственности таджикского народа. Впервые на основе архивных источников, большинство из которых раньше скрывалось под грифом «совершенно секретно», показывается достоверная история создания Таджикской республики.

Автор рассматривает сложный процесс происходящих событий в период образования Таджикской АССР, а затем и союзной республики. Особое внимание уделено вопросу включения культурных центров, исторически принадлежащих таджикскому народу, в состав Узбекской ССР. Из приведенных в книге документов видно, что были нарушены элементарные права таджикского народа. Глубоко анализируются причины возникновения пантюркизма в Средней Азии, его реакционная роль в судьбах таджиков.

М $\frac{0503020300-42}{501(12)-91}$ без объявл. ББК 63.3(2)

ISBN 5—667—00756—8

© «Ирфон», 1991.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории таджикского народа советского периода есть много проблем, не нашедших в изданной до настоящего времени исторической литературе своего объективного отражения. Среди них наиболее острым и злободневным является вопрос национально-территориального размежевания Средней Азии и образования таджикской советской государственности.

Рассматриваемая нами проблема теснейшим образом связана с Октябрьской революцией 1917 года, с установлением Советской власти на территории Средней Азии и той национальной политикой, которая проводилась здесь Коммунистической партией и Советским правительством при жизни Ленина и после его смерти. Этот вопрос невозможно осветить и без анализа тех грубейших ошибок, которые впоследствии привели к трагическому исходу для таджикского народа в области национально-государственного строительства. В связи с этим возникает необходимость глубокого и всесторонне аргументированного (насколько позволит наличие доступного нам материала) исследования такого реакционного антинародного течения, как пантюркизм, оказавшего самое отрицательное влияние на исторические судьбы таджикского народа в прошлом и оказывающего такое же негативное влияние и в настоящее время.

В наши дни, когда идет ускоренный процесс демократизации всего советского общества, процесс раскрепощения общественных наук, в том числе и исторической от пресловутой партийности и идеологизации, среди историков и публицистов возникают различные мнения по поводу своевременности и необходимости проведения Октябрьского переворота, совершенного под руководством большевиков, возглавляемых В. И. Лениным. Ответить однозначно на этот вопрос трудно. Кто из спорящих прав, покажет будущее. Исходя же из сегодняшнего состояния нашей экономической жизни, чаша весов больше склоняется в сторону тех исследователей, которые говорят о том, что Россия не была готова к социалистической революции. Теория победы социализма в одной отдельно взятой стране, да к тому же еще и отсталой, не оправдала себя на практике.

Нельзя согласиться и с теми, кто считает, что революция обернулась для наших народов кровавой диктатурой, стала причиной гибели десятков миллионов людей. Без крови не обходится всякая социальная революция. История не знает таких революций и даже переворотов, которые происходили бы абсолютно мирно, с согласия всех сословий общества. Даже сейчас, в период перестройки, которую считают мирной революцией, не обходится без жертв и всяческих катаклизмов. Тот, кто надеется на мирные демократические преобразования, гуманизацию общества и социальное равноправие всех граждан, ошибается. Пока есть силы, тормозящие осуществление революционных преобразований в обществе и преследующие при этом свои цели, без жертв и крови не обойтись. Они уже есть, думается, будут и дальше, пока мы не научимся демократии и соблюдению законов, как во всем цивилизованном мире. Но для этого необходимы время и колоссальная работа как демократического, так и карательного характера, соответствующая, разумеется, принятым нами законодательным актам в частности и Конституции в целом.

Если говорить конкретно о роли и значении Октябрьской революции и Советской власти для таджикского народа, то они были и остаются величайшим событием в его истории. Их значение было бы еще более величественным, если бы не извращались, а законно соблюдались и осуществлялись все принципы и декреты по национальному вопросу, как в интересах больших, так и малых народов, если бы конкретно учитывались прошлая историческая действительность, историческое место и интересы таджикского народа в образовании его национальной советской государственности.

Идея национально-территориального размежевания и образование советских национальных республик и автономных формирований в Средней Азии, как и во всей стране, ставших одним из важных исторических актов Советской власти, сама по себе была вполне обусловлена, исторически правомерна и необходима, так как в прошлом, кроме таджиков, никто из населяющих Среднюю Азию народов не имел целостной однородной государственности. До Октябрьской революции и некоторое время после нее эти народы входили в состав многонациональных государственных образований — Туркестанского генерал-губернаторства Российской империи, Бухарского эмирата, Хивинского ханства.

Однако в процессе национально-территориального размежевания и образования соответствующих союзных, автономных республик и областей были допущены явные перегибы, во многом нарушающие границы исторически сложившихся территорий, мешающие самоопределению населения отдельных городов, районов, крупных регионов, не вошедшего в результате такого размежевания в свою национальную государственность. Все это в скором времени дало о себе знать и в экономической, и в социальной и в культурной сферах.

В становлении и развитии советской государственности таджикского народа можно выделить четыре этапа. Первый хронологически охватывает период с начала Октябрьской революции, образования Туркестанской АССР, Бухарской Народной Советской Республики, Союза Советских Социалистических Республик (СССР) до национально-территориального размежевания Средней Азии (1917—1924 гг.). Второй этап, связанный с образованием Таджикской АССР в составе Узбекской ССР, с её незначительным экономическим и порой драматическим положением, охватывает период с 1924 по 1929 г., т. е. до образования Таджикской ССР. Третий этап — с образования союзной республики до принятия в 1990 г. Нового закона о суверенитете. Четвертый — с 1990 г. по настоящее время.

До 1924 г. в Средней Азии существовали две разновидности советской государственности — социалистическая в Туркестанской АССР, входившей в состав Российской федерации, и народно-советская в Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республиках, представлявших собой суверенные государства, находившиеся в договорных отношениях с РСФСР. Все эти государственные образования сохранили дореволюционные административно-территориальные границы, не соответствующие национальному расселению. Это было обусловлено тем, что основные народы региона — таджики, узбеки, казахи, киргизы, туркмены и каракалпаки на протяжении длительного времени очень часто переходили от одного деспотического режима к другому и проживали в разных среднеазиатских ханствах и эмиратах.

ТАДЖИКИ В СОСТАВЕ ТУРКЕСТАНСКОЙ АССР

Образование Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики и Российской федерации явилось большим историческим событием, сыгравшим большую роль в решении национального вопроса в Средней Азии, сильно ударившим как по великодержавному шовинизму, так и по тем силам, которые мечтали о создании на территории региона Великого Туркестана — объединения всех тюркских народов в единое, независимое от России государство, ориентировавшееся на Турцию.

В то же время не выдерживают никакой критики и фактически не обоснованы встречающиеся в историографии утверждения о том, что в рамках Туркестанской республики происходил «процесс национального самоопределения таджикского народа», что это самоопределение предоставило таджикам условия для успешного хозяйственного и культурного строительства, поспособствовало развитию политической активности. По нашему мнению, эти утверждения преувеличены и демагогичны. Не соответствует действительности и то, что после создания автономии в Туркестане в государственных органах республики якобы было обеспечено широкое представительство местных национальностей и издание книг, журналов и газет на их родных языках и т. д.

К сожалению, эти преобразования и другие социальные и хозяйственные мероприятия, проведенные администрацией Туркестанской республики, почти не коснулись древнейшего народа Средней Азии — таджиков. В этом были повинны не только пантюркистские элементы, но и руководство республики, которое считало, что местное население не способно участвовать в управлении государственными, хозяйственными, культурными делами республики.

В докладной записке члена ВЦИК и ТуркЦИКа И. А. Апина в Президиум ВЦИК о положении в Туркестане сообщалось: «В первое время из-за искажений политики партии в Туркестане местное население не допускалось

в органы Советской власти и в Красную Армию, хотя оно имело к этому упорное стремление и доказало достаточную подготовленность, умение и желание служить общему делу. Это невольно толкало мусульман на мысль, что им совершенно не доверяют и что европейское население (а точнее — новые советские чиновники из числа русских.— *Р. М.*) как привыкшее, желает по-прежнему властвовать над коренным населением»[1].

Такое недоверие к членам правительства из числа местного населения, порождало, с одной стороны, национализм или по этническим признакам — пантюркизм или по религиозной принадлежности — панисламизм. Оба эти течения были одинаково опасны в отношении таджикского народа. Опасность же заключалась в том, что немногочисленные руководящие работники из числа таджиков для сохранения своего положения переходили на сторону пантюркистов, изменив свою национальную принадлежность. В дальнейшем именно они в большой степени и способствовали совершению роковой ошибки в самоопределении таджикского народа. Например, для практического проведения в жизнь принципов советской автономии, защиты интересов каждого народа и вовлечения трудящихся масс в Советы на V съезде Советов Туркестана был создан Народный Комиссариат по делам национальностей (Наркомнац). Позже, 16 января 1919 г., правительство Туркестанской республики объявило для всеобщего сведения новое «Положение о краевом Комиссариате по национальным делам», утвержденное ТуркЦИКом. В Положении четко было зафиксировано, что всем народам Туркестана предоставляется право иметь «своего представителя как в отделах по делам национальностей, так и в краевом Комиссариате по национальным делам». Согласно указанному Положению, при Народном Комиссариате по делам национальностей Туркреспублики в 1919 г. были созданы национальные отделы: «узбекский, туркменский, киргизский, азербайджанский, армянский, татарский, персидский, украинский, еврейский, туземно-еврейский»[2]. Как видим, тад-

---

[1] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее: ЦПА ИМЛ...).— Ф. 17.— Оп. 65.— Д. 380.— Л. 2.

[2] *Урозаев Ш. З.* В. И. Ленин и строительство советской государственности в Туркестане.— Ташкент, 1967.— С. 225.

жикский отдел среди них отсутствовал, хотя по численному составу и компактному проживанию во многих городах и районах Туркестанской АССР таджики превосходили все вышеперечисленные народы. Причины такого враждебного отношения к таджикскому народу некоторые исследователи видят в том, что «национальные отделы Наркомнаца были созданы без достаточного учета всех особенностей национального состава Туркестана», или же оправдывают это отношение следующим: «Отсутствие таджикского отдела при Наркомнаце связывается с теми препятствиями, которые чинились национальному самоопределению таджикского народа»[1]. Для таких утверждений, по нашему мнению, нет достаточных оснований. Национальные отделы Наркомнаца были созданы для работы среди народностей Туркестана, для пропаганды среди них идей советской власти. Среди таджикского населения Туркестана якобы такая работа велась. Но как она могла вестись, если не было создано таджикского отдела, да при этом еще провозглашались «идея советской власти», «советская работа» и т. д. Еще более лицемерным было другое объяснение, а именно — подобную работу среди таджиков проводил персидский отдел Наркомнаца. Далее в Положении приводятся другие необоснованные причины, повлиявшие на то, что таджикских советских органов при правительстве Туркестанской АССР создано не было.

Сложившаяся ситуация объяснялась не только случайным, халатным отношением работников Наркомнаца и вообще правительства Туркестанской республики в целом к данному вопросу. Была другая, более серьезная причина, влияющая на интересы таджикского народа, на его стремление к самоопределению. Об этом справедливо пишет Н. Д. Дегтяренко: «Отсутствие в составе Наркомнаца Туркреспублики самостоятельного таджикского отдела, хотя по числу населения таджики значительно превышали туркмен, армян, евреев и др. (в некоторых областях, городах и районах и узбеков.—*Р. М.*), для которых были созданы специальные отделы, на наш взгляд, следует объяснить и сохранившимся в то время влиянием узбекских пантюркистов, националистов, препятствовавших национальному самоопределению таджикского народа»[1].

[1] *Урозаев Ш. З.* В. И. Ленин и строительство советской государственности в Туркестне.— Ташкент, 1967.— С. 225.

Сложившееся отношение к таджикам нельзя оправдать и тем, что виновными в этом были якобы «отдельные руководящие работники Туркреспублики, они ошибочно отрицали наличие в Туркестане самостоятельной таджикской народности». Наивно было бы думать, что кто-либо из партийных или советских работников Средней Азии мог не знать о том, что на территории в числе других наций и народностей проживают и таджики. О таджиках, их историческом прошлом и богатом культурном наследии еще в дореволюционный период имелась довольно обширная литература, принадлежавшая перу многих русских и зарубежных востоковедов. Один из крупнейших партийных и советских деятелей Советского Туркестана, впоследствии репрессированный Г. Сафаров в работе «Колониальная революция (опыт Туркестана)», изданной в 1921 г., писал: «Из современных обитателей Туркестана прямыми потомками коренных арийцев являются только таджики. Они занимают теперь верхнюю долину реки Зеравшана в Самаркандской области, горные долины Туркестанского хребта (в Самаркандском и Ходжентском уездах), долины и предгорья в Кокандском, Наманганском, Маргиланском и отчасти Андижанском уездах Ферганы, а также Нуратинские горы в Джизакском и Катта-Курганском уездах. Словом «таджик» («тиаоги») китайцы обозначали жителей Закаспия, Хивы, Ферганы, Согдианы, которые тогда говорили на одном языке...»[2].

Всякое рассуждение о том, что партийная и государственная администрация Туркреспублики как из числа местных жителей, так и из числа русских и других национальностей, якобы не знавших о существовании коренного древнейшего народа Средней Азии — таджиков, не имеет никакого смысла и выглядит смехотворно. Они не могли не знать, что из всех жителей Средней Азии таджики являются древнейшим и просвещеннейшим народом, и взлетами многовековой культуры, развитием земледелия, градостроительства Средняя Азия обязана

[1] *Дегтяренко Н. Д.* Развитие советской государственности в Таджикистане.— М., 1960.— С. 31—32.

[2] *Сафаров Г.* Колониальная революция (опыт Туркестана).— М., 1921.— С. 110.

именно им. Достаточно сослаться на свидетельство одного из исследователей, который писал: «...так как таджики были строителями почти всех тех ирригационных систем, которые дают жизнь всем крупным оазисам Туркестана, теперешнее их состояние, главным образом, разбросанность, вытеснение не дает им возможности создать самостоятельную политическую жизнь»[1].

В статье молодого ученого-этнографа Р. Р. Рахимова, посвященной 100-летию выдающегося знатока истории народов Средней Азии И. И. Зарубина, дается четкая картина численности и расселения таджиков по различным городам и областям региона до начала национально-территориального размежевания и после него. В частности, он указывает: «По словам И. И. Зарубина, узбекская народность возникла «на глазах истории», из соединения части турецких (тюркских.— *Р. Р.*) племен, которые легли в основу казаков (казахов.— *Р. Р.*), оседая в Мавераннахре, узбеки претерпели крупные изменения, приняв в свой состав различные в разных местах турецкие родовые группы, прибывшие в страну задолго до них, и в различной степени смешиваясь с оседлым турецким и иранским населением»[2]. Автор совершенно справедливо отмечает, что «оседание узбеков ускорило процесс тюркизации ираноязычного населения», и, со ссылкой на И. И. Зарубина, добавляет: «это — уже до узбеков турецкое по языку, иранское по происхождению — население, называвшееся и называемое и поныне узбеками и казаками, именем сартов нигде не создало для себя особого этнического определения»[3].

Анализируя численный состав жителей городов Средней Азии, И. И. Зарубин получил следующую картину: в 1915 г. в традиционно многонациональном Самарканде насчитывалось: «59 901 таджиков и 819 узбеков»[4]. В 1920 г. таджиков здесь было 44 578, узбеков — 3311[5]. «Уменьшение численности таджикского населения в 1920 г. по сравнению с 1915 г. объясняется тем, что голодный 1917—1918 гг. в Самарканде унес значительную часть коренных жителей — таджиков. Одновременное

[1] *Гейр И. И.* Путешествие по Туркестану.—Ташкент, 1901. С. 27.
[2] *Рахимов Р. Р.* Советская этнография.— 1989.— № 1.— С. 117.
[3] Там же.— С. 118.
[4] Там же. С. 118.
[5] Там же.

увеличение численности узбекоязычного населения, можно предположить, шло, в частности, за счет таджикоязычного населения сартов и др.»[1].

К тому же немаловажную, можно даже сказать главную роль в рассматриваемом нами вопросе сыграло образование Туркестанской республики и начавшийся здесь процесс насильственной ассимиляции таджиков в ходе грубого нарушения переписи населения, выдвижения на руководящие должности лиц узбекской национальности, перевод делопроизводства, просвещения, печати и других органов на узбекский и турецкий языки.

В статье Р. Р. Рахимова сопоставляются этнографические результаты, полученные И. И. Зарубиным, с другими аналогичными данными, содержащимися в работах его предшественников. При этом вырисовывается поразительная картина: за несколько лет существования Туркестанской республики численность таджикского народа катастрофически упала.

Результаты Л. Ф. Костенко, приведенные Р. Р. Рахимовым, например, свидетельствуют: «В конце прошлого века основу населения Самарканда составляли таджики»[2]. Об этом говорят и данные Н. И. Вирского. В опубликованной им социологической таблице по Зеравшанскому округу за 1876 г. указывается, что в г. Самарканде насчитывалось 35 326 жителей. Из них таджиков было 33 622. Остальную часть населения города составляли персы, индийцы, среднеазиатские евреи, узбеки. По материалам первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в городах Самаркандской области преобладающим населением были таджики (60,58% — мужчин, 66,58% — женщин), узбеки (13,59% — мужчин, 13,55% — женщин). В опубликованных же материалах Всесоюзной переписи 1926 г. фальсифицированны, грубейшим образом нарушены все ее элементарные законы. В результате получилось, что в Узбекской ССР таджиков в г. Самарканде значится 10 716, а узбеков — 43 304[3].

Создание Туркестанской АССР, а затем проведение национально-территориального размежевания положили по существу начало геноциду в отношении таджикско-

[1] См.: *Рахимов Р. Р.* Указ. раб.— С. 118.
[2] Там же.
[3] Там же.

го народа. Уже одно понятие «Туркестанская республика» давало понять, что в Средней Азии, кроме тюрков, других народов нет. Руководители республики, её центральных органов из русских совсем забыли или сознательно не захотели прислушаться к советам ученых, знатоков истории, которые неоднократно указывали, что коренным и древнейшим народом Средней Азии являются таджики, что их самоопределение и создание национальной государственности имеют огромное значение. Однако в процессе острой борьбы между пантюркистами, которые всячески стремились к созданию самостоятельного независимого Туркестана, и русскими партийными и советскими работниками, старавшимися удержать республику в составе РСФСР, судьба таджикского народа была совершенно забыта.

Выступая на 3-ей Краевой мусульманской конференции РКП(б) «Об автономии и консолидации Туркестана» Т. Рыскулов особо подчеркивал: «Теперь тюркские коммунисты должны исправить ошибку истории, в частности туркестанского народа. Представители трудящихся тюрков, истинные революционеры, объединенные под красным коммунистическим знаменем, образуют единую коммунистическую организацию»[1]. Пантюркисты, объединившиеся вокруг Краевого мусульманского бюро, используя революционные лозунги, фактически проводили реакционную пантюркистскую идеологию. В этом отношении им активно помогали представители татарской, башкирской интеллигенции, работающие в советских и партийных органах республики, турки-османцы, занимавшие ключевые позиции в национальных частях Красной Армии и органах просвещения. Убедившись на опыте в невозможности осуществления национальной автономии тюркских народов Средней Азии вне Советской власти, они решили сделать установленную штыками Красной Армии Советскую власть орудием национального самоопределения только лишь для мусульман-тюрков.

Советская власть в Туркестане по существу не осуществила начавшегося еще в рамках Российской империи процесса национального самоопределения народов Средней Азии, а, наоборот, задержала, затормозила его. Эта власть не отвечала интересам отдельных народов, особенно таджикского. Этим и объясняется стремление

[1] *Сафаров Г.* Указ. раб.— С. 109.

тюркской интеллигенции, в частности узбекской, казахской, киргизской и туркменской и присоединившейся к ним определенной части таджикской интеллигенции, отравленной ядом пантюркизма, к созданию единой нации тюрков, разумеется, на основе средневековой духовно-религиозной общности мусульман — сторонников панисламизма, или, наоборот, по образу и подобию Турции— представителями этого направления являлась нарождающаяся местная буржуазия, джадиды (просветители). Такая националистическая, по существу пантюркистская идея проводилась бывшими турецкими офицерами во главе с Эффендиевым, которые, попав в Туркестан в качестве военнопленных российского самодержавия, постепенно захватили в свои руки дело просвещения в Туркестане, а позже и в образовавшихся в 1920 г. Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республиках. В резолюции 3-ей Краевой мусульманской конференции РКП(б) «Об автономии и консолидации Туркестана» подчеркивалось, что «в интересах интернационального объединения трудящихся и угнетенных народов, провести путем коммунистической агитации идею уничтожения стремления тюркских народностей делиться по существу и по названию на татар, киргизов, башкиров, узбеков и т. д., и составить отдельные мелкие республики, а объединить в целях сплоченности и привлечения других тюркских народностей, не входящих в состав РСФСР, вокруг Тюркской советской республики, а где невозможно этого добиться — объединения отдельных тюркских народностей между собою по своим территориальным расположениям»[1].

Провозглашенный К. Марксом лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» пантюркисты поняли по-своему: интернациональное объединение пролетариев всех стран и угнетенных народов всего мира было заменено объединением тюрков, связанных на деле только общим происхождением, единым языком, религиозной общностью — исламом [2].

Вместо дальнейшего развития советского социалистического строительства в Туркестане, вовлечения проживающих в республике народов в революционное обновление, пантюркисты стремились к восстановлению па-

[1] *Сафаров Г.* Указ. раб.— С. 110.
[2] Там же.— С. 111.

нисламизма в форме пантюркизма. Ими было задумано утопическое «социалистическое» обновление пантюркизма столь же чудовищного, невероятно далекого от интересов не только тюркских народов Средней Азии, не говоря о таджиках, но и от интересов татар и башкир. Такая национальная политика шла вразрез с подлинными интересами национально-культурного и политического самоопределения наций, прежде всего таджикского народа, и самих же тюркских народов — узбеков, киргизов, туркменов и др. Пантюркисты «историческое деление тюрков на татар, киргиз, туркмен, башкир, казахов и т. д. объявляли искуственным делением, и все стремления к подлинно национальному самоопределению татарских, киргизских, узбекских и туркменских масс признавали «неправильным» с точки зрения якобы национального единства всех тюркских народов» [1].

В области просвещения, особенно при создании школ, фактически не учитывались языковые особенности узбеков, туркмен и киргизов, не говоря уже о таджиках, существование которых вообще отрицалось. Проводилась тюркизация школ на основе сочетания турецких и татарских слов, ибо именно турки и татары были инициаторами реформ в области народного образования. В пределах Туркестанской республики, даже в тех районах и областях, где не проживало тюркское население, систематически проводилась насильственная тюркизация школ. Кроме того, «в период пребывания Эффендиева комиссаром народного просвещения это выразилось в введении военной турецкой муштры и турецких песен и маршей во всех школах, в насаждении всюду турецких учителей из бывших военнопленных, в официальном запрещении вводить новую орфографию и в прямом поощрении религиозной пропаганды»[2].

Состоявшаяся 3-я Краевая мусульманская коммунистическая конференция РКП(б) и 5-я Краевая конференция РКП(б) постановили признать Туркестанскую республику — республикой тюркских народов и Туркестанскую коммунистическую партию — Тюркской коммунистической партией. Вдохновители этих сумасбродных идей старались сделать отсталый Туркестан, который исторически и фактически являлся родиной таджиков, центром национальной концентрации всех тюркских народов, живущих в пределах РСФСР. Причиной тому было не только отрицание таджикского народа, но и стремление отделиться от России, став в дальнейшем сильным противовесом в борьбе между тюрками и славянами, а точнее, русскими, которых считали главным врагом тюрков. С этой целью Эффендиев предлагал «оставить внешнюю политику на усмотрение туркестанского правительства»[1].

Последующие события и центробежные намерения союзных и автономных национальных образований из числа тюркских народов иллюстрируют оживление в среде пантюркистов, возрождение их сепаратистских устремлений в новых условиях, развитие пантюркизма вообще. Как показывает исторический опыт, все это происходило и происходит в условиях революционных изъяснений и обновлений. Раньше это происходило при падении Российской империи, теперь это происходит при обновлении и демократизации советской империи, с той лишь разницей, что сейчас пантюркистское движение, иногда с панисламисткой окраской, становится гораздо опаснее, агрессивнее в отношении нетюркских народов, чем когда-либо.

С самого начала образования Туркестанской АССР и за все годы её существования в положении таджикского населения больших изменений не произошло. Особенно это отразилось при выдвижении и расстановке кадров из числа таджиков, при создании таджикских органов самоуправления, организации школ, факультетов в вузах, при организации выпуска периодической печати, школьных учебников и т. д. Всемирно известные русские, советские востоковеды, истинные знатоки истории народов Средней Азии, проявляли беспокойство за национальные интересы таджикского народа. Так, В. В. Бартольд писал в 1925 г.: «Когда в 1920 г. была утверждена Конституция Туркестанской республики, то «коренными национальностями» её были признаны только киргизы, узбеки и туркмены, древнейшие жители края, таджики, были забыты. В какой мере будет способствовать возрождению таджикской национальности национальное размежевание 1924 года, покажет будущее» [2].

[1] *Сафаров Г.* Указ. раб.— С. 111.
[2] Там же.

[1] «Известия», 1920.— 5 февр.
[2] *Бартольд В. В.* Таджики. Исторический очерк.— Ташкент, 1925. — С. 117.

Вся высшая партийная и советская структура государственной власти республики, возглавляемая местными руководителями, была подвержена пантюркистской идеологии. Об этом свидетельствует их стремление к организации единой «тюркской нации», попытки создания «Тюркской республики», «Тюркской компартии», «Тюркских военных формирований». В борьбе с такими националистическими взглядами были бессильны Туркомиссия и Туркбюро ЦК ВКП(б) и позже образованное Средазбюро ЦК ВКП(б). Проводилась политика насильственной ассимиляции всех нетюркоязычных народов Средней Азии, в первую очередь — таджиков, хотя вся мировая востоковедческая литература имеет письменные и другие многочисленные источники, свидетельствующие о том, что таджики были и остаются основным древнейшим народом Средней Азии, сумевшим сохранить и преумножить на протяжении многих веков свою самобытную культуру, язык и этнические особенности.

Несмотря на то, что таджики по численности населения занимали второе место в Туркестанской АССР, 14 июля 1918 г. ТуркЦИК принял постановление, в котором говорилось: «Объявить государственным языком, наравне с русским, местный преобладающий язык (узбекский и киргизский)». В докладе Комиссии по организации делопроизводства от 14 сентября 1924 г. отмечались наличие в Туркреспублике множества народностей и необходимость ведения в связи с этим делопроизводства на трех основных языках (узбекском, киргизском, туркменском)[1].

Вся эта антиязыковая, антитаджикская политика проводилась вопреки очевидным фактам истории, здравому смыслу. Ведь не для кого не было секретом, что прекрасный мелодичный таджикский язык на протяжении многих веков был и остается языком межнационального общения всего Востока. Государственным языком всех государственных и национальных образований в Средней Азии вплоть до национально-территориального размежевания был таджикский язык. Без знания таджикского языка невозможно и изучение культурного наследия тюркских народов, представители которых этот язык не признавали и отвергали. Почти всю дореволюционную духовную культуру народов Средней Азии можно постичь только с помощью таджикского языка. На протяжении же всего периода существования Туркестанской республики в разной форме проводилась дискриминация экономических и культурных запросов таджикского народа. Обреченность таджиков, их ассимиляция с узбеками открыто, без всякого стеснения пропагандировались на страницах периодической печати Туркестанской республики.

Так, газета «Туркестан» в начале января 1924 г. опубликовала статью «В стране таджиков», в которой говорилось: «Желание употреблять этот язык (таджикский.— *Р. М.*) означает, во-первых, стремление отделиться от жизни, потому что жизнь в течение истории против него, во-вторых, факт принятия его означает принятие не полезного, а безполезного и лишнего языка, а потому таджикам необходимо просто напросто немедленно перейти на узбекский язык и не придерживаться «особого таджикского языка», так как «ходом социального процесса уже решена их судьба»[1].

Написано страшно, но откровенно.

Главной принадлежностью любого народа, нации является язык, на котором они говорят. С уничтожением языка перестанет существовать и его носитель. Не случайно в наши дни языковая проблема выдвинулась на передний план. Все союзные и автономные республики, образования приняли законы о статусе родного языка как государственного. Вопрос о национальных языках, дальнейшем их развитии занимает одно из первых мест в кругу проблем, касающихся национальных противоречий в нашей стране.

В Туркестанской АССР на протяжении всего периода ее существования мероприятия по проведению социалистических культурных преобразований среди таджиков искусственно сдерживались деятельностью пантюркистов и национал-шовинистов. Если для других национальных республик это время определяется как начало борьбы за ликвидацию фактического экономического и культурного неравенства, то для таджикского народа оно означало период борьбы и выживания за правовое равенство в культурном развитии. В докладной записке на

[1] См.: *Хасанов К.* В. И. Ленин и ТуркБюро ЦК ВКП(б).— Ташкент, 1969.— С. 32—33.

[1] Цит. по: *Фаньян Д. К.* К истории советского строительства в Таджикистане (1920—1929).— Сталинабад, 1941.— С. 16.

имя секретаря Средазбюро ЦК ВКП(б) И. А. Зеленского говорилось, что отвергалось даже само существование таджиков, за исключением территории Горного Бадахшана — Западного Памира[1], хотя в то время таджиков, по официальным данным, в Туркестанской республике насчитывалось до 1,3 млн. человек[2].

Уместно отметить, что в Туркестане тогда проживало 290 тыс. туркмен, которые имели возможность издавать на своем родном языке книги, журналы, создавать национальные школы. Таджики же были лишены этого. Тактика «замалчивания» неприязни к таджикскому народу со стороны пантюркистов оказала свое влияние и на первых руководителей центральных партийных и советских органов. В циркулярном письме ЦК РКП(б) от 12 августа 1920 г. всем организациям Коммунистической партии Туркестана об улучшении партийной и советской работы среди коренного населения республики указывалось: «Коренными народами Туркестана являются узбеки, киргизы, туркмены. На трудящиеся массы этих народов и должна опираться советская власть»[3].

Антитаджикская политика пантюркистов и великоузбекских шовинистов приводила к негативным результатам. Видя, что руководящие посты в первую очередь предоставляются лицам тюркского происхождения, что в общеобразовательных школах преподавание ведется на узбекском языке, многие таджики, беспокоясь за свое будущее и будущее своих детей, стали записываться узбеками. Перепись 1920 г. показала, что по сравнению с дореволюционным периодом общая численность таджиков в Туркестане сократилась почти втрое при одновременном значительном росте численности узбеков.

Особое усердие в туркизации Туркестанской АССР и других регионов Средней Азии проявили те, кто учился в Стамбуле, выходцы из Турции и те, кто вольно или невольно попал в Среднюю Азию. Большинство из них нашли место в системе народного образования, в национальных военных формированиях.

[1] См.: Газеты на узбекском языке: «Зеравшан» и «Туркестан» за декабрь, январь, февраль 1921 г.

[2] Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР.— Ф. 1318.— Оп. 1.— Д. 627.

[3] Цит. по: Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане //Сб. документов.— Т. 2.— Алма-Ата, 1964.— С. 647.

Характеризуя подготовку учительских кадров в северных районах теперешнего Таджикистана, академик З. Ш. Раджабов пишет: «На учительских курсах в Самарканде наряду с опытными русскими, таджикскими и узбекскими педагогами преподавали и турецкие военнопленные, значительная часть которых пыталась насаждать агрессивные идеи пантюркизма. Поэтому не случайно после окончания курсов учителя в школах нередко изъяснялись с учащимися на ломаном турецком языке»[1].

Как очевидцу, будущему академику З. Ш. Раджабову самому пришлось выступить на городском митинге в Ходженте среди таджикского населения с написанной его учителем речью на турецком языке.

Таким образом, в Туркестанской АССР, одной из первых на территории Средней Азии советской социалистической республики, национального самоопределения таджикского народа не произошло. Наоборот, по сравнению с дореволюционным периодом его национальные интересы в значительной степени были ущемлены. Революционные преобразования, а затем и социалистические мероприятия Советской власти в экономической, политической и культурной областях в районах с таджикским населением проводились очень слабо. За период существования республики у её руководителей в основном из числа нетаджикской национальности было одно главное стремление — создать тюркское самостоятельное государство. Их главным лозунгом стали слова «Туркестан для турков».

ПОЛОЖЕНИЕ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА В БУХАРСКОЙ НАРОДНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (БНСР)

Становление и развитие национальной советской государственности таджикского народа, как и других коренных народов Средней Азии, должны были осуществляться в рамках двух советских республик: Туркестанской и Бухарской. В период существования Туркестанской АССР такого становления, как мы уже убедились,

[1] *Раджабов З. Ш.* Некоторые страницы культурной жизни Советского Таджикистана.— Душанбе, 1964.— С. 10—11.

не произошло. Как же решался этот вопрос в БНСР? Утверждения отдельных авторов о том, что в рамках Бухарской Народной Советской Республики происходило зарождение таджикской национальной государственности, не имеют никакого фактического обоснования.

После образования БНСР и начала национально-территориального районирования здесь, как и в Туркестанской республике, права таджиков, составляющих большинство населения Бухарской республики, были ущемлены. Ошибочными являются утверждения тех авторов, которые считают, что Восточная Бухара представляла собой автономное национально-территориальное образование с однородным (таджикским) составом населения, «...со своими местными (таджикскими) органами власти и управления»[1] или что она являлась политической автономией в составе Бухарской Советской Республики.

Для таких утверждений нет никаких оснований, это не подтверждено и юридическими документами, объявляющими Восточную Бухару автономной частью БНСР. Их просто не было. Если эти авторы имеют в виду созданную Всебухарским ЦИК Чрезвычайную Диктаторскую Комиссию по делам Восточной Бухары, то она была образована, с одной стороны, исключительно для борьбы с моджахедами, оказывающими сопротивление частям Красной Армии в установлении Советской власти, а с другой стороны — для нормализации политического и экономического положения Восточной Бухары. Создание чрезвычайных органов власти не только в Восточной Бухаре, но и в других регионах страны, объяснялось сложной исторической обстановкой того времени, особенно военно-политическим положением республики. Чрезвычайная Диктаторская Комиссия была создана представительными органами — ЦИК, Советом Народных Назиров и ЦК Компартии республики как временный орган власти и просуществовала менее двух лет, не решив по существу должным образом никаких политических, экономических, а тем более национальных проблем. Вскоре эта комиссия была ликвидирована.

Решением IV Всебухарского курултая (съезда) Советов, проходившего с 11 по 17 октября 1923 г., определенные автономные права управления были предоставлены районам, населенным туркменами. В постановлении съезда отмечалось: «Заслушав доклад о решениях Туркменского национального вопроса, IV Всебухарский курултай в целях еще большего сближения туркменского населения с правительством и предоставления туркменам права самим строить свою жизнь, развивать свою культуру постановляет:

а) населенные туркменами районы, как, например, Чарджоуский и Керкинский вилайаты (область), выделить и передать в ведение избранного ими из своей среды Исполнительного Комитета Туркменского вилайата;

б) поручить Центральному Исполнительному Комитету разработать проект Положения об особых правах Туркменского Исполнительного Комитета»[1].

Аналогичное постановление было принято по киргиз-казахскому вопросу, где говорилось: «IV Всебухарский курултай заслушав доклад по киргиз-казахскому вопросу постановляет:

1. Для управления киргиз-казахским населением Бухары, Нураты и Чарджоу в Утоло-Теране организовать киргиз-казахский революционный комитет, поручить ему подготовку созыва Киргиз-казахского курултая для избрания Исполнительного Комитета.

2. Для более тесной связи центрального правительства с киргиз-казахским населением и защиты его политических и экономических прав через Центральный Исполнительный Комитет организовать при Центральном Исполкоме киргиз-казахскую секцию; определение её прав и обязанностей возложить на Центральный Исполнительный Комитет.

3. В организуемый при Назирате (Министерстве) просвещения Совет по народному образованию нацменьшинств принять киргиз-казахского представителя и приступить к реорганизации народного образования киргиз-казахов.

4. Для решения правовых вопросов среди киргиз-казахского населения народ должен избрать судебный орган, (состоящий) из председателя и двух членов. На киргиз-казахский исполком возлагается утверждение со-

[1] История Бухарской Народной Советской Республики (1920—1924 гг.) //Сб. документов.— Ташкент, 1976.— С. 251.

[1] Съезды Советов союзных и автономных Советских Социалистических Республик Средней Азии //Сб. документов. 1923—1937 гг. М., 1965.— С. 59.

става избранного органа. Число таких органов должен установить исполком» [1].

Относительно Восточной Бухары, где в основном проживало таджикское население, в постановлении IV съезда Советов БНСР отмечалось: «Считая нынешнюю политику Правительства в отношении Восточной Бухары и его линию в деле сближения местного населения с Правительством правильной, признать необходимым строить государственные органы в Восточной Бухаре по возможности ближе к народу»[2]. О том, чтобы предоставить Восточной Бухаре, населенной преимущественно таджиками, какие-либо автономные органы местной власти или права самоопределения, на указанном съезде, предыдущих и последующих разговоров не было.

Удивляет то обстоятельство, что в материалах съездов, совещаний, на которых шла речь о народах Бухарской республики, таджики не упоминаются, создается такое впечатление, что их вообще не существовало. Об этом свидетельствует и то, что вся документация Чрезвычайной Диктаторской Комиссии по Восточной Бухаре и других органов составлена только на узбекском языке. Как видим, и здесь в отношении таджиков проводилась политика отрицания их существования, которая применялась и в Туркестанской АССР.

Если в Туркестане развивалось национально-пантюркистское движение, носителями и вдохновителями которого были, с одной стороны, татарские националистические элементы, с другой — младотурки и турецкая националистическая буржуазия, то центром панисламизма до образования Бухарской республики являлся Бухарский эмират, где панисламизм выступал в роли государственной идеологии. Интеллигенция Средней Азии и духовенство, исповедовавшие в Туркестане и в Бухаре ислам суннитского течения, больше ориентировались на Стамбул и Казань. В результате поездок в эти города на учебу и по другим делам они возвращались оттуда ярыми пантюркистами. Среди них было много таджиков, которые по религиозным соображениям предпочитали скорее побывать в Турции, чем в Иране, хотя по языку, национальной принадлежности они должны были быть привязаны к Ирану, его духовной культуре, истории и т. д. Однако этому, как мы уже отмечали, мешало главным образом исповедование различных направлений религии ислама. Поэтому в Туркестан и Бухару, начиная с завоевания Средней Азии царской Россией и позже, стали чаще проникать татарские и турецкие миссионеры в качестве просветителей, религиозных наставников и т. д. В период революции и гражданской войны военные советники и советские и партийные работники из их числа одновременно занимались пантюркистской пропагандой с целью восстановления региона против России, русского и других славянских народов, против таджиков и иранцев, имеющих больше общего со славянским и индоевропейскими народами, чем с турками. В то же время между панисламистами и пантюркистами имелись некоторые расхождения: первые ориентировались в качестве объединительного центра на Афганистан и некоторые арабские страны; вторые — только на Турцию. Кроме того, у панисламистов определяющим являлся принцип — исповедование только мусульманства (разумеется, суннитского направления), у пантюркистов же этот принцип дополнялся этническим моментом (объединение всех тюркоязычных народов). Оба течения в конце XIX — начале XX в. пустили в Средней Азии глубокие корни, прежде всего среди мусульманской интеллигенции и выходцев нарождающейся ростовщической буржуазии, где значительный удельный вес занимали таджики.

После образования Бухарской НСР значительное большинство (если не все) членов правительства, Ревкома и других советских органов состояли из лиц узбекской национальности, даже многие таджики по анкетным данным и документам проходили как узбеки. Кто же не хотел изменять свою национальность, просто не допускался в органы верховной власти[1].

По состоянию на 20 октября 1920 г. в БНСР имелось только три ответственных работника из числа таджиков — два в Реввоентрибунале и один (Аббас Алиев) — в Назирате просвещения. Многие таджики, занимавшие руководящие посты, в те годы писались узбека-

[1] Съезды Советов союзных и автономных Советских Социалистических Республик.— С. 60.

[2] Там же.— С. 60—61.

[1] См.: История национально-государственного строительства в СССР. На период от капитализма к социализму (1917—1937 гг.)— М., 1968.— С. 296.

ми. Например, ответственный секретарь ЦК БКП Ахмадбек Мавлянбеков, председатель Бухарского экономического Совета Абдукадыр Мухиддинов и др.[1].

Многие исследователи признают нарушение кадровой политики как в Туркестанской АССР, так и в БНСР. Главным критерием являлась не способность работника занимать ту или иную должность, а национальная принадлежность. «Национализм, принимавший тогда форму узбекского шовинизма (в Бухаре, Хорезме и др.), являлся основным идейным препятствием на пути выращивания марксистских кадров в этих республиках»[2].

Не без основания в резолюции XII съезда РКП(б), проходившего в апреле 1923 г., отмечалось: «В некоторых республиках, имеющих в своем составе несколько национальностей, этот оборонительный национализм превращается нередко в национализм наступательный, в завзятый шовинизм более сильной национальности, направленный против слабых национальностей этих республик. Шовинизм грузинский (в Грузии), направленный против армян, осетин, аджарцев и абхазцев; шовинизм азербайджанский (в Азербайджане), направленный против армян; шовинизм узбекский (в Бухаре и Хорезме), направленный против туркмен и киргизов (добавим, и таджиков.— *Р. М.*). «...Поскольку же эти пережитки превращаются в местный шовинизм, направленный против слабых национальных групп в отдельных республиках, прямая борьба с ними являлась обязанностью членов партии»[3].

Сознательные и систематические утверждения со стороны руководителей партийных и советских органов Бухарской республики о том, что в Бухаре, как и в Туркестане, коренными жителями являются только узбеки, туркмены и киргизы, привели к тому, что даже такой знаток национального вопроса, как И. В. Сталин на XII съезде РКП(б), назвав три перечисленных народа,

[1] ЦПА ИМЛ.— Ф. 62.— Оп. 2.— Д. 153.— Л. 2, 2 об., 3,7 об., 8,8 об.

[2] *Турсунов. Х.* Образование Узбекской Советской Социалистической Республики.— Ташкент, 1957.— С. 76.

[3] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.— Т. 3 (1922—1925).— М., 1984.— С. 84.

не упомянул о таджиках[1]. Вместе с тем, в 1924 г., когда была образована Таджикская АССР, он впервые, показав знание исторического прошлого таджикского народа, тепло поздравил таджиков с образованием своей республики у ворот Индостана. Спустя много лет, а точнее, после Великой Отечественной войны, И. В. Сталин в беседе с Б. Г. Гафуровым, тогда первым секретарем республики, вспоминал, что создания в 1924 г. Таджикской ССР не хотели и всячески это дело тормозили сами таджики. Виновным в этом вопросе он считал Абдулло Рахимбаева. Почему? Об этом будет сказано ниже.

Разделение руководящего состава Бухарской республики на разные группировки, условно относящиеся к «правым», «центру», «левым», естественно, отразилось и на решении многих важных политических, экономических и социальных вопросов. Тогда «на личный характер внутрипартийной борьбы в БКП, приводивший к интригам и «подкапыванию», первым обратил внимание В. В. Куйбышев. Об этом же в 1922 г. на собрании актива бухарских коммунистов Г. К. Орджоникидзе говорил: «Наряду с укреплением Файзуллы мы должны принять все меры к тому, чтобы очистить его не только от контрреволюционных элементов, но и от родственных связей. До сих пор Файзулла подбирал работников по признаку родства, кумовства. Придется становиться на другой путь — подбора людей по признаку честности и дельности независимо от того, к какой группе товарищ принадлежал — к левой или группе Абдулкадыра Мухиддинова. Предвижу, что задача эта нелегкая»[2].

После создания Бухарской республики в руководстве тон задавали в основном представители трех направлений пантюркистского характера. В правоохранительных органах, национальных частях бухарских формирований руководящую роль осуществляли турецкие военнопленные и те лица, которые проникли в Среднюю Азию нелегальным путем.

В партийных и советских органах республики в большинстве своем работали люди, посланные из Туркестанской АССР из числа лиц узбекской, татарской и башкирской национальностей или ярые сторонники тюр-

[1] См.: *Сталин И. В.* Сочинения.— Т. 5.— М., 1954.— С. 250.

[2] Цит. по кн.: Фиш Р., Хашаи Р. Глазами совести.— Душанбе, 1978.— С. 45.

кизации, сформировавшиеся под сильным влиянием пантюркистской и панисламской идеологии. Многие известные в прошлом таджикские интеллигенты (иногда их называли джадидами), особенно те, которые учились в Стамбуле, «вместе с образованием умудрились привезти домой и пантюркистские идеи». Они и рассуждали, а затем проводили среди населения пропаганду «идеи» о том, что «Средняя Азия — это, мол, Туркестан, т. е. страна тюрок, и никаких таджиков здесь нет и в помине...» Скрывая, что они таджики, эти интеллигенты даже и не пытались отстаивать интересы таджикского народа в образовавшихся советских республиках — Туркестанской АССР и Бухарской Народной Советской Республике. Поэтому, когда в этих республиках были созданы все условия для национальной автономии проживающих на их территории народов — узбеков, туркмен, киргизов, европейцев и даже бухарских евреев, то таджиков обошли стороной. Само название таджики не упоминалось ни в одном официальном документе.

Пантюркистами были заняты основные ключевые позиции во всех партийных и советских органах. Единство языка, вероисповедания позволило им без каких-либо затруднений и сопротивлений найти общий язык с местным тюркоязычным населением. Почти все вновь организованные школы в пределах Бухарской республики были укомплектованы турецкими учителями, в том числе в тех районах и городах, где проживало в основном таджикское население. Обучение в школах проводилось на турецком языке, детей таджикской национальности заставляли учиться на непонятном для них языке, не разрешали даже разговаривать между собой в общественных местах на родном языке, заставляли записываться тюрками, а после национально-территориального размежевания — узбеками. Тех, что отказывался учиться на узбекском языке и не записывал себя узбеком, вынуждали покинуть родные места. В Бухаре, Самарканде, Ходженте и других городах с таджикским населением в школах стали изучать турецкие песни, в милицейских национально-войсковых формированиях стали практиковать команды по-турецки. Проводилась спешная тюркизация, а в последующие годы узбекизация таджикского населения Средней Азии. Детей-школьников таджикской национальности, насильно принуждали учить наизусть слова военного марша на турецком языке. Сохранился перевод этого марша на русский язык:

Вставайте, туранцы, возьмите оружие.
Турки освобождены — уничтожена Греция.
Да здравствуют турки!
Да здравствует Камаль!
Вставай из гроба,
Боевой Джамаль!
Образовался ислам — враги исчезли.
Турецкий мир — стал светлый
Да здравствуют турки!
Да здравствует Камаль!
Вставай из гроба,
Боевой Джамаль!
Турецкая армия — стала турецким оплотом
С мероприятиями — падишаха Камаля.
Да здравствуют турки!
Да здравствует Камаль!
Вставай из гроба,
Боевой Джамаль!
Греция исчезла — турки освобождены
Город Стамбул стал турецким.
Да здравствуют турки!
Да здравствует Камаль!
Вставай из гроба,
Боевой Джамаль!

Это стихотворение особенно ярко иллюстрирует те пантюркистские идеи, которые пропагандировались во всех начальных школах Туркестанской АССР и Бухарской Народной Советской Республики.

Попустительство узбекофицированных таджиков, их космополитизм обошелся таджикскому народу очень дорого. Вначале он лишился своего языка, затем образования самостоятельной республики, историко-культурных центров. Неверное, командно-административное решение национально-территориального разграничения привело к тому, что древнейшие таджикские города, области и районы, вошедшие в состав Узбекской ССР, были обречены на систематическую, насильственную узбекизацию путем подделки документов, угрозы высылки

за пределы родных, исконно принадлежавших таджикам мест, путем закрытия школ на таджикском языке под разными выдуманными причинами, выдвижения на руководящую работу по национальной принадлежности и т. д.

Угроза образования в противовес центру и России единого мощного тюркского движения в Средней Азии, охватившего все народности региона, относительное ослабление в рамках советской государственности экономических и межнациональных отношений между среднеазиатскими народами настоятельно диктовали необходимость проведения национально-территориального размежевания.

НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ ТАДЖИКСКОЙ АССР В СОСТАВЕ УЗБЕКСКОЙ ССР

В архивных документах, сохранившихся до наших дней, в многочисленных публикациях по вопросу национально-территориального размежевания Средней Азии, о причинах этого размежевания приводятся, на первый взгляд, аргументированные доводы в подтверждение необходимости именно такого размежевания с точки зрения политики, экономики, культуры. С одной стороны, эти доводы были как будто и правомерны. О том, что идея национально-территориального размежевания для народов Средней Азии имела огромное значение во всех отношениях, двух мнений быть не может. Об этом очень подробно и обоснованно изложено в исторической, юридической, философской и другой литературе по истории советского строительства в отдельных республиках Средней Азии и в регионе в целом. В то же время, с другой стороны, мало кто пишет о тех конкретных перегибах, сознательно допущенных искажениях при решении этого вопроса, которые были допущены по вине пантюркистски настроенных националистов. Именно «для них,— говорил И. В. Сталин,— главное не внутреннее строительство, а «внешняя» политика, расширение границ своей республики, тяжба с окружающими республиками, желание отхватить у соседей лишний ку-

сочек и понравиться, таким образом, буржуазным националистам своей страны»[1].

В результате такого враждебного националистического отношения пантюркистских элементов к проводимой Советской властью политике самыми пострадавшими и ущемленными оказались таджики. В состав образованной Таджикской Автономной республики были включены самые заброшенные, самые отсталые окраины Бухарской и Туркестанской республик. И все же всесторонняя помощь русского народа, Союзного правительства и Средазбюро ЦК ВКП(б), оказанная Таджикистану после национального размежевания, в какой-то степени дала возможность восстановить хозяйство республики, усовершенствовать её советский аппарат и начать культурно-просветительную работу среди широких масс трудящихся.

Разговоры вокруг национально-территориального размежевания возникли еще в 1920 г., в связи с возникшими осложнениями в межнациональных отношениях в Туркестанской АССР, в частности усилилось пантюркистское влияние, сторонники указанного течения старались отделить республику от РСФСР и создать самостоятельное Туркестанское государство из числа тюркоязычного населения Средней Азии. В свою очередь, разгоревшаяся борьба между руководителями местной национальности и русскоязычными представителями советских и партийных органов, присланными из центра, также стала одной из причин скорейшего решения рассматриваемого вопроса. За четыре года до проведения национального размежевания В. И. Ленин, изучив материалы Туркомиссии, в своих замечаниях на проект решения ЦК о задачах РКП(б) в Туркестане 13 июня 1920 г. указал на необходимость осуществления этого размежевания, предложил изучить этот вопрос и рекомендовал:

«1) Поручить составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению.

2) Детальнее выяснить условия слияния или разделения этих 3 частей»[2].

До настоящего времени смысл и содержание сказанного вождем не раскрыты объективным образом в име-

[1] *Сталин И. В.* Соч.— Т. 7.— С. 143.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 41.— С. 436.

ющейся литературе по этому вопросу. Неясно, почему В. И. Ленин в своих замечаниях, упомянув о составлении этнографической карты «Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению», не упомянул другие народы, живущие в Средней Азии, в том числе и таджиков, один из древнейших, коренных народов не только Средней Азии, но и всего Востока, хотя о таджиках и их историческом прошлом к этому времени было издано предостаточное количество различных публикаций как русскими, так и зарубежными исследователями. Известным русским этнографом М. С. Андреевым была составлена и этнографическая карта с историческим анализом и картой расселения таджиков в Средней Азии и в соседних зарубежных странах. Его обоснованное заключение о том, что таджики, «самые древние известные нам засельники Средней Азии, даже после нашествия орд иноземных завоевателей, истребивших или ассимилировавших иранский элемент на значительном пространстве Средней Азии или оттеснивших его в горы, до сих пор (до 1924 г.— *Р. М.*) еще занимает значительную площадь в Средней Азии»[1] не мог не знать ни Ленин, ни другие высшие партийные и государственные руководители страны. О том, что вождь пролетариата знал о древнейшем народе Средней Азии — таджиках, свидетельствует его выступление по национальному вопросу на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г., где он говорил: «...что же мы можем сказать по отношению к таким народам, как киргизы, узбеки, таджики, туркмены...»[2] и т. д.

Дело заключалось в том, что в составлении документа, кроме членов Туркомиссии, принимали участие и некоторые ярые националисты, пантюркисты, вроде Т. Рыскулова, который в 1921 г. на Втором Всероссийском совещании коммунистов тюркских народов в Москве, возражая высказыванию В. И. Ленина о необходимости «борьбы с панисламизмом и подобными течениями», говорил, что панисламизм и пантюркизм имеют громадное значение для мусульманских трудящихся, «поэтому они смотрят на новую Турцию, на Ататюрка Камаля. Турецкое кемалистское движение охватило все тюркские

[1] *Андреев М. С.* Об этнографии таджиков //Таджикистан. Сб. статей с картой.— Ташкент, 1925.— С. 151.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 38.— С. 158—159.

народы Востока»[1]. Именно группа Рыскулова упорно настаивала на создании так называемых «республик тюркских народов». В разделе проекта о внутренней организации Туркестана так и было написано: «Считая необходимым предоставить национальным группам Туркестана возможность организоваться в автономные республики, а национальным меньшинствам — в коммуны, на ТуркЦИК возлагается обязанность созвать съезд Советов узбекских, киргизских и туркменских трудящихся для окончательного разрешения вопроса об организационных формах их осуществления»[2].

К практическому решению национально-территориального размежевания Средней Азии приступили в начале 1924 г., вскоре после состоявшегося очередного XII съезда РКП(б), рассмотревшего национальный вопрос и возникшие трудности в его решении в некоторых регионах страны и особенно в республиках Средней Азии. 25 февраля 1924 г. расширенный пленум ЦК Бухарской компартии обсудил вопрос «О размежевании Советской Средней Азии на ряд республик по национальному признаку». Затем 10 марта 1924 г. тезисы по данному вопросу в окончательном виде были утверждены Исполбюро ЦК БКП. В них предусматривалось образование двух союзных республик — Узбекской и Туркменской. В отношении таджиков в тезисах говорилось: «Народность таджиков образует из Матчи, Каратегина и Гарма автономную Таджикскую область в составе Узбекистана — Бухары»[3].

Этим драконовским, антинародным решением пантюркисты сознательно старались закрепить тот факт, что таджики компактно проживают якобы только в отдельных высокогорных районах. Тем самым они не хотели признавать за таджиками их историческое право на принадлежащие им древнейшие города Самарканд, Бухару, Ходжент, а также многие равнинные области и районы Средней Азии. Указанное решение без особых изменений переходило в последующие принятые на высоком уровне актовые документы, которые без каких-либо замечаний принимались советскими и партийными органами советских республик и центра.

[1] ЦПА ИМЛ.— Ф. 17.— Оп. 2.— Д. 213.— Л. 84—86.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 41.— С. 435.
[3] ЦПА ИМЛ.— Ф. 62.— Оп. 2.— Д. 101.— Л. 2—3.

Все это стало определяющим в решении вопроса о формировании советской национальной государственности таджикского народа, Не брались во внимание даже такие районы, как Гиссарский, Вахшский, Кулябский, Зеравшанский, не говоря о Горном Бадахшане, Сурхандарье и Кашкадарье, отдельных городах и районах Ферганской долины, абсолютное большинство коренного населения которых составляли таджики. Даже с точки зрения географии все это выглядело нелепо. Безответственно было из двух районов — Каратегина и Матчи, отделенных горными массивами, не имеющих между собой из-за бездорожья связи и постоянного контакта, из двух районов, между которыми отсутствовал связывающий культурно-административный центр, формировать автономную область. Задуманное было непостижимо человеческому разуму. Никто не мог даже подумать, что все это делается с одной лишь целью — загнать таджиков в особую автономную резервацию, не дать им возможности объединить свои исторические, экономические и культурно сложившиеся развитые центры.

Одновременно вопрос о национальном, территориальном размежевании Туркестана был обсужден на объединенном совещании ЦК Компартии Туркестана, Президиума ТуркЦИКа, где докладчиком выступил ответственный секретарь ЦК КП Туркестана Абдулло Рахимбаев. Он без каких-либо колебаний прямо заявил, что «Средняя Азия по национальному составу является страной, где преобладающей национальностью являются узбеки, киргизы и туркмены и затем, значит, отдельные мелкие народности»[1]. Таким образом, таджики были им отнесены к числу «отдельных мелких народностей». В дальнейшем пантюркисты, видя, что Рахимбаев без каких-либо колебаний протаскивает пантюркистскую линию в политике национального размежевания, ему и доверили действовать до конца, то есть фактически он становится главным проводником этой линии на всех совещаниях и заседаниях, которые проводились на местах и в центре.

5 апреля 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) заслушало доклад А. Рахимбаева «О Туркестане, Бухаре и Хорезме (об образовании национальных республик)» и в принципе одобрило предложение коммунистических организаций Средней Азии. ЦК РКП(б) поручил своему Среднеазиатскому бюро подготовить по этому вопросу все необходимые материалы и предложения [1].

[1] ЦПА ИМЛ.— Ф. 62.— Оп. 2.— Д. 151.— Л. 6.

Когда этот вопрос обсуждался на заседании Средазбюро ЦК РКП(б) совместно с Исполбюро ЦК Компартии Туркестана, Файзулла Ходжаев и Усман Ишанходжаев затронули вопрос о таджиках. Ради исторической объективности следует отметить, что председателя Совета Народных Назиров Ф. Ходжаева стала в некоторой степени беспокоить судьба таджиков. Это видно из его выступления на этом заседании, где он, в частности, сказал: «Что же касается таджиков, то относительно них имеются два варианта — что они должны войти в нашу республику (т. е. Узбекистан.— *Р. М.*) как самостоятельная часть, или также получат полную независимость; по этому вопросу мы не имеем мнения самих таджиков»[2].

После выступления в прениях, несколько изменив первоначально высказанное им мнение и приведя явно заниженное число таджиков в БНСР и других районах Средней Азии, он отмечал, что если «более ближе присмотреться к этому народу, то мы увидим, что этот народ не имеет ни своего управления, ни школ на таджикском языке, ничего. Такое же количество таджиков имеется в Зеравшанской долине, такой же язык, такой же уровень культуры, такой же хозяйственный уклад; учтя все это, мы делаем вывод, что не нужно проводить между ними особых границ, объединить обе группы таджиков на одной территории в виде автономной области или как-то иначе,— это нужно будет согласовать с мнением таджикских работников, полагая, что Таджикская республика должна строиться внутри Узбекской республики» [3].

В самом деле — с победой Октябрьской революции, установлением Советской власти, образованием двух советских республик — Туркестанской и Бухарской, таджики действительно оказались без школ, без языка, без национальных органов власти. Об этом говорил человек, который занимал высокий пост Председателя Совета Народных Назиров БНСР и сам был причастен к тому, что

[1] См.: Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана.— Т. 1.— Душанбе, 1980.— С. 102.
[2] ЦПА ИМЛ.— Ф. 62.— Оп. 1.— Д. 25.— Л. 30.
[3] Там же.— Л. 57—58.

таджикский язык, являвшийся на протяжении многих веков государственным языком в Бухарском эмирате, после 2 сентября 1920 г. перестал таковым быть. Правительство, возглавляемое Ф. Ходжаевым, признало узбекский язык в качестве официального языка в учреждениях и школах республики как для узбеков, так и для таджиков.

О пренебрежении пантюркистов к национальной культуре и национальному языку таджикского народа свидетельствует и тот факт, что в 1920 г. была прекращена деятельность первого таджикского советского журнала «Шуълаи инкилаб» («Искры революции»). Газета «Туркестан» 2 января 1924 г. писала: «Желание употреблять таджикский язык означает, во-первых, стремление отдалиться от жизни, потому что жизнь, течение истории против него; во-вторых, факт принятия его означает принятие бесполезного и лишнего языка, а потому таджикам необходимо немедленно перейти на узбекский, (т. е. тюркский) язык и не придерживаться особого таджикского языка», так как «ходом социалистического прогресса уже решена его судьба». Так решили запретить таджикский язык, язык на котором созданы литературные шедевры и научные трактаты, известные всему миру. При этом преследовалась одна цель: так как таджикский народ, его язык, культура, литература и вся его история не позволяли возвышению среднеазиатских тюрков-пришельцев, которые стали цивилизованными благодаря именно таджикам, то они в свою очередь решили присвоить всю многовековую культуру таджиков, искусство, науку, все прекрасное, что создали предки таджикского народа. Ссылаясь на якобы историческую несостоятельность, ненужность таджикского языка, пантюркисты глубоко ошиблись. Нет сомнения в том, что в будущем потомки тех, кто мечтал или предсказывал историческую обреченность таджикского языка, будут разговаривать на этом языке, ибо он, как и любой другой язык, бессмертен. Уже в наши дни таджикский язык все больше и больше проникает в среду тюркоязычных народов. Об этом свидетельствует празднование праздника Навруз («Новый день» или «Новый год»). Среди тех, кто в то трагичное для таджикского народа время решал его судьбу, были и трезво мыслящие политики, которые выступали против утверждения о том, что наро-

ды Средней Азии (имелись в виду тюркские.— *Р. М.*) представляют собой компактную массу. Среди выступавших с критикой такого взгляда следует отметить У. Ишанходжаева, который говорил, что пятью главными нациями края являются узбеки, казахи, туркмены, киргизы и таджики[1].

Приведенные факты говорят о том, что еще на первом этапе подготовки национально-территориального размежевания, вопреки действиям пантюркистов и великоузбекских шовинистов, были и более дальновидные деятели, которые поднимали вопрос о необходимости образования Таджикской республики, в частности и союзной («независимой»), а не только лишь автономной области на основе нескольких горных окраинных районов.

Сложные вопросы осуществления национально-территориального размежевания требовали создания специальной комиссии из числа представителей размежевавшихся народов Средней Азии. Поэтому была образована особая Комиссия Средазбюро ЦК РКП(б). В свою очередь она организовала три подкомиссии: узбекскую, казахскую и туркменскую. Было решено в состав узбекской комиссии включить одного представителя таджикского народа — Ч. Имамова. В резолюции Комиссии Средазбюро о таджиках говорилось: при необходимости пожелания таджикских партработников о проведении самостоятельного совещания или консультации своего национально-территориального самоопределения возложить руководство этим совещанием на тов. Абдулло Рахимбаева. Возложение на Рахимбаева решения такого принципиального, по существу судьбоносного для таджикского народа вопроса имело далеко идущие цели. Его позиция в отношении самоопределения таджикского народа была уже известна тем, кто всячески препятствовал созданию самостоятельной не только таджикской союзной республики, но и даже автономной. Именно он был инициатором создания Таджикской автономной области из самых отсталых горных районов — Матчи, Каратегина и Дарваза. Эту свою позицию он отстаивал до самого конца. Таджик по национальности, он на протяжении всей своей руководящей работы в партийных и советских высших органах в Туркестане, Бухаре, Узбекистане и Таджикистане несколько раз изменял нацио-

[1] ЦПА ИМЛ.— Ф. 62.— Оп. 1.— Д. 25.— Л. 30.

нальную принадлежность в зависимости от того, где, когда и на какую очередную должность его выдвигали. Все это было не случайно. Его карьеристские, националистические и космополитические взгляды проявлялись с самого начала его политической деятельности вплоть до его ареста на посту Председателя СНК Таджикской ССР. Рассказывая о своей прошлой деятельности, формирование характера и взглядов он объясняет следующими обстоятельствами: «Я родился в семье таджика — торговца-кулака в Ходженте и с детства получил националистическое воспитание. Учился в учительской семинарии известного реакционера Остроумова в Ташкенте, которую окончил в 1917 г., уже в февральской революции я был убежденным националистом. В мае 1917 г. в Ташкенте состоялся общетуркестанский мусульманский съезд, возглавляемый известным националистом Беком Буди. Я присутствовал на этом съезде в качестве гостя и целиком стоял на точке зрения создания Туркестанской республики, входящей на федеративных началах в Россию. После окончания учебы я уехал в Ходжент, где вначале работал секретарем буржуазно-националистической организации «Шурои ислом». В противовес 3-му съезду Советов (Туркестанской АССР.— *Р. М*)., националистическая буржуазия созвала в конце этого же года всеобщий мусульманский съезд в Коканде.

Съезд объявил буржуазно-демократическую автономию Туркестана и избрал туркестанское правительство, возглавляемое премьер-министром Точешбаевым, а впоследствии Мустафой Чокаевым. В начале 1918 г. в Коканде был созван «Съезд трудящихся мусульман». Съезд этот в основном состоял из представителей мелкой буржуазии. Я был делегирован на этот съезд... и был избран в Народный совет, съезд одобрил Кокандскую автономию»[1].

Далее он отмечает, что «в январе 1918 г. правительство было разгромлено. Во время разгрома правительства Кокандской автономии я находился в Ходженте, откуда, боясь преследования за свою антисоветскую деятельность, бежал в Голодную степь, где скрывался у своего отца. В конце весны 1918 г. я пробрался в Ташкент... там... тоже был под влиянием пантюркистов... еще в начале 1918 г., после установления в Туркестане Советской власти, в руководстве которой стояли большевики и левые эсеры, влиятельные в старом городе Ташкенте националисты Турсун Ходжаев и Низаметдин Ходжаев, дали следующую установку: нам, националистам, не по пути ни с коммунистами, ни с левыми эсерами, но нам необходимо быть в курсе дел тех и других, поэтому части националистов нужно идти к эсерам, а части к большевикам с тем, чтобы узнав, что хотят те и другие, решать вопросы так, как нам, националистам, нужно»[1]. Продолжая свое признание, он говорит: «В 1919 г. в г. Ташкенте была создана под руководством Мунавара Кары нелегальная пантюркистская организация «Иттиход-ва-Тараки». Эта организация возглавлялась Центральным комитетом, в состав которой входили Мунавар Кары, Турар Рыскулов, Файзулла Ходжаев, Турсун Ходжаев, Н. Тюракулов и др. Основная цель — «свержение Советской власти и создание буржуазно-демократического тюрко-татарского государства»[2].

Столь длинная цитата, приведенная нами, необходима для подкрепления, обоснования нашей точки зрения. Это тем более необходимо, что мы говорим о правде исторической, подтверждать которую можно только неопровержимыми фактами. В приведенном документе, а точнее, в собственном признании Абдулло Рахимбаева все его аргументы соответствуют той обстановке, которая создалась в Туркестане, Средней Азии после установления Советской власти. Многое, из сказанного им, известно широкому кругу читателей, не говоря уже о специалистах, которые знают гораздо больше и глубже. И все же о многом до недавнего времени не знали и не знают ни те, ни другие. Есть еще такие «особо секретные» документы, которые до сих пор не доступны ученым-историкам в частности и широкой общественности вообще.

В связи с решением Средазбюро ЦК РКП(б) назначить Рахимбаева представителем таджикского народа в обсуждении национально-территориального размежевания, Полпред РСФСР в БНСР А. Знаменский — человек высокой эрудиции, интеллигент в полном понимании этого слова, большой знаток таджикской истории, культу-

[1] Центральный государственный архив (далее: ЦГА) Таджикской ССР.— Ф. 3.— Оп. 3.— Д. 271.— Л. 4—5.

[1] ЦГА Таджикской ССР.— Ф. 3.— Оп. 3.— Д. 271.— Л. 4—5.
[2] Там же.— Л. 5.

ры и литературы, в письме на имя заместителя председателя Средазбюро О. Карклина от 1 сентября 1924 г. писал относительно намечаемого состава секретариата ЦК Компартии Узбекистана — А. Рахимбаева, А. Мавлянбекова и И. М. Варейкиса: «Два последних намечены условно, но кандидатура Рахимбаева, как первого генерального секретаря, вероятно, сохранится при всех комбинациях. У т. Рахимбаева имеется ряд недостатков: неуверенность в работе, как бы отсутствие в его академическом понимании элементов американизма и пр., но он устраивает их одним достоинством: быть выразителем партийного единства в узбекском движении»[1].

Весной и летом 1924 г. на заседаниях Средазбюро ЦК и созданных им комиссий продолжалось обсуждение вопроса национального размежевания. Сохранившиеся документы отразили этот процесс обсуждения, в них были зафиксированы те территориальные изменения, которые происходили при формировании отдельных национальных республик. Так, к Таджикской автономной области, кроме ранее включенных районов, были добавлены Памир и Кулябский вилоят (область), но это решение о создании Таджикской автономной области и количестве включаемых в нее районов и областей еще не было окончательным. Некоторые итоги состоявшихся обсуждений на местах 12 июня 1924 г. были рассмотрены Политбюро ЦК РКП(б), которое своим решением «О национально-территориальном размежевании республик Средней Азии (Туркестана, Бухары и Хорезма)» эти итоги одобрило.

Для определения границ создаваемых национальных республик и областей было решено образовать из их представителей — узбеков, казахов, туркмен, киргизов и таджиков, территориальную комиссию под председательством одного из членов Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Происходили и некоторые внутриреспубликанские изменения. При этом нельзя согласиться с мнением определенной части ученых-историков, юристов, утверждающих, что «в процессе обсуждения, а затем практического осуществления национально-территориального размежевания Средней Азии происходило формирование таджикской государственности на территории Восточной Бухары, населенной преимущественно

[1] ЦПА ИМЛ.— Ф. 62.— Оп. 2.— Д. 88.— Л. 92.

таджиками». Такой вывод был сделан на основании принятого 28 мая 1924 г. Всебухарским ЦИКом постановления, где говорилось: «Ввиду ликвидации чрезвычайного положения в Восточной Бухаре упразднить Чрезвычайную Диктаторскую Комиссию и вместо неё организовать Исполком Восточной Бухары с центром в Душанбе»[1].

Однако ликвидация ЧДК и создание вместо неё Временного Центрального Исполнительного Комитета Восточной Бухары по существу не изменили существовавшего в прошлом положения указанной территории и не способствовали самоопределению таджикского народа, тем более той его отсталой части, которая не имела никакого представления и понятия о происходящих политических изменениях.

Однако задуманный в центре спектакль с созданием отдельных территориальных формирований, национально-территориальных разграничений, принятие различных постановлений, решений, резолюций продолжались полным ходом, без какого-либо согласия тех, с кем не только не советовались, а чьи интересы и дальнейшая судьба просто игнорировались.

На проходившем в первых числах сентября 1924 г. I съезде Советов Восточной Бухары наряду с вопросами хозяйственно-культурного значения, рассматривался вопрос и о национально-территориальном размежевании Средней Азии. На заключительном заседании съезд избрал Центральный Исполнительный Комитет Советов Восточной Бухары и делегатов на V Всебухарский курултай Советов. Председателем ЦИКа был избран Нусратулло Махсум (Н. Лутфуллаев). Учитывая, что большинство населения Восточной Бухары составляют таджики, съезд народных депутатов решил считать официальным языком делопроизводства и государственным языком таджикский, хотя, как заявлялось ранее, такого не существовало. Было уже ясно, что в результате нацразмежевания таджикам достанутся лишь высокие горы, отсталые, разоренные войной кишлаки.

После принятия постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 12 июня 1924 г. в республиках Средней Азии развернулась работа по подготовке к непосредственному осуществлению национально-территориального размеже-

[1] ЦГА Узбекской ССР.— Ф. Р.— 47.— Оп. 1.— Д. 186.— Л. 143.

вания. Повсеместно стала проводиться агитационно-пропагандистская работа. В противоположность официальным решениям о проведении разъяснения по национальному принципу высказывались и другие мнения и проекты создания так называемого «тюркского государства», «великого узбекского государства», «государства великого Казахстана», «государства большой Киргизии».

Предлагалось оставить прежние названия: Бухара, Туркестан, Хорезм и др. Шли разговоры о том, что коммунисты Москвы проводят нацразмежевание с одной целью — искусственно разделить народы Средней Азии на узбеков, туркмен, киргизов, и действуют они при этом по принципу «разделяй и властвуй». Было мнение, что этим актом хотят уничтожить древние государства — Бухару и Хиву. Вместе с тем была выдвинута также идея создания Среднеазиатской федерации. Её сторонники считали, что высшей ступенью национального размежевания должно явиться образование Среднеазиатской Федеративной Советской Социалистической Республики[1]. Так, один из непосредственных участников осуществления национально-территориального размежевания И. Варейкис считал, что «в перспективе рано или поздно мы имеем перед собой образование Среднеазиатской федерации; исторически мы к ней неизбежно придем. Создать Среднеазиатскую федерацию сегодня нельзя не только по практическим соображениям, но и даже по формальным причинам. Федерация есть союз отдельных государств. Как мы создадим этот союз, то есть федерацию, когда нет самих союзников, когда не оформлены новые государства? Надо с начала создать эти государственные образования, а потом образовывать эту федерацию»[2].

История показала, что создание Среднеазиатской федерации на основе добровольного вхождения указанных национальных республик не решает проблемы национальных противоречий и трений, а, наоборот, во многом их усугубляет. События последних лет показывают, что идея образования региональной федерации нереальна, даже в рамках существующих многонациональных республик происходит тенденция автономного отделения от-

[1] ЦПА ИМЛ.— Ф. 62.— Оп. 2.— Д. 151.— Л. 60—61.

[2] *Варейкис И., Зеленский И.* Национально-государственное размежевание Средней Азии.— Ташкент, 1924.— С. 79.

дельных народов, которые были включены в состав той или иной республики в период нацразмежевания. Мы убеждены в том, что в недалеком будущем, как бы не закрепляли новыми договорами общесоюзную федерацию, она все же обречена на полный распад и образование совершенно новых самостоятельных национальных государств, связанных между собой на какое-то время, может быть, в виде конфедераций. Так что уверенность И. Варейкиса в отношении создания Среднеазиатской федерации опровергнута самой жизнью.

Продолжая работу по осуществлению национально-территориального размежевания Средней Азии, Средазбюро ЦК 15 июля 1924 г. образовало временные бюро создаваемых национальных республик и областей, была сформирована и Центральная Комиссия по национально-территориальному размежеванию. В эту комиссию вошли представители от узбеков, казахов, туркмен, киргизов, а также от Хорезмской НСР и от русского населения. Вопреки решению Политбюро ЦК РКП(б) от 12 июня 1924 г., в котором было четко сказано об образовании комиссии из представителей всех среднеазиатских народов, в том числе и таджиков, последние не были представлены ни одним политическим деятелем, который мог бы защитить принципиальные законные интересы таджикского народа.

Таджикская подкомиссия с правом совещательного голоса в составе Ч. Имамова, А. Ходжибаева и М. Саиджанова была включена в комиссию с опозданием, буквально, за три дня до начала обсуждения вопроса о границах Таджикской автономной области[1]. Естественно, что за три дня Таджикская подкомиссия не имела возможности не только глубоко и обстоятельно изучить материалы комиссии, но даже хотя бы бегло ознакомиться с ними. Поэтому её заключение и выводы полностью отражали желание узбекской комиссии. Об этом свидетельствует и протокол заседания комиссии по вопросу образования Таджикской автономной области, по которому видно, что члены Таджикской подкомиссии выступали робко, трусливо, с соглашательских позиций по всем обсужденным вопросам. В подтверждение вышесказанного приведем без каких-либо изменений выписку из

[1] ЦПА ИМЛ.— Ф. 62.— Оп. 2.— Д. 104.— Л. 47.

стенографического заседания территориальной комиссии от 21 августа 1924 г.

Председатель: Теперь на очереди у нас таджики. Слово имеет тов. Ходжибаев.

Ходжибаев: По данным статистики, всех таджиков, как в пределах Туркреспублики, так и в Бухаре, числится 1.240.000 человек, причем при выделении одной автономной области мы имели в виду исключительно удобства административного управления, полагая, что таджики, которые живут в пределах Западной Бухары, Самаркандской и Ферганской областей как в отношении хозяйства, так и административного управления связаны с узбеками, и поэтому взаимно не могут быть присоединены к той автономной Таджикской области, которая будет создана в Восточной Бухаре.

По соглашению с Узбекским бюро, граница Автономной Таджикской области установлена в следующем виде: вся территория Курган-Тюбинской, Гармской, Кулябской и Душанбинской областей и вся территория Каратагского уезда. Из Сары-Ассийской области три волости: Фальгарская, Искандеровская и Матчинская Самаркандской области и затем из Ферганской области Шугнанская, Памирская, Рушанская волости, вообщем вся Таджикская часть внешнего Памира.

Таджикская Автономная область граничит на севере с Самаркандской и Ферганской областями, Восточная часть — с Кара-Киргизской, южная часть — с Афганистаном, и западная — с Сары-Ассийской областью.

Общая численность таджикского населения, которая остается в пределах Таджикской Автономной области, по статистическим данным Бухарского правительства, которое в свою очередь руководствовалось данными Эмира бухарского, говорит следующее: по той области, которую мы здесь отграничили, имеется 1.200.000 с лишним населения, но, принимая во внимание, что эти данные относятся к 1913 г., и учитывая то обстоятельство, что с 1920 г. в этом районе оперирует басмачество, ввиду чего громадная часть населения переселилась в Афганистан, Бухарское правительство считает, что против данных эмира от 1913 г. население Восточной Бухары сократилось на 40—45%, таким образом, в пределах Узбекской республики остается незатронутым национальным размежеванием громадное количество таджиков.

Сведения военной статистики подтверждают, что на той территории Бухары, где образовывается Таджикская Автономная область, таджикское население составляет 92,2%.

Председатель: Вопросы есть. Таджиков ферганских, самаркандских, бухарских Вы перечисляете, а ходжентских не приобщаете.

Ходжибаев: Правда, в Ходжентском и в Самаркандском уездах преобладающей национальностью являются таджики, точно так же в массовом виде, местами до 100%, они проживают в районах Канибадама, Исфары, Соха, Ашта, Чуста — Ферганской области, составляют вместе с городом Бухарой 95%, но, однако, они оторваны от Восточной Бухары дальностью расстояния и присоединение их крайне неудобно, но может быть со временем при проведении удобных путей сообщения представится возможность.

Вопрос о просвещении и культурной работе среди оставшегося громадного количества таджиков в Узбекской республике нами несколько согласован с узбекскими работниками, что дело просвещения среди них будет налажено и что преподавание и культура будут вестись на их родном языке — фарсидском. Однако крупные таджикские города вроде Бухары, Самарканда и другие должны стать временными культурными центрами для подготовки работников в Восточную Бухару.

Председатель: Какой процент выделяется в автономные области и какой остаётся вне области в силу тех или иных обстоятельств?

Ходжибаев: Вне пределов автономной области таджиков остаётся 800.000 человек, больше половины, иначе никак нельзя, может быть, потом представится возможным сделать это, когда проведем дороги, сделаем шоссе и т. д., а теперь никак нельзя.

Имамов: Тов. Имамов говорит, что по данным ЦСУ и СЭС (Средазэкономсовет.— *Р. М.*) таджикского населения в Туркестане и Бухреспублике насчитывается более 1.200.000.

Эти таджики расселены исключительно в городах и отчасти в горных районах обеих республик.

Объединения таджикского населения в одно мощное целое, конечно, по географическим и экономическим особенностям Туркестана и Бухары не представляется воз-

можным. Кроме того, в горных долинах совместно с таджиками проживают и узбеки и притом преобладающим большинством являются последние.

Поддерживая предложение тов. Ходжанова о создании Автономной Таджикской области исключительно из состава таджиков горных местностей, я еще раз подчеркиваю, что объединение всех таджиков в одно мощное, целое по условиям географическим и экономическим, как Туркестана, так и Бухары, невозможно.

С возникнувшим здесь вопросом о создании как в культурном, так и в экономическом отношении мощной Таджикской Автономной республики, я вполне согласен и всемерно поддерживаю его, но приходится констатировать факт, что эту идею в настоящее время провести невозможно.

Проживающие в городах и частью в горных долинах таджики в культурном и экономическом своем развитии с узбеками, проживающими вместе, равны.

В настоящее время возбуждать вопрос об объединении городских и горных таджиков по-моему не следует. Все же я не отрицаю такого положения, что такая идея может быть вызвана через некоторое время, но только не сейчас.

Для иллюстрации привожу, примерно, о занятиях горных таджиков, а именно: таджики, проживающие в горных долинах, занимаются, как промыслом, доставкой в города снега и сбором колючки, направляемой в ближайшие базары, поэтому будущая независимая Узбекская республика, как наиболее зажиточная, должна будет оказать Таджикской Автономной области некоторую помощь и тем самым даст содействие в поддержании её развития.

Кроме того, тов. Имамов останавливается на разъяснениях границ и, соглашаясь с проектом, предлагаемым Таджикской комиссией, считает его вполне приемлемым.

Председатель: Какой у Вас центр (голос из зала — Душанбе).

Имамов: Это разрешит сам народ. (Председатель: Не народ, а партия). Сейчас там приобретаются средства к жизни вывозом колючки и др. в город, тем и живут. В этом отношении узбекское независимое государство должно будет оказать некоторую щедрость по отношению к независимой Таджикской области. Мы предлагаем поэтому принять тот проект, который мы внесли.

Исламов: Где самое населенное место таджиков и где находится административно-культурный центр? Ответ: — Каратаг.

Ходжибаев: У нас это согласовано и просим принять. Главная масса таджиков — в пределах Самаркандской и Ферганской областей (перечисляет районы), что касается Самарканда, то Таджикский район находится в горной части Самаркандской области. По вопросу о культурном центре таджиков — мы полагаем, что центральным городом Таджикской области будет Самарканд, который остается в пределах Узбекской республики, этот город должен быть временным центром для таджикской культуры, там мы должны организовать школы и прочее. Пока мы не сможем организовать самостоятельно культурные центры, ими должны быть те города, которые остаются в пределах Узбекской ССР. Что касается долинных таджиков, то в них временно опросов не будет.

По отношению горцев Ура-Тюбинского района из Самарканда имеются некоторые неналаженные отношения, но, я думаю, что после размежевания мы сумеем эти отношения наладить.

Относительно языка, мы полагаем, что никто не сможет навязать другой язык. Дальше мы полагаем, что культурным центром останутся города Самарканд и Бухара, а административным центром у нас будет Каратаг, и это мы считаем целесообразным.

Ходжанов: 40% таджиков мы выделили в автономную область, остальные остаются ни причем. Дальше культурные центры таджиков остаются в пределах Узбекской республики, а горные, недоступные места мы выделяем в область.

Может быть, Вы в этом не виноваты. Вам большего быть может не дали (смех на местах), но тем не менее это слишком мало похоже на «самоопределение». Если такая малая необходимость в этой области, то ведь Исполбюро никого не обязывало на самоопределение... Я считаю этот вопрос не проработанным, и хотя тов. таджики как-будто бы очень довольны разрешением его, но я не доволен (смех.). Какая же автономия, если из миллиона двухсот тысяч таджиков — 800.000 остаётся на стороне. Я думаю, что на основании постановления Политбюро можно включить 3-х человек в бюро комиссии,

го не объявлять верхушки гор областью, это весьма недостаточно и если бы присоединять меня к таджикам, то я, безусловно, больше бы не сказал.

Председатель: Тут у меня тоже по этому поводу возникают сомнения. Мы совершенно не ознакомились с проектами, я думаю, проект надо размножить и раздать, а затем сказать свое мнение и, может быть, разрешим вопрос в конце концов так, как предлагают товарищи таджики, но вопрос нужно сперва просмотреть.

Имамов: Совершенно верно, что Таджикской области отводится территория почти с одними голыми горами (смех), но оговаривается, что, возможно, что он отчасти и не прав в своем первом выступлении, так он совершенно упустил из виду о присоединении к Таджикской Автономной области двух вилоятов (обл. Бухарской республики), а именно: Курган-Тюбинской и Сары-Ассийской, которые по своим экономическим условиям более или менее благополучны.

Далее тов. Имамов говорит, что поскольку нам удалось договориться с тов. узбеками, надо полагать, что они не откажутся оказывать содействие в укреплении Таджикской области.

Подчеркивает, что т. Ходжанову в роли таджиков в кавычках и одновременно проводить интересы персов не следует. Тов. Ходжанов к великому нашему сожалению во всех своих выступлениях нетактично причисляет таджиков к персам. Поэтому тов. Имамов еще раз повторяет о необходимости тов. Ходжанову воздержаться от выступлений в роли таджиков.

Тов. Имамов, заканчивая свое выступление, говорит, что создание Таджикской Автономной области будет иметь большое как экономическое, так и политическое значение, поскольку она будет связана с великим Узбекистаном.

Имамов: Цифры эти, конечно, как мы и раньше говорили, требуют длительного уточнения. Таджиков числится, по данным ЦСУ, 277 тыс. в Туркестане и 802 тыс. в Восточной Бухаре.

Восточная Бухара вводится целиком в эту область, и их районы отделяем. Тут нужно сказать, что со стороны Узбекской комиссии цифры не были проверены; мы просим тов. составить проект и на основании этого проекта мы разговаривали. Здесь тов. Ходжанов выступает

в роли таджиков, но нельзя быть таджиком более самих таджиков (смех), и если он не доволен создавшимся положением, то это потому, что нет различий между нами и таджиками. Мы предполагаем в дальнейшем изменять границы, уточнять их, когда это уточнение будет, а сейчас нужно решать вопрос относительно территории, которую мы признали и согласовали с тов. таджиками.

По поводу Ходжента и Самарканда Имамов уже говорил, он больше знает»...[1]

Таким образом, приведенный нами документ свидетельствует о безпринципной, а точнее говоря, преступной по отношению к таджикскому народу, соглашательской, предательской позиции Таджикской подкомиссии в самоопределении народа, создании суверенной республики. Как выяснилось позже, их искренние намерения или сознательные уступки исторической территории таджиков Узбекистану впоследствии, особенно в настоящее время, привели к самым непредсказуемым последствиям в экономическом, социальном и культурном отношении. Надежда и уверенность в том, что для таджиков, временно входивших в состав Узбекской ССР, будут созданы все условия — экономические, культурные и социальные, не оправдались, наоборот, узбекизация таджикского народа значительно усилилась, что проявилось в выдаче и оформлении документов, сплошной узбекизации народного образования, в других негативных явлениях. В отношении коренных таджиков Самарканда, Бухары и других районов эти негативные явления продолжаются и по сей день.

Все действия Таджикской подкомиссии в составе названных лиц с самого начала и до конца были оскорбительными, враждебными в отношении своего народа, им была настолько непонятна сложившаяся ситуация, что даже поддержка и озабоченность членов комиссии из числа казахов, киргизов, которые были в недоумении от действий Таджикской делегации, не заставили их прислушаться к голосу разума. Казахи и киргизы действительно были удивлены тем, что таджики сами отказываются от того, что им принадлежит по праву, что они легко, без угрызений совести уступают свои экономически развитые культурные центры Узбекистану, а себе остав-

[1] Областной государственный архив ГБАО.— Ф. 1.— Оп. 1.— Д. 28.— Л. 64—64а, 66—67.

ляют самые убогие, отсталые окраины (как говорил Ходжанов, только вершины гор и ничего больше). Все это явилось результатом того, что таджикский народ не имел собственного политического лидера, человека, болеющего душой и сердцем за его интересы, думающего не только о настоящем, но и будущем своего народа.

В наши дни мы вновь повторяем старые ошибки истории, которая, как оказывается, ничему нас не научила. В руководстве республики опять оказались такие политические деятели, которые оторваны от повседневной жизни народа, которые в ответственные исторические моменты беспомощны решать возникающие трудности и вывести народ из хаоса, нищеты, голода и отсталости. Все это говорит о том, что нынешние партийные и советские руководители не имеют исторического опыта, не анализируют прошлых ошибок и упущений в решении национального вопроса.

Чем же можно объяснить вышеизложенную позицию Таджикской подкомиссии в вопросе о национальном размежевании? Скорее всего тем, что все члены таджикской комиссии родились и выросли среди узбеков, знали узбекский язык, некоторые из них даже писались узбеками, когда работали в этой республике, им нравились обычаи узбеков, их традиции, музыка и песни. Главной же их целью, достичь которую можно было именно демонстрируя тягу к узбекской культуре, было получение высоких постов, должностей. Они их и получили, когда Таджикистан как автономная республика, вошел в состав Узбекской ССР. Позже, когда положение их самих и самой республики в целом ухудшилось, они во многом изменили свою политику, но их запоздалое признание совершенных ими в прошлом ошибок уже ничего не могло изменить. Почему? Об этом речь пойдет ниже.

Что касается доводов Таджикской подкомиссии относительно географического, хозяйственного и культурного состояния горных районов, якобы мешавших их воссоединению с районами и городами Ферганской долины, Бухарой и её западными частями, Самаркандом, то они не были никак аргументированы. Тем более, что спустя несколько лет в состав Таджикской АССР все же были включены сначала Горный Бадахшан, а затем Северный Таджикистан с городом Ходжентом, а ведь географическое положение их не изменилось, бездорожье

не было ликвидировано и многие другие проблемы так и остались нерешенными. Тем не менее все это не помешало их объединению для образования союзной республики. Допустим, что объединению названных выше регионов с северными районами и Памиром тогда «мешали» горы и другие «препятствия», но ведь на самой территории бывшего Бухарского эмирата, а позже Бухарской республики исключительное большинство населения составляли таджики.

Всем хорошо был известен и тот факт, что, например, между Гиссаром, Сурхандарьёй и Кашкадарьей вообще не было никаких преград к объединению, тем не менее и названные две области, к сожалению, не были включены ни в состав Таджикской АССР, ни в Таджикскую ССР. Так что, как видим, выводы Таджикской подкомиссии в решении вопроса об объединении определенных регионов были просто-напросто бессмысленны. Скорее всего их можно было объяснить стремлением пантюркистски настроенных руководителей Узбекской ССР возродить, как они считали, былую «великую» культуру великого Узбекистана, но за счет действительно великой (и это исторически доказано) культуры таджикского народа. Такая тенденция присвоения чужой, более высокой по уровню развития культуры и отчуждения от своей собственной и поныне сохраняется в Узбекистане. В этом-то и заключалась главная причина, мешавшая объединению всех исконных земель таджикского народа в одно мощное государство, в республику хотя бы и в составе Союза ССР.

Мы с благодарностью и почтением вспоминаем многих политических деятелей из числа казахов, киргизов, туркмен, занявших в ответственное для судеб таджикского народа время принципиальную позицию в защиту его интересов.

На заседании узбекского бюро по национальному размежеванию с участием Ф. Ходжаева, Сегизбаева, А. Ходжибаева, Ч. Имамова, Абдулло Рахимбаева последний вполне определенно высказался за оставление Ура-Тюбинского района целиком в составе Узбекской независимой республики[1]. Сегизбаев же выступил «за

[1] Областной государственный архив ГБАО.— Ф. 1.— Оп. 1,— Д. 28.— Л. 68.

включение Ура-Тюбинского района в составе четырех волостей в состав Таджикской Республики»[1].

Первоначально предполагалось образовать Таджикскую автономную область только из горных районов Восточной Бухары и Матчи. Однако в состав Таджикской подкомиссии не был включен ни один представитель указанного региона. По существу в подготовке проекта договора не принимали участие те, для кого хотели образовать автономию, и здесь весьма интересен такой момент: когда перешли к голосованию, председательствующий на заседании И. А. Зеленский спросил: «Кто за проект, предложенный таджиками?», на что С. Ходжанов бросил: «узбеками»[2].

6 сентября 1924 г. границы Таджикской автономной области в окончательном варианте были утверждены на заседании Территориальной комиссии, а 7 сентября — Средазбюро ЦК.

Председатель ЦИКа Восточной Бухары Нусратулло Максум (Лутфуллаев) после приезда из Душанбе в Ташкент, ознакомившись с протоколами комиссии по национально-территориальному размежеванию, обратился с письмом в ЦК РКП(б) на имя И. В. Сталина. В частности, он считал, что «вопрос касающийся интересов таджикского народа, разрешен несправедливо». В письме указывалось:

«1. Границы «Таджикской автономной области» определены неправильно, т. к. многие местности с преобладающим таджикским населением, находящиеся по соседству с границами намеченной Таджикской области, остаются вне своих естественных границ и очутились в черте Узбекистана.

2. Постановление о вхождении Таджикистана в состав Узбекистана, как автономной области, нарушает национальные права таджиков на самоопределение в то время, когда такие права предоставлены узбекам и туркменам»[3].

Обращаясь в ЦК РКП(б) с просьбой о пересмотре постановления Территориальной комиссии по национальному размежеванию, Нусратулло Максум предлагал об-

[1] Областной государственный архив ГБАО.— Ф. 1.— Оп. 1.— Д. 28.— Л. 68.
[2] ЦПА ИМЛ.— Ф. 62.— Оп. 2.— Д. 104.— Л. 237, 238.
[3] ПА. УзФИМЛ.— Ф. 58.— Оп. 5.— Д. 284.— Л. 46.

судить следующие принципиальные и чрезвычайно важные вопросы:

«1. О включении в границы Таджикистана Ура-Тюбе, Ходжента, Канибадама, Исфары, Соха, Риштана, Уч-Кургана, а также других прилегающих местностей с преобладающим таджикским населением.

2. Предоставление Таджикистану полной возможности организоваться совершенно свободно на тех же принципах, как Туркменистан и Узбекистан, без всякой зависимости от последнего. Географическое положение и количество населения Таджикистана вполне соответствуют условиям для его организации в самостоятельную республику.

В интересах трудящихся таджиков, в смысле их культурного и экономического развития, является жизненно необходимым разрешить затронутые вопросы в вышеизложенных направлениях»[1].

Мы убеждены в том, что письмо Нусратулло Максума стало еще одним из важных аргументов для комиссии в изменении своего решения — вместо автономной области образовать автономную республику, а затем и самостоятельную Таджикскую ССР.

В период подготовки национально-территориального размежевания абсолютно исключалось проведение агитационно-массовой работы среди населения, которое в большинстве своем не понимало смысла загадочного политического шоу, с начала до конца проведенного, естественно, недемократическим путем. Разъяснительная работа велась однобоко и не в пользу таджикского народа. С мнением тех людей, которые постепенно начали понимать, протестовать, негодовать, не считались. Наоборот, специальными решениями запрещалось без согласия партийных органов вести какую-либо политико-массовую работу среди таджиков.

Так, Средазбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1924 г. признало неправильным любую агитационную работу, которая направлена против линии партии, особенно когда она проводится среди широких беспартийных масс. Такая озабоченность была вызвана тем, что «вместо развития у наших (т. е. партийных лидеров.— *Р. М.*) коммунистических взглядов на национальный вопрос, вместо обсуждения главнейших общих вопросов, свя-

[1] ПА УзФИМЛ.— Ф. 58.— Оп. 5.— Д. 284.— Л. 46.

занных с размежеванием, стали дискутируемыми в комиссии по размежеванию частичные территориальные вопросы о присоединении какой-либо волости или селения к территории той или иной республики» [1].

Исследователи вопроса национально-территориального размежевания, особенно историко-партийные фальсификаторы, ссылаясь на партийные решения и инструкции, оправдывая правомерность совершаемого, впоследствии стали обвинять тех, кто имел противоположную точку зрения на осуществляемое нацразмежевание. Им вменялись в вину непонимание решений комиссии, неспособность взвесить все аргументы «за» и «против» присоединения, якобы смутное, а зачастую и прямо извращенное представление о национальном составе и экономическом положении районов. Тем не менее из архивных источников мы знаем, что широким массам предлагалось вносить решения без достаточного зрелого обсуждения. Местное население, среди которого были и трезвомыслящие люди из числа старой интеллигенции, хорошо знавшей историческое прошлое своего народа, национальный состав регионов, осознававшей экономическое тяготение каждого района и города, конечно, лучше других понимало те вопросы, о которых говорилось в решении Средазбюро ЦК РКП(б) и решение которых так беспокоило будущих вершителей истории народов Средней Азии. Если же и эти образованные люди не смогли правильно определить свои национальные интересы, свое будущее, то кто же мог сделать это лучше них? По мнению современных апологетов, только Коммунистическая партия. Под предлогом избежать разжигание национальных страстей и междоусобиц, под предлогом избежать извращений политической линии нашей партии в национальном вопросе ее роль при нацразмежевании характеризовалась только с положительной точки зрения. Свидетельством тому, что подобная оценка деятельности партии была неверной, нынешнее положение дел в стране, в частности в сфере национальной политики. Всплеск национальных страстей в наше время является подтверждением того, что в свое время национальный вопрос, в том числе грубое, «топорное» разделение территории, и другие негативные явления послужили причиной, своеобразным яблоком раздора,

[1] ПА УзФИМЛ.— Ф. 58.— Оп. 5.— Д. 284.— Л. 47.

вооруженных столкновений между отдельными народами и целыми регионами. Разве это не свидетельствует о неправильной политике коммунистической партии, посеявшей зерна национальной ненависти, растоптавшей национальные интересы одних народов в угоду захватническим, националистическим интересам других. Воистину здесь уместно привести русскую пословицу: «что посеешь, то и пожнешь».

О том, что местная интеллигенция, партийные и государственные деятели из числа коренных народов хорошо знали прошлое и настоящее каждого в отдельности народа, проживающего в Средней Азии и что в этом им оказывали помощь русские востоковеды, отдавшие многие годы жизни изучению истории народов Востока, свидетельствуют составленные Абдурахимом Ходжибаевым (не без помощи историков-профессионалов) «Тезисы по вопросу о положении таджиков» для ознакомления членов комиссии по национально-территориальному размежеванию Средней Азии.

В тезисах дана довольно объективная историческая справка о прошлой истории таджикского народа и том положении, которое он занимал накануне нацразмежевания в составе советских республик Средней Азии. В тезисах правильно и обоснованно раскрываются причины, корни той ненависти, которой подвергался таджикский народ на протяжении многих веков. Наиболее ярко и обнаженно эта ненависть дала о себе знать в процессе осуществления национально-территориального разграничения и образования «самостоятельных образований».

Приведем исторические сведения из тезисов и сразу станут ясны причины ущемления прав таджикского народа в деле образования своей национальной государственности. Тезисы (мы сохраняем стиль оригинала.— *Р. М.*) начинаются словами: «С глубокой древности Туркестан является страной, по которой протекало движение различных народов, многие из этих народов оседали там, а поэтому население Туркестана в национальном отношении является весьма разнородным. Разнообразие природных условий так же благоприятствовало сохранению в особенности каждой народности, и в Туркестане до сих пор еще совместно существуют весьма различные уклады хозяйственной жизни, начиная от патриархаль-

ного родового быта кочевников, киргиз, туркмен и кончая развивающимся социалистическим хозяйством городов Туркестана.

Главным содержанием истории Туркестана до завоевания его русскими были, с одной стороны, борьба кочевников с их патриархально-родовым бытом против оседлого земледельческого населения и, с другой,— ремесленно-торгового капиталистического населения с феодалами, а так как различные формы хозяйственной жизни совпадали с племенными отличиями, то и борьба эта принимала форму борьбы национальностей.

После завоевания Туркестана русскими на первый план общественной жизни Туркестана выступает борьба классов, представляющих остальные формы хозяйства с наступающим иноземным капитализмом, а так как все народы Туркестана объединяла одна религия — ислам, то и борьба эта в защиту привычного уклада от натиска капитализма выражалась идеологически в защите ислама от наступления кафиров.

Шаг за шагом капитализм разрушал патриархальный быт и феодализм, на место родовых вождей, феодалов и духовенства выступает усилившаяся и вновь народившаяся, являющаяся посредником между туземным населением и пришлым капиталом, местная торговая буржуазия и интеллигенция, связанная с ней. Этот новый класс, явившийся сам продуктом нового порядка, не может быть враждебным к самому этому порядку, и он вступает в борьбу с представителями отживших хозяйственных форм.

Вначале это борьба, проявляющаяся идеологически в виду открытого пренебрежения к обрядам и обычаям, освещенным религией и в прислужничестве её завоевателям. Но дальнейшее развитие капитализма делает тесной для развивающейся местной буржуазии и интеллигенции роль посредника, она делается конкурентом буржуазии, господствующей нации и встает поэтому во главе национальной борьбы. Свою боевую идеологию она черпает из того же ислама. Но старая форма имеет здесь уже другое содержание. Это не старый ислам, борющийся против всякого невежества, а это новый ислам и так называемый джадидизм. Представители этого племени выставляют своим лозунгом обсуждение всех исламских народов, к этому времени почти поголовно

втянутых в сферу влияния европейского капитализма на почве новой культуры для борьбы с кафирами-поработителями.

Кто же был проводником джадидизма... Главным проводником джадидизма в Средней Азии была татарская торговая буржуазия и интеллигенция, близкая коренному населению по положению религии, да и по языку тоже.

Кроме того, в особенности при совершении паломничества в Мекку средне-азиатам приходилось бывать в Турции, видеть мусульманскую страну, населенную турками, и по сравнению с Туркестаном в культурном отношении ушедшую вперед и по видимости независимую, и поэтому понятно, что в Средней Азии джадидизим, панисламизм принял характер пантюркизма, с усвоением лозунга «Да здравствует объединение народов—турков».

Октябрьская революция уничтожила власть русского капитала и колонизаторства в Туркестане: туземная буржуазия, духовенство и часть интеллигенции встали в ряды врагов революции, являясь организаторами и идеологами басмаческого движения, другая же часть интеллигенции примкнула к революции, не изменив, однако, вполне своей идеологии и принесла и приносит с собой джадидский панисламизм и пантюркизм.

Это и сказалось на первых шагах Коммунистической партии, Мусбюро (Мусульманского бюро.— *Р. М.*) при организации Советской власти в Туркестане.

Первыми советскими работниками в Туркестане были по большой части, в некоторых местах даже поголовно, опять те же татарские и местные интеллигенты — джадиды, которые стояли во главе национального пантюркистского движения еще до революции. Остатки пантюркизма, панисламизма и сейчас еще существуют в виде названий «мусульманский язык», тюрк и т. п. Кроме того, следствием этого является также путаница в понимании национальных отношений в Туркестане и Бухаре, прочно утвердившихся в глазах многих советских и партийных работников, особенно русских.

В дальнейшем ходе революции опять начинается борьба между национальностями Туркестана, на время отодвигается на задний план общей борьбы с русским колонизаторством. На место мусульман и тюрков появ-

ляются киргизы, узбеки, таджики, туркмены, уйгуры и татары.

Однако не все национальности выявляют себя сильно и скоро. В первую очередь проявили себя нации, резко отличающиеся по своему быту, например, киргизы, туркмены и сильно подвергшиеся влиянию капитализма — узбеки.

Национальная борьба узбеков, киргизов и туркменов между собой занимала и занимает видное место на каждом Съезде Советов Туркестана.

Давно уже всеми партийными и советскими органами считается одной из главных задач разрешения национальных трений между этими народами поднятие и выравнивание культурного уровня, широкое втягивание их в партийное и советское строительство и т. д. Но для втягивания в новую культуру и разрешение проблем одной из крупнейших народностей Средней Азии, а именно таджиков, до последнего момента ничего не предпринималось, да и сами таджики до того времени не осмеливались резко выдвигать свои культурные и некоторые экономические требования, даже в таких местностях, где различие в укладе жизни между ними и узбеками особо резко отличалось. Это обстоятельство давало повод и возможность многим советским и партийным работникам Средней Азии, некоторым сознательно, из-за националистических, шовинистических соображений, некоторым по незнанию, утверждать, что таджики, как отдельная народность не существуют, а если существуют, то их следует ассимилировать с узбеками. Такое стремление у некоторых таджикских работников есть и было, особенно к этому течению, которые, желая показать себя интернационалистами, прилагали и прилагают все усилия к тому, чтобы услужить узбекам совершенно из-за нечистых и грязных мыслей, преследуя только карьеризм.

Подобный взгляд ни в коем случае не соответствовал действительности, ибо таджики, как по своему происхождению, так и по языку являлись и являются особняком от остальных национальностей Туркестана и Бухары.

С древнейших времен Средняя Азия была населена различными народами арийского племени. Уже во время походов греков в Индию народы эти стояли на довольно высокой ступени развития, у них были сравнительно большие города (до VI века в одном городе Мерве было свыше 2-х миллионов населения, это теперешний Байрам-Али) и в то время впервые в мире была открыта общедоступная больница, земледелие с хорошо развитой оросительной системой, они вели торговлю с Китаем и лежащими на западе странами и только в VI веке с Туркестаном, северную его часть завоевывают на время тюрки, пришедшие с Алтая.

В VIII веке Туркестан и Бухара были завоеваны арабами, и жители их были обращены в ислам. Но эти первые завоеватели не разоряли население страны особенно сильно. С XII века в Туркестан вторгаются монгольские и тюркские орды и окончательно покоряют коренное население. С того времени начинается вытеснение в горы и ассимиляция коренного населения Туркестана и таджиков Бухары. Когда-то цветущие сады, засеянные хлебами долины обращаются дикими кочевниками в пастбища для стад, селения уничтожаются, города подвергаются постоянным нападениям. Но постепенно условия жизни заставляют пришельцев принять культуру покоренного земледельческого населения, и часть коренного населения, постепенно смешиваясь с победителями, теряет отчасти и свой язык, отчего оседшая часть монгольцев и тюрков ныне употребляет таджикское наречие и имеет вид индоевропейской расы.

Другая часть коренного населения, оттесненная в горы или жившая более плотно в долинах и поэтому оказавшаяся более стойкой, до сих пор сохранила свой язык — эта часть и есть таджики.

Историей таджиков объясняется и их теперешнее расселение: таджики занимают всю горную часть между Самаркандом и Ферганской областью, две пятых части западной долины Ферганы и всю Зеравшанскую котловину, городами коих являются Ходжент, Самарканд, Чуст, Ура-Тюбе, Бухара и др.

Ими также монополизирована вся юго-восточная часть Бухарской республики и сам город Бухара и его окрестности. Они также проживают в Ташкентском уезде и в Афганистане, Персии и (индийских) провинциях: Пешаваре, Читрале и др., а также в большом количестве даже в пределах Кашгарии (Китай).

По быту своему туркестанские таджики разделяются

на две, довольно сильно разнящиеся группы — долинных таджиков и горных. Долинные таджики составляют население городов Самарканда, Бухары, Ходжента, Чуста и других прилегающих к ним районов. У долинных таджиков преобладающими являются интенсивное садоводство, виноградарство и полевое хозяйство, со значительным развитием посевов хлопка, а местами существенное значение играет скотоводство.

Вследствие суровых природных последствий хозяйство горных таджиков сильно отличается от хозяйств долинных. Земельная теснота принуждает их уходить на заработки в хлопковые районы, и, таким образом, горные таджики составляют значительную часть туземного пролетариата, т. е. свыше 90% рабочих хлопкозаводов на территории Туркестана и Бухары... По языку таджики представляют также обособленную часть от остальной группы населения Туркестана.

В то время, как другие народы Средней Азии говорят различными языками, принадлежащими к тюркской языковой группе, язык таджиков принадлежит к иранской группе арийской семьи и ничего общего с языком тюрков не имеет. Подавляющее большинство таджиков говорит на различных, близких наречиях персидского языка (форма), причем общий язык, письменность объединяют таджиков с населением Афганистана, Персии и других стран зарубежного Востока.

Фарсидский язык до самого завоевания Туркестана русскими был во всех ханствах Средней Азии языком письменности и государственности. В Бухаре же он оставался таким до самой революции. Фарсидский язык наряду с арабским считается среди мусульман всего лишь языком науки — средневековья. Однако новая буржуазия и интеллигенция начинают воспитываться уже по большей части не в старомодных медресе, а в новых преимущественно устраиваемых татарами школах.

Таджикская интеллигенция, также учитывая важность новой реформы, была захвачена этим движением. И, таким образом, джадидизм в Туркестане принял форму пантюркизма, постольку поскольку новые методы позаимствовались у Турции, то и таджикская интеллигенция, захваченная ими, чувствуя себя среди этой атмосферы, стала пантюркистской. Немалое влияние оказывали росту пантюркистского движения турецкие офицеры

(военнопленные), которые после революции тут же заняли командные посты в культурных учреждениях.

Из всего вышеуказанного вытекают следующие выводы:

А. Таджики не исчезающая народность, а часть крупного народа, и об ассимиляции таджиков с узбеками не приходится говорить.

Если подобная ассимиляция и имеет место в тех районах, где таджиков мало, как например, в Сыр-Дарьинской области, то обратное явление, а именно ассимиляция узбеков таджиками имеет место там, где таджиков большинство.

Б. То, что до национального государственного размежевания Средней Азии Таджикистан — советскими и партийными работниками не поднимался вопрос о нуждах таджиков, это подтверждает только, что сказанное выше, таджикская интеллигенция еще до революции, втянутая в общую борьбу туземной буржуазии и интеллигенции, которая шла под флагом панисламизма и пантюркизма, совершенно оторвалась от дехканской массы, а в первый период революции, как раз из этой джадидской интеллигенции вербовались кадры активных партийных и советских работников Туркестана. Оторванность таджикских партийных и советских работников от масс не есть проявление «интернационализма», как это хотят некоторые извне себе представить, а отрыжка пантюркизма...»[1].

Далее в тезисах идет повторение тех многих негативных явлений, которые были допущены руководством Туркреспублики в отношении таджикского населения.

Даже в выводах и рекомендациях А. Ходжибаева в области политической говорится:

«А. Таджикский язык наравне с узбекским в Узбекистане должен быть признан одним языком — государственным, и во всех областях, где таджики составляют большинство, и в этих местах делопроизводство должно быть переведено на фарсидский язык.

Б. Немедленно организовать на территории Узбекской республики Ходжентскую область с присоединением туда смешанных районов ферганских таджиков, имея в ви-

---

[1] Областной государственный архив ГБАО.— Ф. 1.— Оп. 1.— Д. 28.— Л. 71—74.

ду, что в этой области будет населения свыше 400 тыс. с развитым хлопководством и садоводством».

Затем автор предлагает свои соображения в области партийной работы. По части просвещения и народного образования в тезисах говорится:

«1. В городах, являющихся центром таджикского населения, открыть таджикские педагогические училища.

2. Во всех областных и районных населенных таджиками местах преподавание в их школах должно вестись на таджикском языке, и это оформить специальными декретами.

3. Летом текущего года в Самарканде, Ходженте и Коканде создать шестимесячные курсы для подготовки таджикских учителей.

4. Для таджиков развить сеть школ л/б пропорционально их количеству.

5. Усилить выпуск учебной литературы на таджикском языке»[1].

Тезисы были составлены 21 июня 1924 г., когда А. Ходжибаев являлся одним из членов Президиума ЦИКа Туркестанской республики. Из содержания тезисов видно, что он прекрасно видел ту неприязнь и враждебность, которые проявлялись местными партийными и советскими работниками в отношении коренного населения Туркестанской республики. Судя по тезисам, автор показал себя отличным знатоком прошлой истории своего народа. За исключением некоторых незначительных погрешностей, все изложенные в тезисах факты вполне соответствуют исторической действительности. Материалы, приведенные в исторической справке, подтверждаются многочисленными исследованиями русских ученых, письменными источниками, сохранившимися до наших дней. Однако непонятно другое. Как же получилось, что А. Ходжибаев, так хорошо зная историю своего народа, в процессе работы комиссии по национально-территориальному размежеванию допустил грубейшие ошибки, так легко и безпринципно согласился на все требования Узбекской комиссии по территориальному делению между республиками, уступив не только древнейшие таджикские города, но и наиболее развитые в экономическом и культурном отношении районы с таджикским населением. По-видимому, на него и остальных членов Таджикской подкомиссии оказал давление (и он сам писал об этом в своих тезисах) тот пантюркистский груз, от которого не так-то просто было избавиться. Другие таджикские политические лидеры, тогда еще находившиеся под сильным влиянием пантюркизма, не поддержали его. В одиночестве трудно было противостоять сильной, единой в мнениях и большей по численному составу Узбекской комиссии.

[1] Областной государственный архив ГБАО.— Ф. 1.— Оп. 1.— Д. 28 — Л. 75.

Тем временем процесс национально-территориального размежевания близился к завершаемому этапу. В сентябре—октябре 1924 г. он получил юридическое оформление в решениях и постановлениях высших органов государственной власти среднеазиатских республик и Союза ССР. Законодательные акты об осуществлении национально-территориального размежевания были приняты 15—16 сентября 1924 г. на Чрезвычайной сессии Туркестанского ЦИКа, 19 сентября на 5-ом Всебухарском курултае (съезде) Советов.

В свою очередь образованные национальные комиссии по территориальному размежеванию продолжали работу по принципам самоопределения каждой нации, в том числе и таджиков, по определению республиканских границ и тех районов, областей, городов, которые будут в эти границы входить.

На заседании Таджикской территориальной комиссии 1 октября 1924 г. в составе Ч. Имомова, Хаджирахматуллаева и А. Ходжибаева был рассмотрен вопрос о смешанных территориях, входящих в состав Таджикистана с явным преобладанием таджикского населения. В постановлении комиссии было указано: «Присоединить к Таджикистану следующую территорию — из Бухары весь Сариассийский вилоят (область), заметив, что и при этом в составе Бухарской части узбеков остается свыше 244.000 человек таджиков, из Самаркандской области следующие волости:

1. Пенджикентский район со следующими волостями: Пенджикентская, Автобрунская, Кштутская, Маргионо-Фарабская, Ургутская.

2. Ура-Тюбинский район: Ура-Тюбинская, Ганчинская, Басмандинская, Дальянская и Шахристанская. Из Ферганской области: Канибадамская, Исфаринская, Сахская, часть Риштанской волости, Махрамская, Ляляк-

ская, Амасская, Бабадохонская, Чохдакская и Аштская волости»[1].

Однако с этим постановлением Таджикской территориальной комиссии не согласился А. Ходжибаев. Высказывая свое особое мнение, он, в частности, сказал: «Считаю пока преждевременным присоединение ферганских таджиков указанных территорий, полагаю, что Таджикистан в данное время не справится с этими районами, ввиду предстоящих больших работ по Восточной Бухаре»[2].

Таким образом, он допустил роковую ошибку, в результате чего в состав Таджикской АССР не вошли еще тогда не только названные районы Ферганской долины, но и многие перечисленные территории Бухарской и Самаркандской областей. Такова была позиция человека, который много раньше да и позже убедительно и обоснованно отстаивал права таджикского народа на его исторические территории.

Таким образом, после всех обсуждений в состав Таджикской АССР вошли, кроме Восточной Бухары, горные районы Зеравшанской долины вместе с Пенджикентом и Ура-Тюбе с несколькими близлежащими районами.

5 октября 1924 г. Таджикская национальная комиссия обратилась в Политбюро ЦК РКП(б) с просьбой об образовании на Памире автономной области и о присоединении её к Таджикистану[3]. По-видимому, именно этот факт и стал главной причиной образования вместо ранее намеченной Таджикской автономной области — автономной республики, ибо две автономные области не могут войти в одно и то же автономное образование.

11 октября 1924 г. на внеочередном заседании Политбюро ЦК РКП(б) были обсуждены доклады и предложения партийных, советских органов республик Средней Азии по национально-территориальному размежеванию. Одновременно Политбюро поручило комиссии в составе В. В. Куйбышева, Я. Э. Рудзутака, Г. В. Чичерина обсудить вопрос о Памире. Политбюро ЦК РКП (б) признало необходимым образовать Таджикскую автономную республику (вместо автономной области) в составе Узбекской ССР.

---

[1] Областной государственный архив ГБАО.— Ф. 1.— Оп. 1.— Д. 28.— Л. 70.

[2] Там же.

[3] ЦПА ИМЛ.— Ф. 17.— Оп. 3.— Д. 270.— Л. 30—31.

14 октября 1924 г. Вторая Всероссийская сессия ЦИК утвердила постановление ЦИК Туркестанской АССР «О размежевании». Она предоставила таджикскому народу право образовать Таджикскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

26 октября 1924 г. Пленум ЦК РКП(б) обсудил вопрос о национально-территориальном размежевании Средней Азии, а 27 октября 1924 г. Вторая сессия ЦИК Союза ССР утвердила решение ЦИКа Туркестанской АССР, V Всебухарского и V Всехорезмского курултаев Советов, удовлетворило ходатайство Второй сессии ЦИКа РСФСР о национально-территориальном размежевании Средней Азии и образовании Узбекской и Туркменской ССР, Таджикской АССР в составе Узбекской ССР, Кара-Киргизской (Киргизской) Автономной области в составе РСФСР и Кара-Калпакской Автономной области в составе Казахской АССР. В ноябре—декабре 1924 г. было осуществлено фактическое оформление вновь созданных государственных образований на территории Средней Азии и Казахстана.

Национально-территориальное размежевание Средней Азии и образование национальных республик в соответствии с названием их народов стало историческим событием. Огромное значение оно имело и для таджиков, которые с течением времени утратили свою национальную государственность и усиленно (особенно после завоевания Средней Азии царской Россией) подвергались с одной стороны ассимиляции и вытеснению со стороны тюркоязычных племен и народов. С другой стороны, благодаря помощи дальновидной русской интеллигенции, ученым, общественно-политическим и государственным деятелям пантюркистам не удалось до конца осуществить свою антитаджикскую политику, хотя они усиленно настаивали на том, что таджики не являются отдельным самостоятельным народом с древнейшей историей и культурой, а представляют собой «иранизированную тюркскую дробь»; что кроме таджиков Горного Бадахшана, остальные к началу XX столетия уже «тюркизировались» и потеряли свою национальную самобытность, национальное самосознание и не способны к самостоятельному развитию. Образование небольшой, но

все же объединенной (хотя и без главных своих экономических и культурных центров) Таджикской АССР несколько охладило экспансионистские территориальные претензии тюркоязычных племен. Существование древнейшего народа Средней Азии, отрицаемое пантюркистами, было подтверждено именно созданием Таджикской автономной республики.

Вместе с тем в самом процессе осуществления национально-территориального размежевания Средней Азии (вернее, уже в самом замысле подобного размежевания) были допущены невероятные просчеты. Они явились результатом объективных и субъективных факторов, сложившихся к этому моменту в социально-экономической, политической и культурной жизни народов региона. Исторически длительное совместное проживание народов Средней Азии то при одном деспотическом режиме, то при другом, постоянное перемещение (за исключением городских жителей) с одного места жительства на другое, особенно кочевых тюркоязычных племен, обусловило возникновение сложной, пестрой, многонациональной мозаики многих кишлаков, районов и областей Средней Азии. Кроме горных районов и крупнейших городов, в других административных единицах, более менее компактного проживания населения одной национальности не было, не существовало определенных, четких границ, в которых проживали бы люди одной национальности. Это приводило в свою очередь и в прошлые времена и позже (вплоть до настоящего времени) к различным межнациональным конфликтам, порою заканчивающимся трагически, человеческими жертвами.

Более серьезными оказались субъективные причины, выразившиеся в настойчивой, целеустремленной пропаганде пантюркистами, великоузбекскими шовинистами, которые занимали ответственные посты в партийных, государственных органах советских республик Средней Азии своих идей. Постоянное и длительное игнорирование таджиков как самостоятельного и древнейшего народа, естественно, не прошло так просто, без трагических последствий. Результатом такой пропаганды и явилось ущемление, категорическое отрицание законных прав таджиков на создание самостоятельной союзной республики.

Как отмечалось выше, в течение длительного времени, вплоть до 1924 г., в большинстве директивных партийных и государственных документов как в центре, так и на местах, таджики вообще не упоминались в числе основных народов, населяющих республики Средней Азии. И лишь настойчивая, принципиальная позиция Средазбюро ЦК РКП(б), усилия трезво мыслящих руководителей партии и государства в какой-то мере способствовали восстановлению справедливости. Вопреки категорическому нежеланию пантюркистов Таджикская АССР все же была образована.

На процессе национально-территориального размежевания отрицательно сказалось и то, что партийные и государственные руководители понадеявшись на собственное знание национального вопроса, не учли научно-обоснованных рекомендаций и пожеланий крупнейших ученых-востоковедов, которые прекрасно знали, кто более других заслуживает право на самостоятельную государственность.

В записке академика В. В. Бартольда по вопросу «Об исторических взаимоотношениях турецких и иранских народностей Средней Азии», дается следующее разъяснение: «В конце X в. к туркам переходит политическая власть, и с тех пор одни политические образования турецкого происхождения сменяются другими, но эти политические образования, даже в новейшее время, часто были иранскими, если не по языку массы населения, то по языку государственности и культуры. Среди новейших узбекских ханств в Бухарском настолько преобладал таджикский элемент, что хивинский историк даже бухарское войско называет таджикским. Таджикский язык был государственным языком не только Бухарского ханства, но также (после 1920 г.) Бухарской народной республики. Этнографическая граница между иранцами и турками более всего нарушалась переходом турок к оседлости. Иранское земледельческое население постепенно вытеснялось турецким из равнин в горы, причем, этот процесс, который один из местных знатоков Средней Азии наивно объяснял «тяготением к горам» как «одной из характерных национальных черт таджиков», особенно, подвинулся вперед в XIX в.»

Об ошибках и недостатках национально-территориального размежевания говорилось во многих публикациях, написанных после 1924 г. учеными, специалистами,

партийными и государственными руководителями. О них неоднократно отмечалось в ряде документов и выступлений политических деятелей Средазбюро ЦК и руководителей республик Средней Азии. В статье И. Зеленского «Национально-государственное размежевание Средней Азии» прямо говорится, что «было бы, однако, величайшей самонадеянностью, если бы мы, хоть на минуту предположили, что решая в основном национальный вопрос в Туркестане правильно, мы избавлены от каких-либо ошибок, в частности, что в процессе образования национальных республик, особенно установления территориальных границ, можно сразу же ждать твердые решения, не допускающие никаких дальнейших исправлений. Для этого нет ни достаточных статистических данных об экономике и национальном составе районов, ни достаточного знания отдельных местностей даже коренными работниками. Больше того: при пестроте национального состава, при разнообразии экономических связей и экономического тяготения мелких районов, селений и т. п. можно заранее сказать, что границы национальных республик и областей сразу и незыблемо установить будет невозможно. В дальнейшем вероятен некоторый пересмотр и исправление границ в зависимости от воли и желания населения»[1].

Как Председатель Средазбюро ЦК РКП(б), И. А. Зеленский в своем официальном выступлении, останавливаясь на итогах проведения национально-территориального размежевания, в частности, отмечает, что «первые шаги, которые мы сделали,— это работа по национальному размежеванию, по созданию национальных республик, проделанная нами. Эту работу мы провели в черне, здесь еще много недосказанного, эта работа проделана топором»[2].

Спустя год после нацразмежевания, «в кратком анализе границ новых государственных образований с экономической точки зрения», указывалось на «совершенное игнорирование важнейших вопросов экономики при фактическом проведении национального размежевания в жизнь», на то, что «совершенно не принято было во внимание экономическое и торговое тяготение к определенным центрам», что «целый ряд крупных экономических центров, населенных таджиками, благодаря тому, что они расположены чересполосно с узбеками, остается в пределах Узбекской республики». В их числе были названы Сох, Исфара, Канибадам, Ходжент, Самарканд и др. В названном документе признавалось, что «таджики вынуждены создавать новый экономический центр в полуразрушенном кишлаке Душанбе»[1].

Однобокость такого решения особенно наглядно иллюстрируется фактом передачи в состав Узбекистана Самарканда и Бухары по тем экономическим соображениям, что они якобы были окружены районами с численным перевесом тюркоязычного населения, хотя в действительности вокруг городов, в особенности вокруг Бухары, абсолютное большинство населения составляли таджики.

Этому вопросу необходимо уделить особое внимание, потому что многие исследователи анализируют документы нацразмежевания, ставя во главу угла экономический фактор, при этом они ссылаются на В. И. Ленина. Что же говорил об этом Ленин? Как утверждает Ю. Г. Барсегов, внимательно просматривая труды В. И. Ленина, «легко можно заметить, что недобросовестные комментаторы изучают ленинские мысли неполностью, опуская те положения, в которых четко и определенно, с ясностью, не допускающей никаких сомнений, утверждается прямо противоположное тому, что они пытаются приписать ему»[2].

Если рассматривать всю спорную концепцию В. И. Ленина по этому вопросу, то её общий смысл заключается в том, что все так «называемые экономические соображения не имеют никакого отношения к праву на самоопределение, когда речь идет о насильственном удержании народа в рамках чужеземельного государства. Он осуждал и высмеивал такую примитивизацию в подходе к определению содержания права на самоопределение, называя её «экономизмом» и «карикатурой на марксизм»[3].

Утверждение Ленина о том, что «отрывать города от

---

[1] *Варейкис И., Зеленский И. А.* Национально-государственное размежевание Средней Азии.— Ташкент, 1924,— С. 2.

[2] ЦПА ИМЛ.— Ф. 62.— Оп. 2.— Д. 177.— Л. 41,

[1] ЦПА ИМЛ.— Ф. 17.— Оп. 68.— Д. 198.— Л. 12, 12 об.

[2] *Барсегов Ю. Г.* Право на самоопределение — основа демократического решения межнациональных проблем.— Ереван, 1989.— С. 64.

[3] Там же.

экономически тяготеющих к ним сел и округов из-за «национального момента нелепо и невозможно» и что «поэтому целиком и исключительно становиться на почву «национально-территориального принципа марксисты не должны»[1], нельзя понимать так, как будто эти города навечно, по экономическим соображениям отдаются чуженациональному государству «тем более, что со временем такие города часто возвращают свой национальный облик»[2].

Как мы уже говорили, искусственное включение в 1924 г. северных районов современного Таджикистана в состав Узбекистана под предлогом отсутствия удобных путей сообщения не выдерживает никакой критики. Когда в 1929 г. Ходжентский округ со всеми районами был присоединен к Таджикской АССР, в результате чего стало возможным создание самостоятельной союзной республики, прямой автодорожной связи, а кое-где и вьючной, между этим округом и Центральным Таджикистаном еще не существовало (дорога от Душанбе через Анзобский и Шахристанский перевалы была проложена только в 1935 г.).

Нелепо и смешно выглядит утверждение, что из-за продолжавшейся борьбы с басмачеством за упрочение Советской власти указанные районы нельзя было присоединить к Таджикской АССР. Но ведь создание экономически и территориально мощной республики, с солидным базисным потенциалом и подготовленными кадрами намного бы ускорило и ликвидацию контрреволюционных сил, и упрочило бы Советскую власть.

Пантюркистами в доказательство того, чтобы не образовывать самостоятельную Таджикскую республику, приводились аргументы о культурной отсталости таджиков по сравнению с другими народами Средней Азии, в первую очередь с узбеками. Если обращаться к конкретным фактам, то материалы дореволюционной статистики, как и начального периода Советской власти, показывают, что в процентном отношении грамотных среди таджиков было больше. Например, по Всероссийской переписи 1920 г., в Самаркандской области, несмотря на негласный запрет строительства школ, вузов с таджикским языком обучения, грамотность составляла среди населения области: узбеки — 1,1%, казахи и киргизы — 2%, таджики — 4,7%[1].

[1] *Барсегов Ю. Г.* Указ. раб.— С. 64.
[2] Там же.— С. 65.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, СОЦИАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ УЩЕМЛЕНИЕ ПРАВ ТАДЖИКСКОЙ АССР. БОРЬБА ЗА ВЫХОД ИЗ СОСТАВА УЗБЕКИСТАНА И ОБРАЗОВАНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ СОЮЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Историческая реальность и дальнейший ход событий показали, что выделение таджиков в автономную область, а затем в автономную республику осуществлялось с грубым антидемократическим, антиправовым ущемлением интересов таджикского народа. Под давлением пантюркистов и великоузбекских политиков, находившихся в руководстве Узбекской республики всех уровней, продолжались нарушаться элементарные права таджиков как в самой автономной республике, так и тех таджиков, которые остались в составе Узбекской ССР. Эти нарушения проявлялись во всей хозяйственной и культурной жизни автономной республики. По экономической линии это выражалось в игнорировании интересов ТАССР, несвоевременном открытии ей кредитов, использовании их не по назначению, в медленном строительстве важнейших хозяйственных и культурных объектов и др.

В письме от 9 июня 1927 г. члены таджикской делегации в Москве сообщали Совнаркому Таджикской АССР:

«1. Узбекское правительство систематически игнорирует интересы ТАССР в строительстве своего хозяйства по Узб. ССР в целом.

2. Узбекское правительство использует суммы, принадлежащие ТАССР, на свои нужды, задерживая перевод кредитов и распределение отдельных кредитов без учета потребностей ТАССР.

3. Узбекское правительство использует преимущества ТАССР, как исключительно разоренной и в политичес-

[1] Материалы Всероссийской переписи 1920 г.— Ч. 1.— Вып. 5.— Ташкент, 1924.— С. 53.

ком отношении важной страны для увеличения своего удельного веса в системе союзных республик, но обращая каждый раз реальные результаты этих преимуществ не в пользу ТАССР»[1].

«Отношения между Таджикистаном и Узбекистаном, — писал Абдулкадыр Мухитдинов,— с момента образования Таджикской республики никогда не были нормальными и не удовлетворяли Таджикистан. На каждом шагу в вопросах своего экономического и культурного развития Таджикистан встречал со стороны Узбекистана не помощь, а препятствия. Поэтому большинство работников таджиков и многие не из таджиков, имеющие отношение к Таджикистану и заинтересованные в создании благоприятных условий для развития Таджикистана, считают одним из важнейших условий этого развития— выход Таджикистана из состава Узбекской республики, видят в этом выходе возможность устранения препятствий на пути развития Таджикистана»[2].

Далее он правильно указывает основные причины включения Таджикистана в пределы Узбекистана во время национального размежевания республик Средней Азии. Считалось, что Таджикистан в отношении своего хозяйственного и культурного развития является крайне отсталым, и поэтому вхождение его непосредственно в Советский Союз, и дальнейшее существование его как самостоятельной республики очень затруднительно[3].

Сторонники образования национальных республик считали, что Таджикистан, войдя как автономная республика в состав Узбекистана, будет получать экономическую и культурную помощь от последнего и что Узбекистан поможет таким образом Таджикистану в ликвидации его хозяйственной и культурной отсталости. Однако при таких праведных устремлениях тех, кто был уверен в подобной помощи, не было учтено, что нельзя соединить несоединяемое. Не были приняты во внимание очень важные обстоятельства, а именно: разница в языке и национальности, в нравах и обычаях, историческом прошлом тюрков, узбеков и таджиков. Не было принято во внимание, что таджики являются в Средней Азии единственным народом индоевропейской расы, что они носители того же языка, который является государственным языком в Афганистане, Иране, что на этом языке разговаривают многие миллионы людей в Индии, Пакистане, Китае, что, наконец, этот язык был и остается языком науки, поэзии, литературы почти во всех странах Востока. Если бы были учтены названные обстоятельства, то Таджикистан с самого начала стал бы не автономной областью, а самостоятельной союзной республикой.

Многочисленные факты доказывают, что с первых дней вхождения Таджикской АССР в состав Узбекистана, те благие намерения и надежды, которые были возложены на Узбекистан (в смысле разносторонней помощи), оказались напрасными и не оправдались на деле. Так, госбюджет ТАССР определялся и утверждался союзным правительством в рамках бюджета Узбекской ССР. При реализации утвержденного бюджета, в момент распределения и финансирования Узбекистан постоянно или нарушал выдачу Таджикистану положенных сумм, которые выделялись Союзом, или выделял их с большим опозданием, весьма сократив необходимые для нужд Таджикской автономии суммы. Значительную долю отпускаемой центром финансовой и другой помощи узбекское правительство использовало на развитие собственных хозяйственных нужд, обкрадывая Таджикскую автономную республику и таджикские районы, которые непосредственно оказались в пределах Узбекистана. Зачастую игнорировались интересы Таджикской АССР и в области кадровой политики, и в культурном строительстве. В докладной записке в адрес Средазбюро ЦК ответсекретарь Оргбюро РКП(б) Узбекистана в ТАССР Б. В. Толпыго и зав. орграспределителем А. М. Дьяков сообщали: «Узбекскими товарищами мобилизация проводилась неправильно. Посылались в Таджикистан в виде ссылки те, от кого организации хотели отделаться. Сами мобилизованные смотрели на отправку их в Таджикистан так же, как на ссылку, и это создавало среди них настроения, далеко не благоприятствующие работе»[1].

В деле культурного развития правительство и партийные органы Узбекистана не оказывали Таджикистану никакой помощи, а, наоборот, под разными предлога-

[1] ЦПА ИМЛ.— Ф. 62.— Оп. 2.— Д. 827.— Л. 63, 64, 71, 72.
[2] ЦГА Таджикской ССР.— Ф. 3.— Оп. 3.— Д. 268.— Л. 13, 14.
[3] Там же.

[1] ЦПА ИМЛ.— Ф. 62.— Оп. 2.— Д. 185.— Л. 42.

ми создавали больше трудностей, осложняли ситуацию, как тогда говорили, на культурном фронте. Такие враждебные действия проводились в отношении работы таджикского народного просвещения, еще базировавшегося в г. Ташкенте. Здесь, например, Узбекское госиздательство препятствовало изданию школьных учебников и пособий на таджикском языке. Открыто запрещалось и преподавать на нем. В большинстве школ Узбекистана и Таджикской АССР таджиков принудительно записывали узбеками. Подвергались преследованию те таджикские работники, которые согласно линии партии и Советской власти защищали своих соотечественников от произвола и беззакония, они привлекались к ответственности по поводу разных сфабрикованных дел и высылались в отдаленные, глухие районы, чаще всего в Таджикскую АССР.

Политические, экономические и идеологические санкции руководства Узбекистана в отношении таджиков и Таджикской автономной республики, обусловившие ее дальнейшее отставание, проводились насильственно, если не сказать, преступно.

Сразу же после фактического завершения нацразмежевания во всех городах, районах и сельских населенных пунктах с превышающим численным составом коренного таджикского населения, под видом коренизации партийного и государственного аппарата, стали проводить узбекизацию государственных, партийных и хозяйственных органов, школьного образования, культурно-просветительных учреждений. В газете «Правда Востока» от 30 августа 1926 г. сообщалось, что больше полумиллиона таджикского населения обслуживается 12 школами. В Самарканде, Бухаре и Ходженте, где основную массу населения составляют таджики, не было и нет ни одной школы или детского дома, где обучение велось бы на таджикском языке.

В докладной записке Шириншо Шотемура на имя И. В. Сталина, в Средазбюро ЦК ВКП(б) И. А. Зеленскому и в Подотдел нацменьшинств ЦК ВКП(б) от 25 июня 1924 г. «О культурном и социально-экономическом положении таджиков на территории Узбекской республики» говорилось: «После национально-территориального районирования Средней Азии на территории Узбекской республики в числе других национальностей остается приблизительно восемьсот тысяч таджиков, тесно связанных с народностями Узбекистана. При социалистической республике и при наличии соответствующих директив Коммунистической партии по национальному вопросу, казалось бы странным напоминать и требовать особого внимания в отношении этой таджикской массы населения, но этого требует их современное положение.

Я считаю своим партийным долгом обратить внимание Центрального комитета ВКП(б) в настоящей записке на ряд моментов.

Начну с описания положения таджиков на территориях бывших Туркестанской и Бухарской республик до размежевания. Сначала отвергалось самое существование таджиков, за исключением территории Горного Бадахшана — Западного Памира (см. газеты на узбекском языке «Зеравшан» и «Туркестан» за декабрь 1923 г., январь и февраль 1924 г.). Так было и в то время, когда таджиков по официальным статистическим данным по Туркестанской республике насчитывалось до шестисот тысяч. На территории той же Туркестанской республики по тем же данным, существовало туркменов до двухсот девяноста тысяч, которые имели возможность издавать на своем родном языке литературу, иметь школы и т. д.

Таджики были лишены всего этого. В Бухарской республике насчитывалось восемьсот две тысячи таджиков и двести тысяч киргизов. Киргизы имели свои школы, кроме того, при Бухарском ЦИКе имели киргизский отдел. Таджики же лишены были права говорить на родном языке. Их язык считается эмирским языком, хотя сам эмир был узбеком, но в его эмирате государственным языком являлся таджикский язык, как наиболее культурный и литературный язык, принятый не только в Средней Азии, но и в Персии, Афганистане и Индии. Это ведь также нелепо и дико, как если бы после революции в России стали бы преследовать русский язык на том основании, что этот язык был государственным языком правительства Николая II.

До размежевания поднимать этот вопрос было неуместно, да и не было времени — мешало и басмачество и общее состояние страны, и, наконец, разные течения и группировки среди национальностей этих республик. В это время узбеки ввели в таджикских школах преподавание на узбекском языке, хотя таджикский язык являл-

ся достаточно культурным и имеет богатую литературу. С этого времени таджики лишаются возможности учиться на родном языке. Такое положение вещей вполне соответствовало и соответствует взглядам панисламистских, пантюркистских и панузбекских кругов современной узбекской интеллигенции и духовенства. Разрешение таджикского вопроса имеет огромное значение для всего Союза ССР, ибо кроме Средней Азии таджики составляют огромную часть жителей смежных государств (Персии, Афганистана и Индии), но Коммунистическая партия Узбекистана таджикскому вопросу не уделяла времени, ибо сами местные партийные организации Узбекистана состоят, частично, из элементов, подверженных влиянию этих шовинистических кругов. Такое определение местных партийных организаций к таджикскому вопросу чревато рядом опасностей.

Эта мысль будет вполне понятной, если мы сделаем следующий анализ:

Таджикская Автономная республика объединяет горных таджиков бывшей Восточной Бухары — Горного Бадахшана (Западного Памира) и некоторые районы бывшей Самаркандской области. Эта часть населения таджиков, главным образом, крестьянство, является наиболее отсталой как культурно, так и экономически. Наиболее культурная и организованная часть таджикского населения (городское население, занятое в торговле, промышленности и ремеслах, и трудовая интеллигенция) остается на территории Узбекской республики. Между тем, именно эту часть таджикской массы стараются обузбечить, всякими мерами дикого административного нажима и шовинистического произвола. Отсюда понятно, что подобная ненормальная обстановка именно среди таджиков вызвала реакцию, ответный шовинистический подъем и всякие антисоветские, а в известной части местных организаций, антипартийные течения.

Таджикский язык с еще большим ожесточением стал преследоваться после размежевания Средней Азии. В момент национально-территориального районирования, в августе 1924 года, бывший Туркцик на своем последнем пленуме с демонстративным подчеркиванием признал, что в Туркестане все-таки существует таджикская народность, почему признал необходимым для её обслуживания открыть педагогический институт. К концу декаб-

ря 1924 года этот институт был организован в Ташкенте. В настоящее время в нем учится 171 человек; со дня организации прошло уже два года, а институт располагает всего двумя небольшими комнатами под классы, в которых и должен развернуть свою работу.

В сентябре того же года начала издаваться в Самарканде газета «Овози тоҷик» (Голос таджика»), но распространение её неофициально запрещалось. Признание существования таджиков на территории Узбекистана, открытие института и издание газеты перед районированием было вызвано не чем иным, как стремлением заглушить тяготение таджиков Ферганы и Самаркандской области к Таджикистану. Несмотря на это, когда т. Калинин в 1924 году проезжал по Ферганской области, таджики Канибадама вышли к нему на встречу и просили присоединить их к Таджикистану. Правда, их просьба не была удовлетворена (да в этом и не было необходимости), но на этот раз район стал называться Таджикским районом Узбекской республики.

С тех пор уже прошло два года, а во всех школах этого района преподавание ведется на узбекском языке, хотя дети этот язык совершенно не понимают.

С момента районирования среди таджиков происходят волнения, они защищают свои национальные права. Во многих районах населением неоднократно поднимался вопрос перед ОНО (Отделом народного образования. — *Р. М.*), и даже перед Комиссариатом просвещения Узбекистана о переходе преподавания на родной язык. Но все эти попытки остались и остаются без всякого внимания. Были случаи, когда население принуждалось к молчанию различными административными притеснениями...

В 1925 году по настоятельному требованию таджиков в г. Самарканде были созваны 4-х месячные курсы по переподготовке учителей. Когда учителя окончили эти курсы и вернулись в родные места, где начали вести преподавание на родном языке, их стали преследовать и в конце концов различными угрозами запретили преподавать на таджикском языке (заявление преподавателя Кулихана Асим-зоде). Наконец, т. Иванов — ответственный секретарь Компартии Узбекистана на последнем пленуме (в ноябре 1925 года) первого состава Центрального Комитета КП(б) Узбекистана в своей речи указал, что узбекские работники в Зеравшанской области (Бу-

харе) всячески притесняют таджиков и не дают им даже разговаривать на родном языке.

Такое гонение со стороны местных партийных организаций таджикского языка создает превратное понятие у таджиков о линии Коммунистической партии и Советской власти в национальном вопросе.

Для характеристики отношений партийных организаций приведем следующий случай: 15 марта 1926 года исполнился год существования Таджикской Автономной Республики. В этот день экономическое представительство названной республики устроило в честь годовщины провозглашения Автономного Таджикистана торжественное заседание, на которое были приглашены представители разных учреждений и рабочие-таджики с ташкентских заводов, а также таджикские учащиеся, молодежь города Ташкента. Заседание открылось и велось на узбекском языке. Среди таджиков начались волнения, т. к. многие из них не знали узбекского языка, а потому начали требовать, чтобы заседание велось или на таджикском или на русском языке. В конце концов заседание кончилось демонстрацией против Узбекистана. После этого инцидента директора института сняли с должности по обвинению в неправильном воспитании учеников таджикского института, участвовавших на торжественном заседании. Один из студентов Среднеазиатского коммунистического университета — таджик, участвовавший в демонстрации, передан в Ташкентскую областную контрольную комиссию для привлечения к партийной ответственности. Быть может, студент этот будет исключен из партии, будут исключены еще и еще, но ведь корни национального вопроса гораздо глубже и исключением из партии нескольких товарищей вопрос не разрешится.

Если известную долю этих, по меньшей мере, странных при Советской власти столкновений необходимо отнести за счет неизбежных явлений роста национального самосознания как узбеков, так и таджиков, то, с другой стороны, ведь три четверти всего этого легко устранить путем добросовестного выполнения элементарнейших требований национальной политики партии, чем ввести рост национальной мысли в советское русло. Настоящее же положение таково, что яд межнационального антагонизма начинает отравлять трудящиеся массы,

а межнациональная склока заслоняет развитие классового самосознания.

Исходя из изложенного, прошу Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии большевиков обратить серьезное внимание на таджикский вопрос, для чего вношу следующие предложения:

1. Констатировать, что в отношении культурно-национального обслуживания таджиков Узбекистана Узбекской Коммунистической партией ничего не сделано.

2. ЦК ВКП(б) предлагает Среднеазиатскому Бюро ВКП(б) обратить особое внимание на работу среди нац. меньшинств Средней Азии, в частности, среди таджиков Узбекистана.

3. В целях более полного и всестороннего освещения таджикского вопроса в Узбекистане образовать комиссию из членов ЦК ВКП(б) и поручить ей написать основные мероприятия, которые необходимо было бы провести по линии и партийного и советского строительства для обеспечения интересов трудящихся масс таджиков в области школы, суда и т. п.».

Мы привели в полном объеме докладную записку Шириншо Шотемура с единственной целью — показать антитаджикскую, шовинистическую позицию руководства Узбекской республики в отношении таджикского народа на протяжении всего периода существования Туркестанской, Бухарской, а после нацразмежевания и Таджикской АССР, входившей в состав Узбекской ССР. Факты, изложенные в докладной записке, составляют мизерную долю тех массовых грубейших противоправных нарушений, которые допускались в отношении таджиков до и после национально-территориального размежевания. Допускаются эти правонарушения в отношении таджиков, живущих в Узбекской ССР, и по настоящее время.

Очень опасным, можно сказать, неприкрытым геноцидом стал процесс ассимиляции таджиков узбеками в таджикских городах, районах, вошедших непосредственно в состав Узбекской республики. Причем, такая ассимиляция проводилась насильственным путем. Использовались недозволенные методы, как например, угрозы выселения в бывшую Восточную Бухару, снятие с занимаемых постов руководителей таджикской национальности, отстаивающих права и интересы таджиков, в ограничении возможности продвижения по службе, поступления

на учебу в специальные учебные заведения, даже угрозы лишения свободы. Для того, чтобы уменьшить численность таджикского населения, в тех городах и районах, где они составляли явное большинство, руководители Узбекистана приложили все усилия, чтобы фальсифицировать результаты переписи 1926 г. Это все было сделано с далеко идущими целями — искусственно сократить при переписи общее количество таджиков, не дать им никаких шансов в будущем образовать самостоятельную республику (такая возможность ими не исключалась). Особенно они старались в отношении городского населения Самарканда, Бухары и Ходжента, приложив все усилия для того, чтобы в случае образования Таджикской ССР, оставить указанные города в составе Узбекистана. Именно этим и объясняется выбор г. Самарканда столицей Узбекской ССР с 1924 г. по 1930 г.

Так, по переписи 1920 г., в городе Самарканде насчитывалось таджиков 44 758, а узбеков — всего 3301, по переписи же 1926 г. узбеков оказалось 43 364, а таджиков — 10 716 человек. В Ходжентском округе (включая Аштский, Канибадамский и Исфаринский районы), где таджики составляли абсолютное большинство населения, по переписи 1926 г. оказалось, что они составляют 24,8%, а узбеки — 73,4%[1]. Это ли не яркий пример насильственного геноцида, пусть не физического, но документального. Главное в том, что таджики в Узбекистане как часть народа больше не существовали.

После того, как Самарканд, Бухара и другие таджикские районы были включены в состав Узбекистана, в массовое сознание таджикоязычного населения систематически стали вдалбливать мысли о том, что так как они живут на территории Узбекистана, то они являются уже не таджиками, а узбеками. Об этом говорил в то время известный ученый-этнограф И. И. Зарубин, отметив, что ираноязычное население, оказавшись в окружении узбеков, принимало имя последних. В этом случае, называя себя узбеками, таджики понимали слово «узбек» как житель Узбекистана[2].

В этом отношении характерен приводимый И. И. Зарубиным пример, касающийся Ургута: «Это легко можно понять: Узбекская ССР в результате размежевания была образована в 1924 г., а перепись началась 17 декабря 1926 г. Таджикистан тогда был автономной республикой в составе Узбекской ССР. На выбор таджиками узбекской национальности оказало влияние и то обстоятельство, что Самарканд был объявлен столицей Узбекской ССР (оставаясь ею с 1924 по 1930 гг.)»[1].

[1] ЦПА ИМЛ.— Ф. 62.— Оп. 2.— Д. 1744.— Л. 6.— Об. 176—178.
[2] См.: *Рахимов Р. Р.* Указ. раб.— С. 118.

В указанной статье Р. Р. Рахимова, со ссылкой на О. А. Сухареву, известного советского этнографа, говорится, что «в результате переписи 1926 г. из 41 839 жителей Бухары (старая Бухара) 27 823 чел. называли себя узбеками, 8646 — таджиками. Таким образом,— пишет исследователь,— несмотря на таджикоязычность подавляющего большинства жителей Бухары только, примерно, четвертая часть их определила себя как таджиков»[2].

Все это еще раз свидетельствует о том, что в проведении переписи 1926 г., как и в последующие годы, допускались грубые перегибы и административное давление, что явно видно из «Предисловия» Президиума ЦСУ УзССР «К материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года в Узбекской ССР», где отмечено: «Основной формуляр переписи 1—1 личный листок, составлявшийся на каждого гражданина республики, был отпечатан на двух языках — узбекском и русском». И далее: «Была проведена широкая агитационная работа по подготовке населения к переписи. Отпечатанные на узбекском языке и русском языке брошюрки, листовки и воззвания широко распространялись среди масс»[3].

Вся агитационная и пропагандистская машина была пущена в ход с одной главной целью — добиться за счет таджиков максимального увеличения узбеков и одновременно максимального уменьшения таджикского населения в тех городах и районах, где они составляли подавляющее большинство. В закрытом письме Средазбюро ЦК ВКП(б) в адрес партийных организаций среднеазиатских республик и только для членов партии отмечалось: «Проявление национализма и шовинизма со стороны работников советских органов и недостаточная защита интересов национальных меньшинств в ряде мест при-

[1] *Рахимов Р. Р.* Указ. раб.— С. 118.
[2] Там же.
[3] Там же.— С. 119.

водит к тому, что национальные меньшинства стараются скрыть свое национальное происхождение»[1].

В этом отношении весьма характерен и заслуживает самого тщательного изучения национальный состав Ходжентского округа. Так, по материалам районирования, основанным на данных переписи 1920 г., национальный состав населения Ходжентского округа составлял: таджики — 64,1%, узбеки и остальные — 35,9%. По переписи 1926 г., количество таджиков резко уменьшилось. В ряде мест, по данным материалов районирования, как, например, в Самарканде, Бухаре и других районах, в недавнем прошлом господствующим разговорным языком являлся таджикский и, естественно, значительную часть населения составляли таджики. Однако в материалах переписи 1926 г. численный состав таджикского населения по всем городам и районам резко сократился.

Само собой разумеется, что это происходило не потому, что таджики переселились со своих исконных земель в другие места или за 5 лет все они вымерли. Резкий спад численности таджиков происходил по той простой причине, что в результате великодержавного шовинистического давления со стороны узбекских партийных и советских работников, методично запугивавших таджиков угрозой выселения, менее сознательное в национальном самоопределении таджикское население записалось при переписи узбеками. Именно по этой причине единственной защитой для них оставался личный показ национальной принадлежности.

Один из видных руководителей народного образования Узбекистана по поводу ведения преподавания на таджикском языке открыто признавался: «Я лично против таджикизации 18 школ. По возможности, будем стараться уменьшить количество таджикских школ. Среди учителей из самаркандцев я провел агитацию и добился их согласия на узбекизацию школ. В крайнем случае для таджиков мы оставим пять школ. Постепенно, в течение одного года сумеем узбекизировать все школы»[2].

Специально и сознательно создавались трудности в деле обеспечения таджикских школ учебниками и пособиями на таджикском языке. Например, «в Бухарском

[1] Партийный архив Таджикского филиала Института марксизма-ленинизма (далее: ПА ТФ ИМЛ...).— Ф. 1.— Оп. 2.— Д. 208.— Л. 8.
[2] Там же.— Л. 7—8.

окружном отделе народного образования учебники на таджикском языке, буквари, азбука со стороны Наркомпроса были получены с большим опозданием. Заведующий складом, некий Хомиджон Алимов, узбек, националист, несмотря на неоднократные просьбы учителей-таджиков выдать школам полученные учебники, лишь в самом конце учебного года их выдал»[1].

Такая картина наблюдалась повсеместно. В Ферганском округе из 35 таджикских школ только в восьми имелись буквари на таджикском языке. Между тем, в Папском районе с 1922 г. неиспользованными лежали 200 учебников на таджикском языке[2].

Грубейшие нарушения допускались при комплектовании школ в Бухаре. В начале 1927—1928 учебного года при заполнении учениками анкет учителя рекомендовали им «во избежание недоразумения» записывать себя узбеками. Поэтому совершенно невозможно было определить, сколько же детей таджиков принуждалось обучаться на непонятном для них языке[3].

В мае 1929 г. первый секретарь ЦК КП(б) Узбекистана А. Икромов в одном из своих выступлений, затронув вопрос о положении нацменьшинств в республике, отмечал: «Скажу о таджиках, которые у нас являются наиболее сильным нацменьшинством. До национального размежевания бывших Туркестана и Бухарской республик, при образовании Узбекистанской республики мы имели сильное пантюркистское идеологическое влияние, мы имели даже велико-узбекистанский шовинизм по отношению к мелким национальностям». В подтверждение своих слов он приводит следующие факты: в Бухаре не было ни одной школы на таджикском языке; в Ходжентском округе, в котором 90% таджиков, тоже не было ни одной школы, где преподавание велось бы на таджикском языке. И далее отмечает: «Во взаимоотношениях с Таджикистаном есть ряд искривлений со стороны наших советских органов, здесь явно сказывается этот велико-узбекский шовинизм, мы с ним боремся, но мы еще сильно в этой области хромаем»[4].

[1] ПА ТФ ИМЛ.— Ф. 1.— Оп. 2.— Д. 208.— Л. 7—8.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] ЦПА ИМЛ.— Ф. 62.— Оп. 2.— Д. 1744.— Л. 6 об, 176—178.

Факты систематического нарушения прав Таджикской автономной республики и таджиков приводились и в выступлении ответственного инструктора ЦК ВКП(б) Амосова, отмечавшего, что «Таджикистан справедливо жалуется, что Узбекистан его игнорирует. Например, Таджикское правительство приравнено Узбекистаном к правам окрисполкома, имеются случаи прямых обсчетов бюджетных и других средств, невыполнение планов по завозу товаров и т. д., мы наблюдаем процесс насильственной ассимиляции национальных меньшинств путем скрытия их национальности и превращения их в узбеков. Даже партийцы боятся, скрывают свое национальное происхождение и непременно записываются узбеками»[1].

Глубоко ошибочные, антитаджикские решения при национально-территориальном размежевании Средней Азии 1924 г., его отрицательные последствия стали выявляться незамедлительно, сразу же. Отношения между Узбекской республикой и Таджикской АССР, входившей в ее состав, были крайне осложнены. Недовольство проводимой администрацией Узбекистана политикой в отношении автономной республики, городов и районов с таджикским населением, которые были включены временно в состав Узбекистана, начало выявляться повсеместно. Нерешенность проблем таджикской государственности вызвала недовольство таджиков Ходжентского, Канибадамского округов и других северных районов современного Таджикистана.

В письме старого знатока истории и географии таджикского народа, крупнейшего ученого М. С. Андреева на имя В. В. Бартольда, указывалось: «Между прочим, есть маленькая местная политическая новость. Вскоре по сформированию Таджикистана в Канибадаме и Исфаре зашевелилось местное население, таджики, до этого бывшие совершенно индифферентными к своему национальному происхождению и охотно подвергавшиеся тюркизации. Они объявили себя таджиками и отказались одно время вести какую-либо официальную переписку иначе, чем на персидском языке, и сумели добиться недавно декрета о выделении их в особую автономную область. На днях в Исфаре и Канибадаме предстоит празднование объявления автономии. Ожидают, что другие

[1] ЦПА ИМЛ.— Ф. 17.— Оп. 69.— Д. 664.— Л. 5.

ферганские таджики (в Чусте, Намангане, Учь-Кургане) тоже могут присоединиться»[1].

В феврале 1927 г. произошло организованное оформление Ходжентского округа, объединившего Ходжентский уезд, Исфаринский, Канибадамский и Аштский районы и по существу представлявшего собой таджикский национальный округ, пока еще входивший в состав Узбекской ССР.

Обоснованные принципиальные аргументы по поводу выхода Таджикистана из состава Узбекской республики были изложены в письме членов Таджикского обкома КП(б) Узбекистана в адрес Политбюро ЦК ВКП(б), Средазбюро и ЦК КП(б) Узбекистана. В письме, в частности, отмечалось, что «проведенная в Средней Азии партией огромная работа по национальному размежеванию, безусловно, положила основу культурному, экономическому развитию государственно оформившихся народностей»[2]. Отмечая достигнутые успехи в различных областях народного хозяйства: ликвидация контрреволюционных сил, успехи в решении земельно-водной реформы, раскрепощение женщин, положительное решение социальных проблем, национальных отношений, члены Таджикского обкома КП(б) Узбекистана вместе с тем указывали и на те негативные явления, которые помешали одинаковому экономическому и культурному росту всех образованных национальных республик. Допущенные ошибки в национально-территориальном разграничении привели к тому, что не все национальности в равной степени получили государственное оформление. Указывая на некоторые объективные причины, не позволившие в свое время развитию самостоятельной Таджикской республики, члены обкома отмечали, что «в настоящее время вполне наступил момент, благоприятствующий присоединению к ТАССР основных таджикских районов, которые были оставлены в Узбекистане. Государственное оформление таджикского народа должно произойти на равных условиях, как и других среднеазиатских республик (Туркмении, Узбекистана)»[3]. В качестве веских аргументов в пользу образования союзной республики указывалось на устранение многих тех объективных пре-

[1] Ленинградское отделение Архива АН СССР.— Ф. 68.— Оп. 2.— Д. 5.— Л. 5—6.

[2] ПА ТФ ИМЛ.— Ф. 1.— Оп. 1.— Д. 801.— Л. 6.

[3] Там же.— Л. 8.

пятствий, которые не позволяли, по мнению комиссии, в свое время образовать самостоятельную Таджикскую республику. Более того, Таджикская автономная республика честно и добросовестно выполнила все предписания, которые были поставлены перед ней в период национально-территориального размежевания народов Средней Азии. Главное из них то, что в республике были созданы нормальные условия для развития всех национальностей и народов, проживающих на ее территории, чего нельзя сказать о руководстве Узбекистана, систематически нарушавшем права таджикского народа. Руководство ТАССР неоднократно обращалось в союзные органы. Средазбюро по поводу вопиющих дискриминационных нарушений, которые имели место в отношении таджиков как в самом Узбекистане, так и в автономной республике. Об этом свидетельствуют сохранившиеся архивные документы, показывающие как игнорировались правительством и другими органами Узбекской ССР экономические и культурные интересы ТАССР.

Таким образом, мы видим, что в период вхождения Таджикистана в состав Узбекской республики взаимоотношения между ними были весьма напряженными. В то время, когда другие республики, как например, Киргизия, Казахстан, Каракалпакия и Туркменистан, после размежевания десятки раз поднимали территориальные споры с Узбекистаном и достигали каждый раз положительных результатов, Таджикистан, несмотря на вопиющие со стороны Узбекистана нарушения национальных прав таджиков, стремился придерживаться взятых на себя обязательств, предусмотренных договором о национально-территориальном размежевании. За все время после размежевания Таджикистан не поднимал ни одного территориального спора ни с одной из республик Средней Азии, в том числе и с Узбекистаном.

В связи с чем в письме, подписанном 20 членами Таджикского обкома КП(б) Узбекистана, говорилось: «Заявляем, что не входя в освещение и обсуждение недостатков, которые имеют место в деле обслуживания интересов временно оставленного в Узбекистане таджикского населения, мы выдвигаем на первое место территориальные вопросы»[1].

[1] ПА ТФ ИМЛ.— Ф. 1.— Оп. 1.— Д. 801.— Л. 10.

В чем же состояли основные территориальные требования ТАССР к Узбекистану?

В первую очередь, немедленно присоединить к Таджикской республике территории округов, городов и районов с преимущественно таджикским населением. Кроме того, члены Таджикского обкома КП(б) Узбекистана считали необходимым обеспечить свободное экономическое и культурное развитие тех районов, которые имели смешанное население, т. е. вместе с таджиками проживали представители других народов Средней Азии.

В числе тех административных единиц, которые бесспорно должны были быть возвращены и присоединены к Таджикистану, назывались следующие:

Название районов	таджики	узбеки	прочие	всего
I. Ходжентский Таджикский округ:				
а) районы б. Кокандского уезда	83.530	17.005	—	100.535
б) из б. Наманганского уезда	64.351	20.153	—	84.504
в) весь б. Ходжентский уезд	54.459	27.093	8.139	89.191
Итого:	202.350	64.251	8.139	274.740
II. Три района из Сурхандарьинского округа	78.303	39.093	—	117.376
III. Районы Самарканда с городом Самаркандом	70.773	13.192	31.162	115.132
IV. Бухарское бекство с городом Бухарой	163.405	45.775	55.339	264.502
Итого:	514.368	162.030	94.565	748.953

Национальный состав Таджикской республики накануне национально-территориального размежевания по материалам переписи 1917 и 1920 г. составлял: таджики — 553 935; узбеки — 139 813; другие национальности— 88 580, всего — 782 328 человек.

Общее число населения ТАССР с присоединением вышеуказанных таджикских округов, городов и районов должно было составить: таджики — 1.068.303; узбеки — 279 843, другие национальности—183 143, всего—1.531.281 человек[1].

[1] ПА ТФ ИМЛ.— Ф. 1.— Оп. 1.— Д. 801.— Л. 10.

Насколько объективно было требование Таджикской АССР о присоединении вышеназванных районов, можно убедиться по следующей картине национального состава Узбекской республики до и после удовлетворения требования Таджикской республики.

Например, национальный состав Узбекской ССР ко времени нацразмежевания по материалам переписи 1917—20 гг. (без названных таджикских районов) составлял: таджики—747.222; узбеки—2.838.935; другие национальности — 440.843, всего — 4.025.000 человек[1]. Национальный состав по тем же материалам после удовлетворения требования ТАССР об отделении от Узбекистана: таджики — 235.116; узбеки — 2.674.905, другие национальности — 346.180; всего — 3.256.201 человек[2]. В графу «узбеки» были включены все тюркоязычные племена: локайцы, карлюки, кунгроды, барлассы и другие, т. е. многие из тех, которые не считали и не считают в настоящее время себя узбеками (как, например, локайцы, которые живут в основном на территории современного Таджикистана).

Одно из основных требований авторов письма заключалось в том, чтобы при выходе Таджикистана из состава Узбекской ССР при пересчете национального состава того или иного района, города, округа, входящего в состав Таджикистана, пользовались материалами переписи, которая проводилась до национально-территориального размежевания. Требование было обоснованным, потому что перепись и материалы демографической переписи 1926 г. и подобные им справки, составленные после нацразмежевания, были составлены фальшиво, были необъективными, по сути абсолютно не отвечали реальному наличию численного состава таджиков в Средней Азии.

В качестве примера обратимся хотя бы к национальному составу двух таджикских городов — Бухары и Самарканда. При проведении переписи до нацразмежевания число таджиков указанных городов составляет от 75% до 98%. В результате же переписи 1926 г.— от 15 до 20%[3].

Проведенная после переписи 1926 г. пробная проверка результатов переписи ряда таджикских округов, городов и районов, входящих непосредственно в состав Узбекистана, показала, что население примерно свыше 50% таджикских населенных пунктов было записано узбеками.

[1] ПА ТФ ИМЛ.— Ф. 1.— Оп. 1.— Д. 801.— Л. 10.
[2] Там же.
[3] Там же.— Л. 12.

О методах переписи 1926 г. мы уже говорили: запугивание коренного таджикского населения городов Самарканда, Бухары и других таджикских районов Узбекистана, угроза выселения в Восточную Бухару, т. е. Таджикскую АССР, другие нечистоплотные, грязные способы.

Авторы письма располагали более достоверными, объективными данными из верных источников, по которым национальный состав таджиков, узбеков и других народов Средней Азии определялся в совершенно иной численности. Таджикское население по военно-демографической переписи на территории бывшей Бухарской республики составляло 70% от общей численности населения, т. е. около 2.100.000 человек, а узбеков вместе с тюркоязычными племенами было около 25%, что составляло 750.000 тыс. человек[1].

По тем же источникам, в Туркреспублике численность таджикского населения определялась так: в бывших Ферганской области—450.000, Самаркандской — 750.000, в других районах Туркестанской республики общая численность таджиков составляла 1.300.000 человек[2].

Таким образом, по этим данным, таджикское население Туркестанской и Бухарской республики вообще составляло 3.400.000 человек, что превышает общий численный состав таджиков современного Таджикистана и Узбекистана вместе взятых[3].

Необходимо отметить, и это бесспорно, что территории, присоединения которых требовала Таджикская автономная республика до образования ее в союзную республику и после, являлись ее неотъемлемой частью, исторически принадлежавшей таджикскому народу не только по национальному признаку, но и по характеру экономики, культуры, сложившейся на протяжении многих веков благодаря особому психическому складу характера таджикского народа и образу жизни, трудовым навыкам, традиции. В отличие от кочевников, они занима-

[1] ПА ТФ ИМЛ.— Ф. 1.— Оп. 1.— Д. 801.— Л. 12.
[2] Там же.
[3] Там же.— Л. 13.

лись преимущественно развитым земледелием, садоводством, виноградарством, хлопководством, шелководством, ремесленным производством и т. д.

С одной стороны, присоединение вышеуказанных экономически сравнительно развитых районов укрепило бы и содействовало бы дальнейшему развитию республики. С другой стороны, ее дальнейшее оставление в составе Узбекистана не отвечало интересам таджикского народа, создавало реальную угрозу их принудительной ассимиляции и противоречило политике самоопределения каждой нации и народа.

И, наконец, как отмечалось в письме, «объединение неразрывных таджикских округов всей советской Средней Азии и государственное оформление в единую республику, безусловно, содействует революционизированию советских идей, среди огромного большинства таджикского населения сопредельных с Таджикистаном стран: Афганистана, Северной Индии, Персии и Западного Китая» [1].

События, происходящие во всем мире и в Советском Союзе в последние годы, доказывают, что социалистические идеи не стали оказывать влияния не только на Востоке, но и на Западе. Более того, деформация этих идей внутри самого первого в мире социалистического государства привела к застою в его развитии, к распаду социалистического лагеря в целом.

Таким образом, мы видим, что после национально-территориального размежевания и образования ТАССР продолжалась борьба таджикских политических и государственных деятелей при активном участии таджикского населения некоторых районов, включенных незаконно в состав Узбекистана за выход из состава последнего и создания самостоятельной Таджикской республики.

Продолжались жаркие споры и дискуссии по поводу преобразования Таджикской АССР в союзную суверенную республику. Следует отметить, что активность проявляли и те, кто с самого начала, т. е. в процессе нацразмежевания, придерживался принципиальной позиции и был сторонником создания самостоятельной таджикской республики, как например, Нусратулло Максум, Шириншо Шотемур, и те, которые в свое время допустили грубейшую

[1] ПА ТФ ИМЛ.— Ф. 1.— Оп. 1.— Д. 801.— Л. 14.

ошибку, давая согласие не только на образование автономной республики, но и даже области. В числе последних были Абдулло Рахимбаев, Чинор Имомов, Абдурахим Ходжибаев и другие. Впоследствии многие из них поняли и признали свою вину и активно включились в преобразование ТАССР в союзную республику. В этом процессе особенно стоит отметить огромную роль Абдулкадыра Мухиддинова, Абдурахима Ходжибаева, которые взяли на себя всю тяжесть и ответственность по размежеванию Таджикистана с Узбекистаном и образованию самостоятельной Таджикской республики. Все экономические, политические, культурные, демографические и другие обоснования были разработаны и внесены на обсуждение вновь созданной комиссии А. Мухиддиновым и А. Ходжибаевым, за что они и многие другие впоследствии были обвинены в национализме и расстреляны. Теперь документально известно, что Нусратулло Максум, Шириншо Шотемур, Абдулкадыр Мухиддинов и Абдурахим Ходжибаев поплатились жизнью за справедливое решение национального вопроса, за интересы и единство таджикского народа. За это нынешние и будущие потомки должны быть им благодарны. Имена этих искренних и верных защитников своего народа не должны исчезнуть из памяти поколений.

В поиске справедливого решения возникающих между республиками Средней Азии территориальных споров, в том числе между Таджикистаном и Узбекской ССР, кроме возвращения отдельных районов и городов, предлагались и другие варианты. По мнению Абдулкадыра Мухиддинова, одной из форм выделения Таджикистана из состава Узбекистана являлось создание федерации республик Средней Азии и вхождение Таджикистана как самостоятельной единицы в эту федерацию. Однако при этом он опасался одного: если федерация будет создана в географических границах, уже установленных при национально-территориальном размежевании 1924 г., то, несомненно, господствующее положение в ней займет Узбекистан, интересы же других республик будут зависеть от Узбекистана, потому что в федерации четырех республик: Узбекистан, Таджикистан, Туркмения и Киргизия, территориальный и экономический потенциал Узбекской ССР намного превышает потенциалы трех остальных республик вместе взятых. Для того, чтобы из-

бавиться от диктаторских посягательств узбеков, их давления на другие республики внутри федерации. А. Мухиддинов предлагал устранить территориально-экономические преимущества Узбекистана путем справедливого возвращения Таджикистану территорий с таджикским населением по северной и западной границе Таджикской АССР (Самарканд, Бухара, часть Ферганы, Ходжент и Сурхандарьинский округ). В таком случае будет возможным установление будущего равновесия республик—членов федерации[1].

В процессе рассмотрения территориальных споров и восстановления исторической справедливости А. Мухиддинов принимал самое деятельное участие. Сохранились его докладные записки, статьи, в которых он с глубоким знанием истории таджикского народа и на основе других неопровержимых аргументов доказывает и настаивает на объединении всех таджикских территорий в единую самостоятельную независимую республику.

В одной из своих докладных записок в Средазбюро ЦК ВКП(б) он писал: «Комиссия по вопросам размежевания между УзССР и ТАССР на заседании своем от 8 сентября с. г. (1929.— *Р. М.*) большинством своих голосов отвергла требование Таджикистана относительно присоединения к нему населенных местностей Сурхандарьи с преобладающим таджикским населением, а равно второе его требование и присоединение к Таджикистану по экономическим соображениям г. Термеза, важного для него перевалочного пункта, населенного в большинстве европейцами.

Комиссия эта высказалась за неделимость и сохранение в полном объеме за Узбекистаном всего Сурхандарьинского округа.

При решении вопроса на названном заседании комиссии мы, представители Таджикистана, высказали свое несогласие с означенным решением и подали, прилагаемое при сем в копии, отдельное свое мнение. Настоящим мы просим Средазбюро пересмотреть означенное решение комиссии по существу, приняв во внимание приложенные к делу заключения незаинтересованных и беспристрастных экспертов тов. Белова и тов. Карпа, изучивших детально вопрос о национальном составе Сурхандарьи и доложивших комиссии свои соображения»[1].

[1] ЦГА Таджикской ССР.— Ф. 1.— Оп. 1.— Д. 843.— Л. 18.

В материалах, составленных экспертной комиссией, сказано, что, исходя из исторических и экономических предпосылок, судя по национальному составу, Сурхандарья и г. Термез должны быть включены в состав Таджикской АССР. А. Мухиддинов требовал передачи Термеза Таджикистану по экономическим соображениям. При этом они ссылались на то, что по таким же экономическим соображениям к Узбекистану отошли Самарканд и Бухара, хотя основное население указанных городов составляли таджики.

Итоги дискуссии и взаимных территориальных требований между Таджикистаном и Узбекской ССР, которая проходила с лета по сентябрь 1929 г. под председательством заместителя председателя Экономического совета Средней Азии Макеева, с участием представителей указанных республик, были подведены в «Политическом обосновании происходящей узбекизации таджикского населения на территории УзССР».

На проходившем заседании представитель Узбекистана настаивал на необходимости «при решении спорного вопроса по отделению территории Уз.ССР с Таджикской республикой в связи с выделением ТАССР в союзную республику базироваться исключительно на переписи 1926 г., т. к. этот документ является не только изданием Узбекистана, но этот документ союзного значения и зафиксирован соответствующим законом ЦСУ»[2].

На заседаниях А. Ходжибаев на основе неоспоримых фактов доказывал, что со стороны руководства Узбекской республики допускаются ущемления прав таджикского населения по вопросам культурных и экономических преобразований как на территории Таджикской АССР, так и в самом Узбекистане. Останавливаясь на переписи населения 1926 г., который стал основным аргументов представителей Узбекистана, он обоснованно назвал данные этой переписи в отношении численности таджиков на территории Узбекистана искаженными и лживыми. В ходе ее проводилось преднамеренное сокращение численности таджиков на территории Узбекистана. Поэтому А. Ходжибаев счел нужным сказать: «Я докажу и скажу, что перепись 1926 г. по Узбекистану —

[1] ЦГА Таджикской ССР.— Ф. 35.— Оп. 2.— Д. 199.— Л. 79.
[2] Там же.— Л. 27.

чушь. Так думают и среднеазиатские партийные организации и узбеки, в том числе»[1].

К сказанному председателем комиссии Макеевым было добавлено, что «к началу национального размежевания во всех таджикских школах преподавание велось на узбекском языке. Среди таджикского населения велась агитация, чтобы они звали себя узбеками. Влияние это так усилилось, что, не говоря об общей массе населения таджиков, даже ответственные партийные работники переписывали себя из таджиков в узбеки»[2].

Дополнительно к официальным документам, представленным Таджикским правительством, и к выступлению А. Ходжибаева на заседании комиссии от 26 июня 1929 г. Макеев сказал: «Нам думается, что если бы союзные органы были в курсе того, в каком порядке производилась перепись 1926 года в отношении определения отдельных национальностей, то не только бы их оформили в порядке утверждения, но за искажение директив и решений по национальному вопросу союзные органы привлекли бы к ответственности участников оформления таких гос. документов»[3].

В своем выступлении Макеев подробно останавливается на истоках и причинах истории возникновения пантюркизма, вначале складывавшегося под маской панисламизма и пустившего в Средней Азии глубокие корни. У отравленных на долгие годы ядом пантюркизма, у его приверженцев появилась лютая ненависть к народам не тюркского происхождения.

Основной целью панисламистского течения после первой мировой войны и поражения Турции в этой войне было создание мусульманского мира под властью халифата, который находился в Турции. В странах, населенных тюрками, от Татаристана в России и до границ Афганистана, от Константинополя до Китайской границы, включая и Восточный Туркестан, пантюркисты стремились создать и закрепить единую турецкую власть.

Особую остроту, как мы уже отмечали, пантюркистское движение в Средней Азии приобрело после Октябрьской революции 1917 г., когда на территории Туркестана и Бухары собралась значительная масса военнопленных солдат и офицеров турецкой армии, освобожденных из лагерей и нежелавших вернуться на родину. Они вместе с местными пантюркистски настроенными джадидами активизировали развитие пантюркистского движения. Количество солдат и офицеров постоянно пополнялось генералами и офицерами, которые, боясь наказания за поражение Турции в первой мировой войне, не могли вернуться на родину при новой турецкой администрации. Так, из Афганистана в Среднюю Азию в составе Германской делегации прибыл Казымбек, уполномоченный бывшего правительства Турции. Одновременно вместе с индускими панисламистами прибыл Берка Тулла и другие. Из Берлина приехали турецкие генералы Халилпаша и Джамалпаша, вместе с ними кое-кто из татарских панисламистов, а также другие контрреволюционные элементы татарской национальности. К ним также присоединились приехавшие в Туркестан татарские и башкирские пантюркисты.

[1] ЦГА Таджикской ССР.— Ф. 35.— Оп. 2.— Д. 199.— Л. 3.
[2] Там же.— Л. 4.
[3] Там же.— Л. 27.

Объединившись с местными пантюркистами, они закрепили социальную базу контрреволюционного движения в Туркестане и на остальной территории Средней Азии против Советской власти, продолжавшегося сравнительно длительное время. Ими была выработана специальная программа борьбы против Советской власти, разработаны идеологическое обоснование и лозунги пантюркистского движения — «Все мусульмане и турки, объединяйтесь!». Они стремились к основной своей цели — все турецкие народы Средней Азии, а таковыми были только таджики, превратить в единую турецкую нацию. Самым опасным и тревожным было то, что они всяческими путями проникали в партийные и государственные органы среднеазиатских республик, в другие органы советской власти.

К началу национально-территориального размежевания, когда басмачество и основные силы контрреволюции были ликвидированы, когда внутренние и внешние пантюркисты потеряли всякую надежду на создание вооруженным путем на территории Средней Азии самостоятельного, независимого от России, Туркестанского государства, они нашли другой выход: вместо туркизации провести узбекизацию таджикского населения Средней Азии, что в общем-то означало одно и то же.

Агитация узбекского шовинизма после национально-

территориального размежевания проявлялась в следующем:

«1. Говорили, что в Узбекистане место только узбекам, кто будет считать себя таджиком, будет отправлен в Таджикистан.

2. Лица, желавшие остаться в Узбекистане, должны были принять государственный язык — узбекский, посему и в школах преподавание велось на узбекском языке.

3. Если у какого-либо рядового работника проявлялись национальные чувства, в особенности у преподавателей, их увольняли со службы и прикрепляли к такой работе, где языковая сторона не играла никакой роли, особенно это имело место в Самарканде, Бухаре и Ходженте.

4. Если кто-нибудь ехал на работу в Таджикистан, про него распускали слух, что его сослали как групповщика, или же за то, что он назвал себя таджиком»[1].

Создавалось такое впечатление, что Таджикская АССР является синонимом дореволюционной Сибири. Таджики, приехавшие работать в Узбекистан, называли себя узбеками. Поэтому в период проведения переписи 1926 г., под давлением и при всесторонней агитации, а чаще всего это были угрозы, таджиков вынуждали называть себя узбеками.

Если мы обратимся к данным, полученным еще до переписи 1926 г., то увидим, что численность таджикского населения в 1915 г. в г. Самарканде составляла 59 901 человек. По переписи 1917 г. таджиков насчитывалось 44 758, а узбеков — 3301 человек. Эти данные имеются в книге, изданной АН СССР в 1926 г., в главе «Население Самаркандской области»[2].

По переписи же 1926 г. в г. Самарканде узбеков насчитывалось 43 304 человека, таджиков — 10 716[3]. Такая грубая подтасовка результатов переписи наблюдалась по всем городам и районам, населенным до переписи 1926 г. преимущественно таджикским населением. Материалы переписи 1926 г. по Узбекистану явно противоречили предыдущим переписям населения на территории Узбекской ССР. В заключение комиссией было зафиксировано заявление А. Ходжибаева о том, что он

[1] ЦГА Таджикской ССР. Ф. 35.— Оп. 2.— Д. 199.— Л. 29.
[2] Там же.
[3] Там же.— Л. 29—30.

докажет лживость и чушь результатов переписи 1926 г. по Узбекистану.

В решении комиссии записано: «Поэтому г. Самарканд и районы с таджикским населением, а именно: сельсоветы Андижана, Богибаланда, Каучинона, Поёна, Джума-бозора, Куштон-Гали, Матрида, Хомара, Хушруа, Ходжаахрара, Охалик и ряд других местностей, которые населены таджиками, должны быть присоединены к Таджикистану и входить в административное деление Пенджикентского вилоята»[1].

В случае, если во время присоединения Самаркандского района к территории Таджикистана, указывалось в решении, окажутся в некоторых местах узбекские населенные пункты, тогда в этих пунктах должны быть образованы узбекские сельсоветы для правильного их обслуживания в культурном и экономическом отношении[2].

При этом комиссия исходила из того, что «в экономическом и торговом отношении г. Самарканд и его окрестности при их присоединении к Таджикистану никаких изменений в их экономику не внесут, так как нынешний Пенджикентский вилоят до нацразмежевания входил в состав Самаркандского уезда. Соединение же Самарканда с Пенджикентским вилоятом усилит экономику последнего. Кроме того, Самарканд является одним из культурных городов таджиков и будет являться культурным городом Таджикской республики. Душанбе же является административным центром республики и долгое время не может иметь культурного значения. Самарканд же, кроме того, что будет играть роль усиления экономики в республике, будет иметь большое значение, как культурный центр республики; как Ташкент является культурным центром для среднеазиатских республик, так и Самарканд будет иметь такое же значение для Таджикской республики»[3].

Из сохранившихся материалов комиссии по размежеванию Таджикистана с Узбекистаном видно, что не лучше обстояло дело и в бывших таджикских районах Бухарской республики и самом городе Бухаре, входящем в результате территориального размежевания 1924 г. в

[1] ЦГА Таджикской ССР. Ф. 35.— Оп. 2.— Д. 199.— Л. 29—30
[2] Там же.— Л. 31.
[3] Там же.— Л. 32.

Узбекистан. Отмечая сильное влияние панисламизма и пантюркизма в Бухарской Народной Советской Республике до размежевания и после, комиссия в своих материалах писала: «Взяв Бухару и ее окрестности, мы увидим, что они сплошь населены таджиками и народами (персы, арабы и т. д.), родным языком которых является таджикский. Несмотря на это, в этих районах до последнего времени 1927 года мы не имели школ на таджикском языке. Переписью же 1926 года большинство населения Старой Бухары и ее окрестностей зарегистрированы узбеками, тогда, как известно, что даже после бухарской революции государственным языком являлся таджикский язык. И только после 4-го парткуруллтая (партсъезда) мы имеем сейчас ряд решений окружных и районных организаций, чтобы преподавание велось на таджикском языке. Нужно сказать, что Старая Бухара известна во всех странах Востока как таджикский город, население которого говорит на таджикском языке, с таджикской литературой и таджикской культурой в Средней Азии, и то, что перепись 1926 года его зафиксировала как город с узбекским населением и то, что до сих пор там велось преподавание не на родном таджикском языке, это является политической ошибкой по национальному вопросу»[1].

Для иллюстрации насильственной узбекизации г. Бухары и окружающих ее районов А. Мухиддинов приводит документ, полностью характеризующий действительный национальный состав Бухары. На вопрос комиссии, какой процент таджикского населения имеется в Бухаре, дается ответ, что «...вопрос нужно поставить наоборот, а именно: сколько процентов узбеков в Бухаре, то есть, если предположим, что Старая Бухара имеет население десятки тысяч человек и из них 15—20 узбеков, из этих цифр можно вычислить процент»[2].

Требование Таджикской республики о присоединении к Таджикистану Сурхан-дарьинского округа и особенно районов Сары-Ассии, Байсуна, Гушт-Гисора и части Денау полностью поддерживалось председателем комиссии Макеевым и членами таджикской делегации. Для доказательства обоснованности требования Таджикской республики относительно указанных территорий и необоснованного заявления узбекского представителя Имомова о том, что с экономической и национальной точки зрения указанные районы, и в особенности Байсун, не могут быть присоединены к Таджикистану, комиссия предложила узбекскому представителю ознакомиться с материалами, которые они сами издали, а именно с материалами по районированию Узбекистана (выпуск 1-й, 1926 г.) к V сессии ЦИК УзССР и списком населенных местностей УзССР и ТАССР (выпуск 8-й, издание ЦСУ УзССР, 1925 г.). При сравнении этих материалов с материалами переписи 1926 г. выявляется явное противоречие и несоответствие.

В книге материалов по районированию на странице 154 о районе Байсуне пишется следующее: «Населения в районе 42 856 душ (с числом хозяйств 7723), из которых в городских поселениях Байсуна и Дербента находится 3598 человек, что составляет 98% всего населения района. В центре района Байсун 2235 душ. На квадратную версту приходится 12 человек. По национальному составу: таджики — 57,8%, узбеки — 42,2%»[1].

По данным же переписи 1926 г. сведения о национальном составе населенных местностей Байсунского региона совершенно другие. Так, жители многих таджикских кишлаков и самого Байсуна оказались якобы узбеками. В действительно, и это видно из материалов, предоставленных комиссии, такие населенные пункты, как Дурбан, Дуаб, Пасурхи, Сайраб, Ташпулат, Урта, Мачай, Хаос, Шураб, Байсун в национальном отношении полностью состояли из таджиков. Кроме того, в тех кишлаках, где проживали узбеки, там же вместе с ними проживали другие национальности, в том числе и таджики. Торговые центры или базары были расположены в основном в местах проживания таджикского населения. Таким образом, в процентном отношении общая численность таджикского населения г. Байсуна и его окрестных районов составляла более 66% от общей численности всего населения[2].

В тех же материалах зафиксировано: «По Сары-Ассийскому району мы видим такую же картину. Из 21 сельсовета — 12 сплошные таджикские, такие как Таштабай, Дуаб, Кунди-Джуваз, Киштут, Нилю, Туичи, Хан-

[1] ЦГА Таджикской ССР. Ф. 35.— Оп. 2.— Д. 199.— Л. 32.
[2] Там же.

[1] ЦГА Таджикской ССР. Ф. 35.— Оп. 2.— Д. 199.— Л. 32—33.
[2] Там же.— Л. 33.

диза, Хуфар, Харварт, Шахтуруд, Узун и Маик. Кроме того, сопоставляя смешанное население с фактическими данными, которые у нас имеются, то из общего количества населения района до 70% являются таджиками. Если взять для примера, так же как и по Байсуну, то в переписи 1926 года таджикские населенные пункты записаны узбекскими. В этом нет никакого сомнения, что перепись 1926 года является чушью»[1].

В экономическом плане не только Сурхан-Дарьинская область, но и другие восточные районы Бухары теснейшим образом были связаны единой экономикой обширной Гиссарской долиной, полностью состоявшей из таджиков. С проведением железной дороги Термез—Душанбе указанный район по экономическим данным, по национальному составу больше тяготел к Таджикистану, чем к Узбекистану. Такое положение наблюдается и в наши дни, когда население Сурхан-Дарьинской области и его районов во многом связано с Таджикской ССР.

Для того, чтобы представители Узбекистана смогли убедиться в достоверности приведенных Таджикской комиссией многочисленных, обоснованных доказательств, им предлагалось поехать в указанные районы и все увидеть своими глазами (хотя они и так прекрасно понимали свою неправоту.— *Р. М.*). Таджикская делегация полностью, на основе неопровержимых фактов, опровергла результаты переписи 1926 г. Узбекские же представители голословно отрицали те фактические данные, которые были опубликованы в центре и в самом Узбекистане до переписи 1926 г. о численном и национальном составе таджиков и узбеков в городах и районах, которые должны были войти в состав Таджикской республики. Узбекская делегация со своей стороны настаивала на признании результатов, зафиксированных переписью 1926 г. и категорически были против передачи какой-либо территории Таджикской республике. Более того, она утверждала, что если даже у жителей Бухары и Самарканда родным языком является таджикский, то по своему происхождению они всё равно узбеки [2].

После подобных бредовых заявлений председатель комиссии Макеев сказал: «1. Если бы узбекские представители читали ряд исторической литературы, имеющейся на русском языке, персидском, английском, китайском, арабском и других языках, они найдут, что за время пребывания туркской народности в Средней Азии эти города не были населены турками-узбеками, а только имели власть над этими городами.

2. Есть и литература о том, что народности, которые до нацразмежевания назывались сартами, сейчас зовутся узбеками, являются ассимилированными таджиками, которые в настоящее время живут в Ташкентском округе, часть в Хивинском, остальные — в Фергане.

Если бы таджикское правительство поставило вопрос, что народность определяют не по языку, как об этом говорят узбеки, а по происхождению, что по советской действительности было бы не правильно, но если бы узбекский представитель пошел на комбинацию, чтобы доказать, что бухарское и самаркандское население является узбекским, и это было бы трудно, но доказать, что узбеки — сарты являются таджиками это легко. Для этого нужно представителю Узбекистана прочитать книгу «Иран», изданную АН СССР и «Историю культуры Туркестана», написанную академиком В. В. Бартольдом, а также книгу «Таджикистан» — сборник статей 1925 года, то они бы в этом убедились»[1].

Однако, несмотря на обоснованное требование Таджикской АССР о присоединении к республике Сурхан-Дарьинской области в 1929 г., т. е. накануне образования союзной республики, этого не произошло. Споры по данному вопросу были продолжены уже после образования Таджикской ССР.

В 1930 г. Комиссия Президиума ЦИК Союза ССР совместно с ЦИК Таджикской ССР внесла на рассмотрение высшего органа власти страны представление об изменении границ между Таджикистаном и Узбекистаном. Вопрос должен был рассматриваться на заседании Президиума ЦИК Союза 23 января 1930 г. Однако, по просьбе узбекского правительства, рассмотрение данного вопроса было отложено до 3 февраля 1930 г. В указанный срок ЦИК СССР напомнил правительствам обеих республик о том, что 3 февраля по указанному вопросу будет принято окончательное решение. 3 февраля 1930 г. были рассмотрены территориальные разногласия

[1] ЦГА Таджикской ССР. Ф. 35.— Оп. 2.— Д. 199.— Л. 33.
[2] Там же.— Л. 34.

[1] ЦГА Таджикской ССР. Ф. 35.— Оп. 2.— Д. 199.— Л. 34—35.

между Таджикской и Узбекской ССР. В постановлении ЦИК Союза ССР указывалось:

«1. Ходатайство ЦИК Таджикской ССР о присоединении Самаркандского и Бухарского округов — отклонить.

2. Сурхандарьинский округ в его современных границах передать из Узбекской ССР — Таджикской ССР, закончив эту передачу в течение двух месяцев»[1]. Шестым пунктом указанного постановления было отмечено, что «работу комиссии, образованной постановлением Президиума ЦИК Союза ССР от 26 ноября 1929 г., считать законченной»[2].

Прошло десять дней, и 13 февраля 1930 г. состоялось заседание Президиума ЦИК Союза ССР, на котором было рассмотрено ходатайство ЦИК УзССР о пересмотре постановления Президиума ЦИК Союза ССР от 3 февраля 1930 г. в отношении передачи Сурхан-Дарьинского округа Таджикской ССР. В принятом решении Президиума ЦИК Союза ССР говорится: «Приостановить проведение в жизнь постановления Президиума ЦИК Союза ССР от 3 февраля с. г. в части передачи Сурхан-Дарьинского округа Таджикской ССР». Мотивы приостановления принятого 3 февраля 1930 г. решения в протоколах ЦИК Союза ССР не приводятся. По-видимому, причиной такого неожиданного поворота событий мог послужить тот факт, что Узбекской ССР необходимо было иметь границу с зарубежными государствами, что являлось одним из условий образования союзной республики. Узбекистан мог иметь границу с одним из иностранных государств только через г. Термез, находящийся в Сурхан-Дарьинском округе. Какие-либо другие причины нам пока не известны. На этом территориальные споры между Таджикистаном и Узбекистаном на государственном, официальном уровне закончились. В 1929 г. к Таджикской республике были присоединены северные районы современного Таджикистана. Остальные таджикские районы и города остались в составе Узбекской ССР.

Дальнейшему решению территориальных вопросов между двумя республиками, очевидно, помешали начавшиеся массовые репрессии 30-х годов, когда были расстреляны видные таджикские политические деятели — Нусратулло Максум, Абдулкадыр Мухиддинов, Абдурахим Ходжибаев, Шириншо Шотемур и др., т. е. те люди, которые требовали исправления ошибок, допущенных в процессе национально-территориального размежевания Средней Азии 1924 г.

[1] Центральный Государственный архив Октябрьской революции СССР, Ф. 3316.— Оп. 13.— Д. 12.— Ч. 2.— Л. 113—114 (далее: ЦГАОР СССР)...

[2] Там же.

Административно-командное решение национально-территориального вопроса, ущемление прав отдельных народов в конечном результате привело к еще более страшным, трагическим последствиям, свидетелями которых мы стали в наши дни. Это обострение национальных противоречий в Нагорном Карабахе, Ошской области, Молдавии, на Северном Кавказе, в Таджикистане и других регионах.

Сейчас предлагают прошлые ошибки, просчеты, перегибы и другие извращения в национальном вопросе, в том числе и в территориальном отношении решать за столом мирных переговоров, но в ответ сразу же раздаются голоса: «исправлять границы сейчас — значит, резать по живому». Но при этом почему-то никто не говорит о том, о каких границах идет речь. Никто не станет спорить, что нарушать территориальную целостность народов, недопустимо, что это ведет к розни и конфликтам. Но именно поэтому сама жизнь ставит нас перед необходимостью восстановления нарушенной территориальной целостности народов, последствий бесцеремонной ломки и перекройки границ, допущенных в недалеком прошлом. Если тело одного народа расчленили на разные части, пришив их к телу другого, то смогут ли такие народы жить? Даже при условии, что один из народов стал «счастливым обладателем чужой конечности»[1], ему угрожает гангрена.

Такова горькая, но правдивая история таджикского народа на небольшом по историческим меркам отрезке времени. Отрицательные, ужасные в недалеком будущем ее последствия будут очевидными. Их мы уже начинаем ощущать в наши дни, когда народу катастрофически не хватает самого главного — земли, чтобы прокормить себя, построить на ней дома, чтобы жить в них, развер-

[1] *Барсегов Ю. Г.* Право на самоопределение — основа демократического решения межнациональных проблем.— Ереван, 1989.— С. 84.

нуть так необходимые нам сейчас нужные отрасли промышленности. Единственная наша надежда в настоящем и будущем — быть с Россией, с русским народом.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В нашей многонациональной стране отношения между нациями всегда играли и продолжают играть решающую роль. Они оказывают воздействие на все стороны политического, социально-экономического и духовного развития и служат или тормозом этого развития или, наоборот, стимулируют общественный прогресс.

Рожденные социализмом и в сущности верные по своему замыслу новые межнациональные отношения испытали на себе воздействие тех негативных процессов, которые происходили в нашем обществе в отдельные периоды его жизни. И сейчас, анализируя состояние советского общества, вскрывая истоки имеющихся негативных межнациональных процессов, необходимо трезво оценить допущенные в прошлом деформации, пройденный нашими народами исторический путь, их завоевания и потери. Без четкого понимания того, что было, нельзя разобраться и в современной действительности.

Таджики, имевшие в IX—X в. централизованное могучее государство Саманидов, затем на протяжении девяти веков оказались лишенными национальной государственности и были расчленены между различными административно-территориальными образованиями. В конце XIX — начале XX в. таджики входили в состав Туркестанского генерал-губернаторства России, Бухарского эмирата и Афганистана. Разъединенность таджикского народа (как, впрочем, и других народов Средней Азии) представляла угрозу самому его историческому существованию.

В этой связи национально-территориальное размежевание Средней Азии, осуществленное в 1924 г., представляло собой поистине событие всемирно-исторического значения. Сама идея проведения размежевания, образования самостоятельной национальной государственности народов Средней Азии была прогрессивной. Однако сегодня, ретроспективно оценивая пройденный путь, следует признать, что прогрессивная идея была воплощена в

жизнь с грубыми отступлениями от общественного принципа самоопределения народов и наций, с серьезными деформациями и искажениями. В результате бездумного, торопливого решения национально-территориального разграничения, таджики оказались загнанными в узкие ущелья горных массивов Средней Азии, лишились жизненно-важных территорий и исторически культурных центров.

В Туркестане и в Бухарской Народной Демократической Республике с первых же лет Советской власти в отношении таджиков под влиянием пантюркистов и панисламистов стала проводиться шовинистическая политика. Пантюркизм и панисламизм, распространившиеся в Средней Азии еще в начале XX в., получили поддержку даже со стороны части партийных и советских работников из числа лиц местных национальностей. Группа национал-уклонистов стремилась протащить взгляды о существовании в Туркестане единой «тюркской» нации, настаивала на создание «Тюркской республики» и «Тюркской компартии». В результате в большинстве государственных и партийных документов тех лет «замалчивалось» существование таджиков, хотя они являлись коренными жителями, аборигенами региона, а по своей численности занимали второе место среди народов Средней Азии.

Пантюркисты, будучи воинственными шовинистами, решительно выступали против использования таджикского языка, который они считали языком прошлого, придворным, вымирающим; пропагандировали, как якобы подлинный интернационализм, необходимость для таджиков отказаться от своей национальности и записаться узбеками. Политика же национальной дискриминации таджиков, их культуры и языка проводилась официальными органами.

Основополагающим принципом ленинской национальной политики было провозглашение права наций на самоопределение, осуществляемое путем свободного волеизъявления народных масс с помощью всенародного референдума. Однако в процессе проведения национально-территориального размежевания Средней Азии, этот принцип игнорировался полностью. Более того, отдельным коммунистам под страхом исключения их из рядов партии запрещалось проведение собраний жителей тех

или иных населенных пунктов с обсуждением вопросов об их желании войти в состав той или иной республики. По сути дела, нескольким десяткам человек, входившим в состав национально-территориальных комиссий, представлялось право решать исторические судьбы целых народов.

Первоначально и в течение длительного времени под влиянием пантюркистских элементов речь шла об образовании Таджикской Автономной области, и только в последний момент эта историческая несправедливость была частично исправлена — была образована Таджикская АССР. Но еще в 1924 г. передовые представители таджикского народа вполне обоснованно доказали, что по всем признакам — своей численности, территориальному единству, пограничному положению — таджикский народ имел право образовать свою самостоятельную союзную республику.

Вхождение Таджикской АССР в течение пяти лет в состав Узбекской ССР оказало негативное влияние на экономическое и культурное развитие таджикского народа. Союзное правительство оказывало Таджикистану, как наиболее отсталой национальной окраине, щедрую и всестороннюю помощь. Однако, поскольку Таджикская Автономная республика входила в состав Узбекистана, то правительством последнего допускались массовые нарушения, а именно: союзная помощь использовалась не по назначению, и средства направлялись на развитие областей, входящих непосредственно в Узбекистан.

В результате национально-территориального размежевания основные древнейшие центры таджикской культуры — города Бухара, Самарканд и Ходжент остались на территории, непосредственно входящей в состав Узбекистана. Вхождение в Узбекистан основных культурных центров таджикского народа с кадрами интеллигенции, ремесленников-кустарей, с традиционными культурными учреждениями, с одной стороны, стимулировало темпы развития Узбекистана, а с другой,— сыграло решающую роль в консервации экономической и культурной отсталости Таджикистана.

В конце 1929 г. по настойчивому требованию таджикского населения Ферганской долины они были присоединены к Таджикистану. Это дало возможность преобразовать Таджикскую Автономную республику в союзную.

На наш взгляд, подобная задержка с формированием таджикской советской национальной государственности не имела никакой целесообразности и необходимости, она объяснялась, с одной стороны, деятельностью пантюркистских и великоузбекских шовинистических элементов, а с другой,— деформацией ленинских принципов национальной политики вследствие господства административно-командной системы руководства.

Пантюркизм и порожденная им насильственная ассимиляция представителей других, нетюркских, национальностей, прежде всего таджиков, продолжались и на последующих этапах исторического развития Таджикистана. После образования Таджикской АССР на территории Узбекской ССР таджиков насильно заставляли записывать себя узбеками. Сотни писем, информирующих партийные и советские органы о подобных грубых нарушениях, национальной несправедливости и национальных притеснениях, хранятся в архивах. Национальная несправедливость и социальная деформация неотделимы друг от друга. Свидетельством тому — период «застоя», вошедший в историю Узбекистана под названием «шарафрашидовщины». Именно в этот период активно стали возрождаться теория и практика пантюркизма, произошло оживление насильственного «обузбечивания» таджикского населения.

Предпринимаемые в 80-е годы попытки не только возрождения, но и теоретического обоснования и оправдания пантюркизма, стремление доказать, что он имел ряд течений и некоторые из них были прогрессивными ничего, кроме осуждения, вызывать не могут. Отдельные авторы пытаются «обосновать» наличие в пантюркизме и в панисламизме здоровых тенденций по изучению национальной истории, формированию новых национальных письменностей, созданию условий для того, чтобы близкие по языку народы могли свободно контактировать и объединяться[1].

В недалеком прошлом, в застойный период национальные и межнациональные отношения в нашей стране, в том числе и в Таджикистане, рассматривались в плане гиперболизированных успехов, преподносились, как цепь сплошных триумфов. Действительно, отрицать имевшие

---

[1] Вопросы литературы, 1989, № 2.— С. 8.

место достижения, положительные преобразования, несомненные успехи таджикского народа, совершившего переход от феодализма к социализму, невозможно. Но вместе с тем трезвый научный анализ реальных фактов и процессов позволил в период перестройки по-новому взглянуть на наше прошлое, выявить имевшие место в данном вопросе серьезные деформации и изъяны. В годы довоенных пятилеток в Таджикистане произошли коренные, существенные экономические преобразования. Русский и другие братские народы помогли соединить столицу республики — город Душанбе с железнодорожной сетью всего Советского Союза. В республике были созданы основы современной фабрично-заводской промышленности. Поистине стройкой дружбы народов явилось сооружение Вахшской ирригационной системы, позволившей превратить в цветущий край ранее безжизненную Вахшскую пустыню.

Но при несомненном экономическом и культурном прогрессе за годы социалистического строительства, Таджикистан в 1940 г. оставался еще аграрным придатком западных и центральных районов страны. И хотя в послевоенный период наша республика стала индустриально-аграрной, по многим параметрам социально-экономического и культурного развития разрыв между нею и страной в целом, в том числе большинством других союзных республик, не только не сократился, но даже еще больше увеличился. По таким важнейшим показателям, как производство национального дохода на душу населения, темпы его роста, производительность общественного труда, обеспеченность населения медицинским персоналом, наличие детских дошкольных учреждений и многим другим Таджикская ССР занимает последнее или предпоследнее место в стране.

Проявившиеся в современных условиях деформации в развитии экономики, диспропорции в ее отраслевой структуре были обусловлены процессом формирования народного хозяйства республики еще в довоенный период. Таджикистан внес существенный вклад в завоевание Советским Союзом хлопковой независимости. Вместе с тем хлопковая специализация сельского хозяйства, господство монокультуры при грубых нарушениях севооборотов и рационального использования земли привели к ее истощению, отставанию других важных отраслей сельского хозяйства. Вместо того, чтобы развивать экономику комплексно, ее развивали однобоко, что способствовало избыточности трудовых ресурсов. Более 90% основного сельскохозяйственного сырья — хлопка-сырца перерабатывается за пределами республики, из-за чего республика несла и несет огромные убытки.

Сильное и имеющее тенденцию к увеличению социально-экономическое отставание республики проявляется в социальной структуре общества и обусловлено демографической ситуацией. В Таджикистане упорно держится на самом низком уровне в стране удельный вес городского населения — 35% при соответственно самом высоком удельном весе сельского населения — 65% (при среднем по стране показателе — 38%).

В процессе социалистического строительства в годы довоенных пятилеток происходил процесс формирования национальных кадров фабрично-заводского рабочего класса. Но в основном готовились кадры или строительных и дорожных рабочих, или для таких отраслей, как легкая и пищевая. Для ведущих же отраслей, например, тяжелой промышленности, кадры рабочих приглашались из-за пределов республики. Это наложило негативный отпечаток на профессиональный и квалифицированный состав национальных отрядов рабочего класса Таджикистана.

В народном хозяйстве Таджикистана удельный вес рабочих и служащих местных (основных) национальностей, т. е. таджиков и узбеков, в целом соответствует их удельному весу в общей численности населения республики. Если в 1987 г. в народном хозяйстве Таджикистана насчитывалось рабочих и служащих 1 миллион 182,3 тыс. человек, то из них рабочие и служащие основных национальностей составляли 856,38 тысячи. Но совершенно другую картину мы видим, если проанализировать отраслевую структуру. Рабочие основных национальностей в целом по промышленности (по состоянию на 1977 год) составляли почти половину от их общей численности — 48,1%, но при этом в стекольной промышленности — 65,2%, в пищевой — 63,3%, в легкой — 51,1%, а вот в отраслях, определяющих технический прогресс и требующих более высокой квалификации, этот показатель резко отставал от среднего по республике: в химической промышленности таджики и узбеки среди рабочих со-

ставляли 20,2%, в машиностроении и металлообработке — 28,1%, в цветной металлургии — 38,9%.

В процессе социалистического строительства таджикский народ понес невосполнимые потери в кадрах интеллигенции и наследования богатейшей культуры прошлого, не говоря уже о том, что большая часть таджикской интеллигенции осталась на территории Узбекистана и, естественно, стала обслуживать культурные потребности узбекского населения. Массовые репрессии в конце 20-х и в 30-е годы ликвидировали основной генофонд таджикской интеллигенции, как дореволюционной, так и выросшей в первые годы Советской власти. «Год великого перелома» привел к серьезным деформациям не только в социальной и экономической сферах, но и в области духовного развития общества. В массовом порядке закрывались мечети, многие из них, несмотря на то, что они являлись архитектурными памятниками, разрушались.

Одновременно с широким наступлением на религию в связи с политикой латинизации алфавитов тюркоязычных и таджикского народов для «ревнителей» народного просвещения арабский алфавит, на котором написаны Коран и религиозные книги, стал символом всего мусульманского, клерикального. За хранение человеком любой книги, написанной на арабском алфавите, его осуждали и репрессировали. Тысячи и десятки тысяч рукописных и литографических книг — художественных и научных (по философии, юриспруденции, физике, химии, медицине, математике и техническим наукам), уничтожались, безвозвратно гибли для нынешних и будущих поколений. Знатоки классического наследия, которых в концлагерях называли «арабистами», имели уже преклонный возраст и не дожив до освобождения, погибали в заключении, национальная таджикская культура подавлялась духовно, а те, кто мог передать её потомкам, уничтожались физически.

В период массовых репрессий, нарушений социалистической законности во второй половине 30-х годов десятки научных деятелей Таджикистана были незаконно ошельмованы и расстреляны с ярлыками «буржуазных националистов» и «национал-уклонистов». Их «преступления» в национальном вопросе заключались в том, что они разоблачали антинародную политику пантюркистов,

доказывали право таджикского народа на свое историческое и культурное наследие.

В вопросе об отношении к культурному наследию прошлого той или иной национальности нередко допускаются две крайности. С одной стороны, склонность к национальному чванству, превосходству, амбициям, а с другой, под флагом спекулятивно, демагогически трактуемого принципа интернационализма, подчас ущемляются национальные чувства, достоинство, права нации на свое культурное наследие. Повальный характер приняло стремление отдельных представителей интеллигенции «удревнить» и «обогатить» культурное наследие своего народа за счет соседних народов. В Средней Азии в свое время национальные страсти разгорелись в дни проведения юбилеев Авиценны, Беруни, Хорезми, Низами, Фараби и др.

Д. Кунаев, Ш. Рашидов и их «научные консультанты» пытались превратить празднование этих юбилеев в арену межнациональной грызни.

Все мы помним, как в связи с 1000-летием Абуали ибн Сино, великого сына таджикского народа, предпринимались многочисленные попытки оспаривать его этническую принадлежность. Дело доходило до того, что в печати слова «сын таджикского народа» предлагали в обязательном порядке заменить словами «среднеазиатский ученый». И поэтому общественность Таджикистана с полным пониманием встретила слова Р. Н. Нишанова, который в канун XIX Всесоюзной партийной конференции в беседе с корреспондентом газеты «Известия» заявил об имевших место перекосах. «Если говорить об уважении к своим братьям в нашей многонациональной семье, то зачем надо было приписывать себе Авиценну, когда он в действительности великий таджикский ученый? Разве от того, что он принадлежит нашим братьям, он не принадлежит нам?»[1].

К сожалению, порочная практика ставить под сомнение право каждого народа на свое культурное наследие не ликвидирована до настоящего времени. Свидетельством тому классификация выдающихся поэтов, ученых, мыслителей прошлого не по их национальной принадлежности, а по месту рождения и проживания (естественно, с учетом нынешней государственной, административно-

[1] Известия.— 1988.— 22 апр.

территориальной принадлежности указанных городов) — на самаркандских, бухарских, термезских и т. д.

Снова предпринимаются попытки под благовидными лозунгами об интернационализме, единстве исторических судеб народов Средней Азии, доказать, что видные ученые и писатели Средней Азии принадлежат не одному народу, а всем народам региона.

Если сейчас еще невозможно решить национально-территориальные вопросы, то необходимо на определенное время обеспечить все права и условия для сохранения национальных традиций, развития культуры и языка граждан, которые живут за пределами своих национально-территориальных образований, их представительство в органах власти. Рекомендовано продолжить практику организации национальных культурных центров, обществ землячеств, создания национальных районов, поселковых Советов в местах компактного проживания национальностей.

В Таджикистане созданы и будут создаваться все необходимые условия для успешного развития языка и культуры узбеков, киргизов, туркмен и других национальностей, проживающих в республике. С этой целью максимально будут использоваться возможности создания национально-территориальных районов, сельских и поселковых Советов в местах компактного проживания тех или иных национальностей.

Мы надеемся, что аналогичные шаги будут предприняты и государственными органами Узбекистана, на территории которого проживают (даже по неточным, как всегда, итогам последней переписи населения) свыше 900 тыс. таджиков, находятся древнейшие центры таджикской культуры — города Бухара, Самарканд, имеется значительное количество таджиков, предки которых насильственно были записаны узбеками. Настало время восстановить историческую справедливость и для тех лиц, которые еще не ассимилировались, не утратили своего материнского (родного) языка и национального (этнического) самосознания, дать возможность документального подтверждения своей национальной принадлежности, причем так, чтобы люди, восстанавливающие свою подлинную национальность, не подвергались никаким ограничениям, более того, никакой дискриминации в своем

общественном положении со стороны органов местной власти.

Чуткость, максимальное внимание и забота о национальных интересах всех проживающих на территории республики людей—радикальный путь к ликвидации любых межнациональных трений, упрочению дружбы между представителями всех наций.

Подведем итог сказанному выше. Как мы уже убедились, идеализация классовой борьбы на практике привела к физическому истреблению миллионов людей. Зачастую под прикрытием «справедливости» этой борьбы осуществлялся самый настоящий геноцид. Это видно при анализе методов ведения гражданской войны. Бесчеловечная система заложничества во времена красного террора при установлении Советской власти в Средней Азии трансформировалась в методическое истребление коренного населения под предлогом борьбы с басмачеством. В случае дислокации противоборствующих сил в каких бы то ни было селениях Красная Армия уничтожала все их мужское население. Подобная человеконенавистническая политика, естественно, вызывала соответствующее отношение коренных народов как к Советской власти вообще, так и к представителям нации её олицетворявшей в частности. Этот момент остается и поныне одним из факторов межнациональной напряженности. И сегодня для подавления выступлений народных масс Центр использует грубую военную силу. Так было в Алма-Ате и Душанбе, Баку и Ереване, Вильнюсе и Риге. Именно поэтому представляются вполне логичными попытки организации собственных национальных военизированных формирований в ряде национальных республик, что, конечно же, обостряет ситуацию.

Однако наиболее опасной в плане создания очагов межнациональных конфликтов и их нынешней эскалации было проведенное Центром произвольное национально-территориальное разграничение, задевшее интересы практически всех народов СССР. Причем, если изложенное выше раскрывает причины возникновения конфликтной ситуации во взаимоотношениях Центра с национальными республиками, то проблемы, касающиеся границ, возникшие в результате их демаркации сверху, привели к напряженности и правовым конфликтам

уже между отдельными объектами советской федерации.

Приходится констатировать, что наихудшие стороны взаимоотношений Центра с союзными республиками отразились и на уровне республика-автономия. К сожалению, подтвердились опасения наиболее дальновидных политиков из числа членов большевистской партии, (почти поголовно уничтоженных в годы великого террора 30-х годов) о возможности усиления местного или «мелкого» шовинизма в национальных республиках в отношении коренных сравнительно малочисленных народов. Примеров тому множество. Это и армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе, и грузино-абхазский конфликт в Абхазии, и грузино-осетинский конфликт в Южной Осетии и т. д. Общеизвестно, что эти конфликты переросли фактически в войну между участвующими в них сторонами. В Закавказье продолжает литься кровь, гибнут сотни людей. Корни же этих трагедий в нежелании Центра считаться с историческими, национальными, религиозными и культурными факторами при утверждении границ и форм государственности этих народов. Так, Нагорный Карабах в 1920 г. был передан в состав Армении, а в 1923 г. вновь возвращен Азербайджану. При этом мнения на этот счет у народа Карабаха никто не спрашивал. Здесь следует подчеркнуть, что уже в те годы (преднамерено или нет) был создан очаг напряженности в отношениях между армянским и азербайджанским народами.

Абхазия же является примером фактического понижения волевыми решениями из Центра уровня государственности, а следовательно, и степени суверенитета народа. Созданной первоначально Абхазской ССР была навязана сначала конфедерация с Грузинской ССР, а затем и вовсе союзная форма её государственности была заменена автономией.

Осетины были расколоты между двумя автономиями в составе разных республик, к тому же даже формы автономий оказались неравными (АССР в России и автономная часть — в Грузии). Попытки этих народов повысить свой государственный статус привели к кровопролитию и упразднению осетинской автономии грузинским парламентом, к вооруженному конфликту между грузинами и осетинами.

Наиболее ярким примером произвола Центра в установлении форм государственности и территориальных границ является, конечно же, Средняя Азия. Если на Кавказе раскалываемым народам предоставлялись (хотя и ограниченные) формы государственности, то в этом регионе принцип «разделяй и властвуй» проявился в самой неприкрытой форме.

Национально-территориальное размежевание Средней Азии было спланировано Центром задолго до 1924 года. Никаких референдумов или даже опросов местного населения не проводилось. Уполномоченные ЦК РКП(б) целиком и полностью полагались на свои региональные партийные подразделения, в состав которых входили зараженные пантюркизмом местные коммунисты. Идеи пантюркизма существовали не только в теории, они осуществлялись и на практике. Выразилось это в абсолютной дискриминации таджикского народа, само существование которого отрицалось пантюркистами. Когда же им не удалось замолчать наиболее древний народ региона, они сделали все, чтобы при размежевании к таджикскому национальному государственному образованию отошли наиболее непригодные земли, чтобы таджикский народ лишился своих исторических государственных, экономических и культурных центров — Самарканда, Бухары, Ходжента и др. Особо следует подчеркнуть, что постановлениями Центра запрещалась организация мероприятий, на которых выражались альтернативные решениям Центра мнения. Самым откровенным способом фальсифицировались данные переписей населения 1920 и 1926 гг., что видно из сравнения данных о численности таджиков в одном только Туркестане в 1920 и 1897 гг.[1]

Дискриминация же таджикского языка со стороны узбекских шовинистов дошла до того, что в 20—30 годы в Бухаре за разговор на родном языке таджики подвергались денежному штрафу. Сотни и сотни тысяч таджиков в Узбекистане по указке властей записаны в паспортах узбеками, были ликвидированы все таджикские общеобразовательные и культурные учреждения в этой республике. Все это, естественно, порождает

[1] См.: ЦГАОР СССР.— Ф. 1318 — Оп. 1.— Д. 229.— Л. 68—69.

напряженность во взаимоотношениях между Узбекистаном и Таджикистаном.

Принцип «разделяй и властвуй» проявился при проведении национально-территориального размежевания в отношении и всех других народов региона. Весь мир был потрясен невероятной жестокостью кровопролитного киргизо-узбекского конфликта в Ошской области Киргизстана. А ведь при правильном разграничении или даже предоставлении автономии соответственно узбекам в Киргизии и киргизам в Узбекистане этой трагедии могло и не быть. Архивные источники убедительно доказывают — нацразмежевание в Средней Азии было проведено крайне небрежно, что превратило регион в постоянный очаг межнациональной напряженности, а республики региона фактически неспособными обеспечить безопасность своего населения и решить национальный вопрос без участия Центра и применения насилия. На протяжении десятилетий органами центральной власти рассматривались территориальные споры между всеми республиками Средней Азии (включая Казахстан). Ситуация в регионе и сегодня чревата возникновением кровопролитных межэтнических конфликтов.

В настоящее время существуют два пути выхода из сложившегося кризиса: либо коренное преобразование унитарного Союза в Конфедерацию, либо установление диктатуры.

Другой, не менее мощный заслон для демократии представляет собой шовинистически настроенное русское население многих союзных республик и примыкающие к нему руководители обанкротившейся верхушки национальных коммунистических партий. Выше мы останавливались на описании противоборства русскоязычного населения с демократическими законодательствами о языке и декларациями о суверенитете и т. д. Думается, причина подобной позиции заключается в том, что оно было воспитано в духе собственного превосходства над народами бывших колониальных окраин и уверовало в свою исключительность, в силу чего оно не считает для себя необходимым изучать язык республики, в которой живет, уважать местные традиции и обычаи. Более того, русскоязычное население (к сожалению, большая его часть) национальных республик

все еще считает, что коренные народы должны приспосабливаться к его образу жизни, т. е. жить так, как оно того пожелает.

В заключении стоит сказать, что каким бы ни было будущее нашей страны, необходимо помнить реальную историческую истину — все империи, опирающиеся на грубую силу и произвол, рано или поздно распадаются.

Новый этап в истории таджикской национальной государственности начинается с провозглашением 9 сентября 1991 года сессией Верховного Совета Таджикистана государственной самостоятельности республики Таджикистан. Как будет дальше, покажет история.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ТАДЖИКСКОЙ ССР ФОНД 35. ОПИСЬ 2. ДЕЛО 199

ЗАСЕДАНИЕ

Комиссии по таджикским вопросам 26 июля 1929 г.

Макеев: Вчера т. Исламов имел беседу, пожалуй, веселую беседу с т. Ходжибаевым. Тов. Исламов выставлял требование по поводу Канибадама. На основании этого т. Ходжибаев выступает по Ходженту: В то же время вопрос о Ходженте не стоял и не может стоять, и требования, чтобы Курган-Тюбинский вилоят передали им. Вот минимум ...требований или, в крайнем случае (нужно) создать автономию. А что же теперь видим? Вместо этого выдвигают как контрминимальное — требование по Сыр-Дарье, Бухаре и Самарканду, и затем выступил и с Ходжентским вопросом. И потом Ходжибаев заявил, что автономию Курган-Тюбе согласны дать, если создадут единство, и присоединили бы непосредственно к центру. Курган-Тюбинский вилоят несколько веков был при Бухарском эмирате.

Спорный вопрос — это Бухара. Бухара должна быть отдана нам. По вопросу Ришана и отдельных округов мы заявили, что поскольку есть решение ЦК партии Узбекистана по этому вопросу не в нашу пользу, то мы не вправе сейчас этого требовать, и потому мы отказываемся от Ришана.

Вот к чему мы пришли. Я очень хотел бы, если будет обсуждаться вопрос, который начали рассматривать вче-

ра, но вчера мы обсуждали его без материалов, сегодня же принесли материал. Мы на основе этого материала докажем, где компактной массой живут таджики, и узбекский представитель не будет говорить глупости. И мы не будем делать комиссию эту игрушкой. Сегодня мы должны подойти к этим вопросам как с точки экономической, так и с политической и территориальной.

В отношении Кашка-Дарьинского округа Обком сообщил мне, что там живут таджики в огромном большинстве. Обком подтвердил, чтобы этот район был присоединен нам. Вот наши требования, которые были высказаны и вчера.

Исламов: Один основной вопрос, на который я прошу обратить внимание, это материалы, которые здесь представлены и на которых будем базироваться при разрешении всех этих вопросов: национальных, политических и пограничных вопросов Таджикистана с Узбекистаном.

Этот материал — перепись 1926 года.

Эта перепись является не просто неверным Узбекским изданием, это перепись союзного значения... документ, на котором разрешили пограничный вопрос и с Казахстаном и с Киргизией. Так что они опорочиванию не подлежат и их нужно считать подлинными документами для среднеазиатских органов. Она зафиксирована соответствующими законами Союзного ЦСУ.

Относительно С. Дарьи, по нашим данным, там узбеков — большинство, согласно переписи 26 г., которая проводилась не узбеками, а в большинстве своем школьниками-европейцами.

Эту работу можно считать, я думаю, объективной. А также на территории Таджикистана эта перепись произведена под руководством Таджикского представительства, и с ним уж никак нельзя спорить.

Ввиду всего вышеизложенного, прошу это положить в основу и потом перейти к разрешению спорных вопросов по деталям.

Макеев: Я хочу сказать, что спорный пункт — это С. Дарья, что касается остальных пунктов, то они разногласия не вызывают ...О Ходженте говорили и говорить больше не будем. Необходимость его выделения подтвердили и сами узбеки. И, следовательно, будем говорить в рамках, как говорили вчера, а именно, по реке, граничащей с Таджикистаном, включая Термез...

Исмаилов: Прошу перепись 26 г. не опорочивать и базироваться в этом вопросе на ней.

Ходжибаев: Я докажу и скажу, что перепись 26 г. по Узбекистану чушь. Так думают и Ср. Аз. партийные организации и узбеки в том числе.

Исмаилов: О Ходжентском округе, конечно, нельзя решать из национальных соображений, отбросив политику.

Возьмем район. Там таджиков 58,9% — 12 746 душ обоего пола, и узбеков — 40,3% — 8 725 душ обоего пола. В экономическом отношении этот район связан всецело с экономикой Ферганского округа и никто противное не докажет.

В Исфаре и Канибадаме такое положение. В общем... в обоих районах, конечно, преобладает таджикское население (в Исфаре таджиков — 87%, узбеков — 9,9%, в Канибадамском районе — 39% узбеков в кишлаках, если взять по городу, то здесь преобладают узбеки — 71%).

По ирригационной линии (узбек. хлоп. район) и по Беш-Арыку они связаны исключительно с Ходжентским районом, и сейчас ирригационный центр находится там. И это водное хозяйство находится в Узбекской республике, и в деле водного управления будет легче решать, чем когда будут 2 республики союзного значения.

Все экономические вопросы разрешаются в Коканде, и даже одно время поднимался вопрос о присоединении Исфары и Канибадама к Фергане. Вопрос о Ходжентском округе в основном решен. Об этом речи не может быть.

Здесь вопрос стоит относительно Нау. Если комиссия считает, что его необходимо оторвать от Ходжента, то я думаю, что надо тогда точное определение его населения. Само население Нау исключительно узбеки, но здесь надо отдать предпочтение экономическим соображениям, требующим большего внимания.

Вопрос Курган-Тюбинский. В подавляющем большинстве там (по переписи) тюркское население.

Состав следующий: узбеки — 54,9%, туркмены — 11,9%, казахи — 1,4%, и некоторая доля таджиков — 15,6%. Это те данные, которыми оперировал т. Ходжибаев, только он приводил 45 тыс. таджиков... Это требует, тем более в данный момент, уточнений. Этот во-

прос мы не оспариваем, если представлять соответствующие данные.

В... Кулябском вилояте, особенно в южной его части, компактной массой проживают узбеки (45%). Имеем ли мы право требовать, чтобы его выделяли в автономный нацмен, это вопрос детальный. Остальное все ясно.

Ходжибаев: Мы просим записать следующее. Вопрос о Ходжентском округе разрешению комиссии не подлежит по следующим соображениям. Ходжентский округ, как постановлением узбекских партийных органов, так и постановлением узбекских советских органов передан Таджикской республике. Тов. Икрамов по этому вопросу выступал голословно. И в данном случае т. Исламов, не имея решения Исполбюро ЦК Узбекистана, не имеет права выступать в комиссии по вопросу Ходжентского округа. Формально здесь контрпретензия т. Исламова, а не Узбекской республики.

Исламов: Я прошу во всех вопросах по поводу Таджикистана проводить партийную выдержку и не касаться личностей. Я имею право требовать то, что я считаю законным, поскольку я представитель от Узбекского правительства. Прошу это подчеркнуть.

Ходжибаев: Я совершенно официально заявляю, что решением ЦК Узбекистана, съезда — Курултая, а также Решением Ср. Аз. Бюро ЦК это подтверждено, и я, как член ЦК Узбекистана, заявляю, что никаких решений по вопросу о Ходжентском округе нет, и потому т. Исламов не имеет права выдумывать требования. Я считаю его требование выдумкой. Я на эти претензии отвечать не хочу. Я хочу только сказать, что Ходжентский округ является неделимым хозяйственным районом. Экономическое его производство в Исфаре, Канибадаме и Шахэ — это садоводческие районы. Ирригационная система единая. Беш-Арыкский район только 2 месяца пользуется водами. Тов. Исламов заявляет, что Ходжентский округ тяготеет экономически к Фергане, Джаляльабадский район, Узгенский тоже тяготеют экономически к Фергане, а союзные органы образовали Киргизстан. По-моему, его доводы не являются аргументом.

Я считаю вопрос о Ходженте предрешенным. Если Узбекский ЦК вынесет решение о том, что... необходимо присоединить из Сыр-Дарьинского района Байсун — население 35 253, в том числе таджиков 27 038, Сары-Асия население 30 280, таджиков, из них 18 555 Денау, населен 51 861, из них таджики 32710, Пата Гиссаре г гор. Термезом... Термез является исключительно туркменским, узбекским, русским городом, там есть все национальности. Но почему мы требуем этот узбекский город, хотя он и не узбекский..., а русский. Мы требуем этого, исходя из того, что он является базарным валовым пунктом для огромного населения Таджикистана.

Вот Термез. Здесь речной транспорт... судоходство Средней Азии по Пянджу и судоходной реке Вахш. До Джиликуля нами от Термеза проектируется автомобильная шоссейная дорога. Правительство ассигновало огромные суммы для проведения железной дороги от Термеза до Душанбе. В будущем году заканчивается строительство дороги от Курган-Тюбе.

Должен заявить, что Узбекская республика в лице СНК вопрос о постройке этой железной дороги старалась всячески затянуть, и все-таки мы с большими усилиями добились постройки, и трудящиеся таджики её достраивают. Будет закончена к 1 сентября до Душанбе. Восстановлена линия Самсоново—Термез.

В 1924 году Таджикское правительство выделило из своего золотого фонда огромную сумму — 500 тыс. золотом. Эта сумма и до сего времени Узбекским правительством не возвращена. Из этого видно, что Узбекское правительство не заинтересовано в поднятии таджикского края.

...Сурхан-Дарья... фактически является частью Восточной Бухары. Резиденция летом эмира находилась в Душанбе и после ликвидации Кара-Текина этот район действительно получил административное деление. Формально же подчинился Бухарскому Эмирату и в то же время считалось, что в экономическом отношении этот район связан всецело с экономикой Ферганского округа, и никто противное не докажет.

В Исфаре и Канибадаме ... в общем и целом ..., конечно, преобладает таджикское население (в Исфаре таджиков — 87%, узбеков — 9,9%, в районе Канибадамском — 39% узбеков в кишлаках, если взять по городу, то здесь узбеков 71%, т. е. они преобладают.

Далее в вопросе о национальной политике Узбекского пр-ва и Курултае ЦК Узбекистана, Ср. Аз. Бюро и ЭКО осудили Узбекистан за искривление национальной

политики в Таджикской республике. Узбекская республика не обеспечила правильного развития Таджикистана. Таджикистан как был, так и остался. Мы своими силами восстанавливаем его.

Я хочу ответить по вопросу Курган-Тюбинского вилоята. По статистике 1926 г., этот район населен узбеками. Если взять издание о народном хозяйстве Таджикистана в 26 г., где говорится о Курган-Тюбинском вилояте, то по нему численность таджиков составляет 1275 чел., узбеков — 8705 человек.

Позднее (в 27 г.) состав определяется таким образом: 18 000 узбеков и 5 000 таджиков.

Товарищам известно, что Таджикская республика под руководством партии проделала огромную работу. Теперь состав следующий (без переселенцев): 30 624 таджика и 20 000 узбеков. Это говорит статистика ЦСУ. Это закон и других законов нет.

Еще заявляю, что узбекское население Таджикской республики в деле просвещения, в деле экономики и экономического обслуживания в 3 раза обслуживается лучше, чем таджикское население. На это было указано 4 партийным Курултаем и 2 Пленумом Ср. Аз. Бюро ЦК, как недопустимое явление, как искривление национальной политики.

В то же время нужно сказать, что выделение Таджикской республики не является вопросом внутрисоюзного характера. Вопрос о Таджикистане — вопрос международный. Политбюро ЦК ВКП(б), выделяя Таджикскую республику, имело в виду революционизировать трудящиеся массы Востока, и потому Бухара является частью Таджикистана. Отделение ее будет политически неправильным, а также и Термез является русско-туркменским городом, и также Байсун и Сары-Ассия должны быть присоединены к Таджикистану.

Теперь я скажу несколько слов о характере материалов. Всем известно, что Бухарская республика не была Узбекской республикой, это Иранское государство, столицей которого была Бухара. Вот имеется перепись, составленная Военно-географическим Об-вом. В этих материалах говорится, что в Бухаре населения 3 мил., из них таджиков — 2 мил. 100 тыс. чел., узбеков—750 тыс. Эти материалы не изданы Таджикским Пр-вом, а изданы Военно-географическим Отделом в гор. Самаре. В

Бухаре и прочие национальности все говорят на таджикском языке. Об этих материалах должны судить объективно. Это материалы военно-топографического отдела, объективные материалы. Составлены русским генеральным штабом. Необходимо этот материал положить в основу. Этот район необходимо считать нашей... территорией.

Второй вопрос — о Бухаре. Это вопрос политический, Бухара издавна славилась как священный город, центр культуры иранских народностей. О Бухаре вы увидите литературу и в Бомбее и в Лондоне, во всех уголках Запада по этой литературе видно, что она является нашей территорией и, несомненно, должна принадлежать нам.

Следующий вопрос — это Самарканд. Вот материал, подписанный Красновым, который умер в Туркмении, и не наш представитель, а ЦСУ, знаток Средней Азии, человек, который в этом отношении является ценным...

Самаркандский округ мы считаем нашим. Он также является неразрывной частью Таджикистана. Он представляется в следующем виде. От нашей границы до города Самарканда 70 км. И по материалам 1920 г. населения там 143 тыс. чел.

Вот как представляется национальный состав: таджиков — 39 700 чел., а узбеков — 15 480 чел. (приводится ряд волостей Ходжента и Самаркандского округа).

По всем приведенным выше данным, Самаркандский округ должен подчиняться нам. Он является не только нашим городом в национальном отношении, он исторически является таджикским городом. Вот Тамерлановская книга, подлинник находится в музее в Лондоне и копированный — в Бомбее. В дневнике своем он (Тамерлан.— *Р. М.*) пишет, что Самарканд—исторически таджикский город, что Самарканд является неразрывной частью таджикского населения. Он сознается в своих ошибках, направленных против таджиков, он говорит, что их надо исправить, и предкам завещает, чтобы Самарканд именно отвечал своим требованиям.

Тов. Исламов приводит в доказательство, что таджики не сумеют управлять, что Узбекская республика теперь усиливает обслуживание таджиков, что культработа усиливается, но это неправда. Надо прямо сказать, что Узбекская республика не помогала Таджикской республике. Мы сами, таджики, под руководством партии и Советского Союза сделали огромный шаг вперед. Лик-

видировали басмачество, восстановили хозяйство. Узбекская республика нам в этом не помогала. Все это говорит за то, что Таджикская республика в состоянии сама руководить собой и сможет руководить новыми районами. Эти районы должны быть присоединены к нам. Мы оттуда почерпнем работников, и Таджикская республика и экономически и политически окрепнет. Здесь могут возразить, что мы не сможем из-за дальности управлять этими районами. Я приведу ряд примеров. Киргизия, вот какой круг объезжает и управляет южными кантонами. Казахстан огибает через Россию и Сибирь и управляет теми районами. А мы чем хуже? Кто докажет, что мы не сможем управлять Бухарой и Самаркандом, и потому мы и на этом настаиваем.

Исламов: Он вынес основной вопрос: Бухара и Самарканд. Вопрос этот относительно Сурхан-Дарьи. Почему т. Ходжибаев отвергает эти существенные данные, которые зафиксированы, можете проверить по подлинникам. Сурхан-Дарья в той части, на которую претендуют таджики, нашим данным также необходимо верить. Вот эти данные. Эта работа произведена до нацразмежевания, опробирована и издана ЦСУ в 1925 г. Этим данным и должны верить. Они и являются фактическими данными. Эти материалы подписывал сам Ходжибаев.

Сурхан-Дарья имеет население...[1] душ по данным переписи 1926 г. Из них узбеков — 15 645 (71,8%) и таджиков — 38 340 (18,9%)[2], таким образом, Сурхан-Дарья населена в большинстве узбеками. Сами таджики живут в горных местностях, и эти местности населены только узбеками (вот данные, которые говорят сами за себя).

Эти данные никоим образом нельзя опорочить, и в этом вопросе т. Ходжибаев ничего ясно не доказал территориальной комиссии...

Вот мы проводим сейчас реконструкцию сельского хозяйства на 78%. Пятилетие охотно идет навстречу этому делу, и мы это делаем в масштабе не только Узбекистана и Таджикистана.

Сурхан-Дарью прикрепить к Таджикистану нет ни экономического основания и ни по национальности. Мы возражаем определеннейшим образом. Мы для себя этот вопрос считаем бесспорно правым, ясным и доказанным.

[1] В документе пропущено.
[2] Такие цифры приводятся в документе.

Вопрос о Бухаре и Самарканде. Тов. Ходжибаев вчера сказал, что при отказе в нашу пользу Нау, он не будет иметь претензий на Канибадам и от передачи Сурхан-Дарьи отказывается.

В отношении Бухары вопрос уже предрешен и не является для меня серьезным — этот вопрос так же ясно ставлю не только я, но и Обком.

Перепись 1926 г. является материалом общим, материалы подтвержден Союзными органами и ...эта перепись является персональной переписью. Приходят к вам на дом, и вы определенно говорите, что вы русский, узбек, таджик и внизу вы подтверждаете своей подписью. Вы грамотны и всегда увидите, кем вас записали.

Теперь хочу коснуться относительно своих полномочий. Скажите, пожалуйста, представителем ли Вы считаете себя. Вы и я в члены ЦК Узбекистана избраны недавно.

Ходжибаев: Секретарь ЦК заявил, что таких директив они Вам не давали.

Исламов: Я являюсь ответственным представителем от Узбекской республики, следовательно, вопрос о Самарканде и Бухаре решен.

Остановлюсь на вопросах о Кулябе и Курган-Тюбе, так называемом Курган-Тюбинском вилояте. Этот вопрос легче решить формальными документами, то я не требую присоединения его к нам.

В отношении Нау я только скажу, что декларативным путем Ходжентский Округ и вопрос с Нау выделен особо. Его надо решить с экономической точки зрения. Как и вопросы с Исфарой и Канибадамом, связанных с Кокандским Округом. Пока этот вопрос оставляем открытым и в будущем рассмотрим его особо. Мною все сказано.

Макеев (председатель):

Видимо, все слышали одну и другую сторону. У нас вчера был предварительный обмен мнений. Это для того, товарищи, чтобы узнав одну и другую позицию, сошлись бы в одном мнении, нашли бы общий язык, чтобы разрешить данный вопрос.

Но тут даже нет никакого признака того, чтобы подошли к этому вопросу для его разрешения, учитывая всё—и экономическую и политическую сторону этого дела. Здесь, конечно, касались и древней истории, но меньше

всего коснулись современного положения, чтобы скорее разрешить вопрос о выделении Таджикистана в самостоятельную союзную республику. Вот почему вы, члены партии, не должны были подходить субъективно к этому делу. Этого не должны вы были делать как полномочные представители республик. Ведь нам поручено его только окончательно разрешить, найти общую согласованность, учитывая все моменты, какие мы имеем на сегодняшний день. Вообще же говоря, вопрос о выделении Таджикской республики — вопрос не сегодняшнего дня. А у вас он упирается во столько сторон, что надо год технической проработки и затем только его ставить к нам на обсуждение. Но вопрос этот уже настолько подготовлен, чтобы на основании этих данных можно было его окончательно разрешить. Для этого есть партийные директивы... У тов. Ходжибаева развились такие аппетиты, о которых не было разговора и раньше. Я думаю, что мы сегодняшним днем до чего-нибудь договоримся, так как время не ждет, а люди все занятые и другие дела есть, и можно было добиться, что вопрос просто решили бы технически—разработать на основе учета мнений, материалов и политического момента.

Но мы видим, что этот вопрос придется решить арбитражным путем, несмотря на то, что мы имеем все данные, чтобы разрешить его той комиссией, которая имеется сейчас. Это ясно, кажется, всем. ...Я думаю, тов. Исламов, вам директивы не было, чтобы упираться на всех позициях.

Здесь коснулись истории о происхождении Бухары. Для чего нам эта история. И зачем нам нужен Тамерлан. Не нужно этого.

Нам надо решить, уделив максимум внимания тому моменту, который диктуют жизнь и партия в данное время.

Как видно, нам нужно собрать техническую комиссию с выделением туда экономиста и решить на основе всех материалов 26 г. и какие есть еще отмеченные в стенограмме. А на сегодняшний день мы... далеки от разрешения этого вопроса...

Мой вывод таков... .

Вопрос относительно Бухары. Да дело не в Бухаре, товарищи, это вопрос такой, что о нем и не надо говорить в данный момент, что она даст таджикам. Я думаю,

Бухара для таджиков не подходящий кусок, чтобы говорить сейчас о ней.

Председатель Комиссии по обследованию Бухары.

Нас послало Ср. Аз. Бюро ЦК ВКП(б) для обследования и изучения национального состава Бухары. Мы... работаем уже 2 месяца, остался еще месяц. И вот что я хочу сказать. Может это будет полезно Вам для разрешения этого вопроса. Через месяц получим мы весь материал. Мы сделали неполное обследование Бухары. Обследуем только Гиждуван и Паркент.

Тов. Исламов сказал, что мы никоим образом не уступим Бухару. Это совершенно неправильно. Почему? Потому что цифры, имеющиеся в нашей комиссии, ... доказывают, что большинство населения особенно в городе Бухаре и в окрестности ее кишлаков и многие места большинство составляют таджики.

...Бухарский Окружной комитет партии постановил, чтобы во всех кишлаках занятия велись на таджикском языке. Раз в школах работа ведется на таджикском языке, то ясно ребенку — там живут таджики, а не русские. Там никто не знает узбекского языка. Там все говорят и кричат на таджикском языке.

Вот мальчик бросает камень и кричит на чистом таджикском языке. Все бытовые условия, все моменты их работы доказывают, что большинство там таджики.

Теперь вопрос относительно того, что... материалы, которые нам представлены... имеют большое политическое значение. Почему все закрывают глаза, что... в Бухаре развиваются панисламизм и пантюркизм? Почему комиссия по определению границ оставляет Бухару за Узбекистаном, разве там все узбеки. Сейчас по обследованию установлено, что там большинство таджики, как в городе, так и в окружности.

Макеев: Мое предложение, чтобы завтра нам собраться и взяться за техническую разработку этого вопроса на основе всех материалов, которые имеются. Главный вопрос спорный — это Сурхан-Дарьинский округ.

Ходжибаев: Я думаю, что техническая комиссия в один день этого не выявит. Необходимо представить дополнительные материалы и затем собраться, но не ранее 30 июля.

Исламов: Я думаю, это условно приемлемо и для меня. Неправильно будет, если начнем сразу обсуждать.

Мне необходимо ознакомиться с целым рядом документов, которыми располагает Узбекистан и музей, чтобы представить более объективные данные... в подтверждение тех данных, с которыми мы выступаем. Необходимо достать материалы в Самарканде и здесь в музее. Больше материалов сконцентрировано здесь, в музее. И после всего этого, на основе добавочных материалов, мы приступим к работе.

Ходжибаев: Давайте 31-го.

Макеев: Давайте 31-го. Материалы, представленные таджикским представителем, пусть останутся здесь, в распоряжении технической комиссии. Необходимо чтобы и во время работы технической комиссии присутствовали представители республик, чтобы не было у них сомнений. В основу необходимо положить общую перепись 1926 года. Остальные имеют временный характер.

Ходжибаев: Мне кажется, поскольку представитель Таджикской республики возражает против материалов 1926 г. и делает ссылку на некоторые места, использованные в 1917 г. до национального размежевания, которым и руководствовались, мы считаем не имеют права опровергать цифры до нац. размежевания. Эти цифры являются наиболее объективными материалами и все они опубликованы ЦСУ Туркреспублики, комиссией под председательством тов. Зеленского.

Макеев: Тогда сделаем так. Представитель Таджикистана и Узбекистана с нашим экономистом должны сговориться, какие материалы желательно использовать.

Возражений нет за 31-е.

Нет. Принимается.

ЗАСЕДАНИЕ

Комиссии по размежеванию Таджикистана с Узбекистаном от 7-го августа 1929 г.

Макеев: Необходимо, товарищи, выделить такие вопросы, которые... Исполкомиссией ЦК ВКП(б) Узбекистана[1]. Например, по Ходжентскому Округу. Необходимо этот вопрос оставить и считать законченным.

Исламов: Мы имеем мелкие вопросы, которые должны быть решены при окончательном обсуждении вопроса о передаче Ходжентского округа Таджикистану. И об

[1] В протоколах заседания комиссии пропущены слова.

этих мелких вопросах мы нарочно не писали. Имеется постановление ЦК Узбекистана о передаче Ходжентского округа, но теперь этот вопрос отложен до окончательного разрешения мелких вопросов, до полного уточнения их.

Макеев: Каково положение вопроса о Ходжентском Округе?

Исламов: Принципиально вынесено постановление о передаче Ходжентского Округа таджикам. А все эти мелочи, которые возникнут, целесообразно будет разрешить при окончательном выделении Таджикистана.

Теперь остановимся на целесообразности этого вопроса. Думаю, лучше доклад т. Карпа зачитать, ознакомиться со всем материалом, прочесть его доводы и по ним вынести определенные предположения.

Ходжибаев: Мы вообще вопрос о Ходжентском округе считаем, ...как и Узбекский ЦК, что он закончен и доказательств не требует. Доказательством может служить сообщение 12-го июля этого года в Президиум ЦИК Союза. К этому вопросу можем возвратиться только в том случае, если Узбекский ЦК вынесет решение о том, что считает возможным внести некоторые изменения. Я считаю, что на вопросе о Ходжентском округе задерживаться не нужно и вокруг работы комиссии не развивать антагонизма. Мы считаем невозможным возвращение к пересмотру данного вопроса.

Исламов: Я прошу т. Макеев по... поводу слов т. Ходжибаева заявить следующее. Вы слышали, что т. Ходжибаев заявил, что он записан узбеком. Мы нашли анкету, где он записан таджиком, владеющим русским, узбекским и таджикским языками. Это есть демагогия и антагонизм.

Ходжибаев: Отвечу на вопрос об анкете. Он говорит неправильно. Мы эту анкету исправили, и не только я, но и многие. Я протестую против провокационного выступления тов. Исламова. Вы умышленно записали Самарканд узбекским. И это говорит о подлинной В/физиономии.

Макеев: Если мы будем заниматься личными пререканиями и личными делами, то оставим обсуждение вопроса. Такое отношение... недопустимо, переходить на личность там, где разрешается вопрос государственного значения.

Исламов: Мое мнение — надо идти по порядку вопросов. Поскольку мы поручили ознакомиться тов. Карпу, то необходимо его доклад зачесть и по нему вынести определенное решение.

Макеев: У нас имеются данные относительно Ходжентского округа о составе населения. Преобладающий состав — таджики. Здесь, мне кажется, нового никто не скажет... Значит, у вас относительно Ходжентского Округа, видимо, вопрос заключается только в том, что нужно выделить Нау. Если только в этом вопрос, то давайте прямо говорить, что оставлять его в рамках Ходжентского Округа или нет. А вы, что раньше говорили, за то стойте и сейчас.

Исламов: При решении Ходжентского вопроса вообще мы стояли все за выделение Ходжентского округа и присоединение его к Таджикистану. Вопрос о Ходжентском округе был спорным... и раньше, ведь не был присоединен Нау к Ташкенту, несмотря на то, что он экономически тяготеет к нему. Нау не выдвигался и таджиками. Нау экономически обособленный район.

По ирригационной целесообразности и рациональному признаку теперь Нау присоединен к Ташкенту. Все эти мелочи всегда, однако, решают пограничный вопрос, мелочи всегда требуют уточнений.

Если Нау находился между Ура-Тюбе и Ходжентом, то можно было разрешить вопрос путем выделения его в самостоятельный округ, но если решить путем целесообразности, то мы не возражаем на оставление Нау в составе Ходжентского округа.

Тов. Карп пишет по вопросу о Канибадаме, что по нашему заявлению, исходя из национальных соображений, он подлежит удовлетворению. Но он только исходит из национальных соображений. А по ирригационному вопросу он создает Паритетную Комиссию. Необходимо исходить с точки зрения целесообразности. И из этого надо исходить и решать в отношении Нау и уточнить границы в Канибадамском районе. Мы не ставим только национальный вопрос, мы не указываем только на один путь разрешения данного вопроса. Необходимо уточнить и увязать все данные.

Макеев: Здесь вот как обстоит дело. Вы коммунист. В отношении районов, заселенных исключительно таджиками, вопрос решается самим народом. Они требуют.

Это большинство высказало свое желание. Они желают остаться в рамках Ходжентского округа.

Исламов: В Канибадамском районе 59% таджиков и 39% узбеков, так что по национальному вопросу нельзя сказать, что там только таджики. Если отбросить городское население, то, конечно, картина меняется.

Макеев: У меня такие данные имеются: 93% таджиков по Канибадаму и 99% по Исфаре, если узбеки не беспокоятся, то почему вы беспокоитесь, это неправильно, этим правом они должны воспользоваться, т. к. оно принадлежит им..., и кто куда тяготеет, вопрос решим. Только в отношении Нау нужно говорить, ибо Нау узбекская часть целиком, и только об этом мы ставим вопрос, а там где преобладающее население таджикское, нужно считать вопрос решенным.

Исламов: Тов. Макеев, вы должны исходить из целесообразности дел по Канибадаму. Вы же исходите из национальности, то и по Нау надо исходить по национальности, а мы исходим из целесообразности экономики, ирригации и других моментов, надо подойти таким образом, все таджикские части — таджикам и все узбекские части — Узбекистану.

Макеев: Я все-таки хочу уточнить. Вообще у нас имеется постановление Исполбюро ЦК о том, что Ходжентский округ выделяется и передается Таджикистану.

Если бы... учитывалось тяготение населения по экономике, то Канибадам и Исфара тяготеют к Коканду, и если учесть и выделить чисто узбекское население и передать Ташкенту, то что останется у Ходжентского округа.

Ходжибаев: Пусть т. Исламов ответит. Почему Исфара и Канибадам, если они экономически тяготеют к Коканду, были выделены в Ходжентский округ, какие были мотивы?

Вы помните, в 1924 году, когда комиссия Ср. Аз. Бюро во главе с тов. Рахимовым и Файзуллой Ходжаевым проезжали из Коканда, то... все население Исфары и Канибадама свыше 60 тыс. чел. остановили на вокзале поезд и требовали выделения их из состава Кокандского округа, т. к. экономически и по национальному составу они не имеют к этому району тяготения.

Морозов: В 1924 г. этот вопрос был принципиально решен и необходимо было создать из Ходжента нацио-

нальный округ таджиков. Эти два района — Канибадам и Исфара — были выделены исключительно по национальному признаку в ущерб экономическому. Но здесь встал водный вопрос, который может быть урегулирован Паритетной Комиссией.

Макеев: Я дам несколько понятий в отношении ирригационной сети. Если ирригационная система в силу того или иного обстоятельства оказывается между республиками, на этих системах обыкновенно устанавливается Паритетная Комиссия или же она выделяется как межнациональная система и регулируется одним управлением, и это препятствие никогда не может служить препятствием к разрешению наших задач.

Ходжибаев: Я еще раз возвращаюсь к прежде сказанному. Мы имеем постановление ЦК Узбекистана. ЦК Узбекистана исходил из экономической и национальной целесообразности. Нам не нужно возвращаться к нему, мы должны остановиться на уже принятых решениях и я, как представитель Обкомиссии, должен выступать по определенному конкретному постановлению Узбекского ЦК. Вопрос о Ходженте давно решен и это наша территория. Что же касается водного вопроса? Межнациональных систем сколько угодно. В Киргизии и Фергане межнациональных систем 20. У Таджикистана с Туркменией имеются такие системы. Имеются и в Зеравшане и в Сурхан-Дарье. Вот почему этот мотив заново вынут, что и создает национальные требования...

Исфара и Канибадам чисто садоводческие хозяйства, население еще в 1924 г. стало требовать присоединения к Ходжентскому Округу, они остановили поезд... с комиссией. Это говорит о том, что Узбекское ЦК правильно разрешило присоединить Ходжентский округ к Таджикистану, исправив свою ошибку.

Мухитдинов: При организации Ходжентского округа представитель Таджикистана не участвовал и не имел основания участвовать как представитель от Таджикской АССР. Этот округ организовали узбекские партийные органы. При организации этой территории как советские, так и партийные организации исходили из политической и национальной целесообразности. В отношении Нау исходили из экономической целесообразности и отчасти политической, национальной..., только там находились таджики. Теперь при выделении этого округа изменить все это, т. е., чем руководствовались узбекские партийные организации, конечно, нет основания. Если тогда были уважительные причины, а сейчас тем более. И поэтому считаю, что Ходжентский округ необходимо присоединить к Таджикистану в существующей его границе.

Ходжибаев: Вот я достал газету, где в речи тов. Ахунбабаева говорится (читает газету). А теперь что же вы хотите? Хотите пойти к народу и сказать, что мы не имеем права, когда сам народ этого хочет.

Макеев: По этому вопросу необходимо закончить. Как видно из обмена мнениями, нужно базироваться на постановлении ЦК Узбекистана. Нужно согласиться с тем, что Ходжентский округ выделяется и присоединяется к Таджикскому при существующих границах.

Ходжибаев: Нам просто надо сказать, что мы подтверждаем решение ЦК Узбекистана.

Макеев: Подтверждать мы не можем, а просто должны иметь в виду решение ЦК Узбекской ССР.

Исламов: Тогда формирую свое возражение и письменно доложу всем об этом.

Макеев: Нужно записать, что мы принципиально с таким решением согласны и оставить за собой право в смысле уточнений некоторых районов.

Следующий вопрос, если идти по порядку, это претензии таджиков на Самарканд.

Ходжибаев: Мы представляли свои требования еще к 1-го января 1929 г., и... здесь в комиссии начали свою работу с обсуждения узбекских претензий, мне кажется, что необходимо обсудить все наши требования, а не только узбеков.

Макеев: Дальше вопрос о Сурхан-Дарье. По данной переписи население этого округа, конечно, в большинстве узбеки. Но здесь надо ставить вопрос не в зависимости от национальности, а нужно ставить в плоскости целесообразности, как говорит Исламов. И давайте с этой точки зрения этот вопрос рассматривать...

Учитывая все особенности этого округа, ...его экономическое тяготение, ...термезский пункт, как узловой первоначальный пункт, я предлагаю остановиться на том, чтобы Сурхан-Дарьинский округ разделить по реке Сурхан-Дарья с гор. Термезом и выделить Таджикистану. Об этом мы уже говорили порядочно и теперь все дан-

ные, которые были рассмотрены нами вместе с экономистом тов. Карп, именно это подтверждают. Подтверждают, что экономическая база Термез тяготеет к Душанбе, и это мнение осталось и до настоящего времени.

Исламов: Я все время говорю, что нужно с точки зрения целесообразности решать. Тов. Карп в своем заключении ссылается на исторические данные, это неправильно. Наша задача в деле размежевания решить вопрос с менее национальной стороны. Необходимо исходить из данного положения страны, из современного состояния, но не отнюдь не из исторических данных.

Тов. Карп говорит, что в Средней Азии... ранее происходило движение различных народов. Мы этого не отрицаем. Но зачем нам история за 500 и 1000 лет. Изучение истории вещь хорошая, не отрицаю, но повторяю, что она не... даст нам тех данных, из которых надо исходить для разрешения нашего вопроса. Материалы тов. Ниссар Мухамедова не апробированы и, следовательно, не могут лечь в основу работы.

Нам необходимо базироваться на переписи 1926 г., которая совпадает с материалами обследования Ср. АзиатЭкосо в 1920 г. Вот исходя из этого, из современного состояния страны, надо решить этот вопрос.

Тов. Карп говорит, что г. Термез является культурной базой, едва ли г. Термез оторван от Таджикистана высокими горами. Железная дорога проходит по территории Узбекистана, вернее, г. Термез является экономической базой других районов, а желез. дор. управляют НКПС, а не таджики.

Исходя из следующих данных:

Сары-Ассия — 60,8% узб., 37,1% — таджики,
Байсун 62,6% узб., 37,7% таджики,
Денау — 89,9% узб., ...[1] таджики,
Мирабад — 82,6% узб., 92% таджики,
Патти Гиссар — 50% узб., 6,6% таджики

считаем, что претензии таджиков ни на чем не основаны, и оставить г. Термез в составе Узбекистана.

Ходжибаев: Наши требования заключаются в следующем:

К нам надо присоединить Денау, который, бесспорно, наш, узбеков там всего 26%, по Сары-Ассии узб.— 31,8% (это материалы до размежевания). Вообще материалы

[1] Количество таджиков не указано.

последних лет мы считаем совершенно не подлежащими обсуждению, в том числе и перепись 1926 г. как явно ошибочную.

По Сары-Ассии... национальный состав следующий: узбеков — 31,1%, таджиков — 63,2%, тюрков — 3,4%, арабов — 0,4%, туркменов — 0,3% и пр. нац.— 0,9%.

Таким образом, по Сары-Ассии большинство населения таджики (63,2%). Следующий район, который мы требуем, это Байсун: имеем национальный состав: узбеков — 3,3%, таджиков — 67,6%, кипчаков — 3,1%. Денау: узбеков — 35,3%, таджиков—54,2%, туркменов-монгол — 8,3%, арабов — 1,6% и проч.— 0,6%.

Таким образом, из этих материалов видно, что большинство в этих районах таджики.

И 4-й район — это, бесспорно, Патти-Гиссарский район. Термезский район: узбеки примерно 1/3; таджикское население незначительно. Но в силу того, что район Патти-Гиссар является торговым пунктом Таджикистана, мы считаем, что он должен быть бесспорно присоединен к нам, в силу того, что большие районы, населенные таджиками, остаются внутри Узбекистана, то и Термез с русским населением может оставаться в Таджикистане.

Байсун, Сары-Ассия и Денау экономически таготеют к Душанбе, и в силу этого и по ирригации они должны быть присоединены к нам. Теперь перейду к вопросу о существе переписи 1926 г. В районе Денау селение Пата-Шак по этим материалам числится узбекским, на самом деле там таджики; в селении Шум тоже записаны узбеки, в селении Бабайган также записаны узбеки. Из этого видно, что, примерно, 60% таджиков записаны узбеками. По Самарканду в переписи 1926 г. записано узбеками 43 306 хозяйств, а таджикских — 9 616. В то же время перепись 1915 года говорит, что по Самарканду 59.901 составляют таджики, и перепись 1917 г.— есть только 3 301 (таджик.— *Р. М.*), как видно, целиком таджикское население записано узбеками.

По Бухаре также записаны узбеками. Из этого видно, что перепись 1926 г. явно неправильна.

Мы считаем, что только материалы до национального размежевания объяснительными. И этими материалами руководствовалось Ср. Аз. Бюро ЦК ВКП(б) и они дадут возможность правильно разрешить спорные вопросы Узбекистана и Таджикистана.

Макеев: Вы, узбеки, не учитываете положения, что им для выделения ТАССР в самостоятельную республику необходимо подвести соответствующую экономическую базу. Этой стороной вы должны быть заинтересованы наравне с другими сторонами, что диктует передачу Сурхан-Дарьинского округа таджикам. Если мы будем учитывать по населению, то, конечно, это не выйдет в пользу таджиков. Но нужно учесть и ту экономическую базу, которая необходима для таджиков.

Исламов: Данные 24 года, которыми оперирует тов. Ходжибаев, являются историческими данными. Они не должны приниматься при разрешении данного вопроса. Материалы же 1926 г. совпадают с материалами обследования Ср. АзЭКОСО.

Вот пример:

Байсун — у них 58,5% узб., 41,5% таджиков,

и у нас 62,2% узб., 37% таджиков.

Мы здесь уточним.

Сары-Ассия: у них — 67% узб., а у нас 60,8%, мы здесь также уточним.

По Ширабаду — 75,6%, и у нас — 84,7% узб., здесь маленькая ошибка.

Теперь мне не понятны требования представителя Таджикистана, раньше они требовали часть Денау, теперь целиком. Нет у них твердости своих претензий.

Шакиров: Я работаю в Сурхан-Дарье. Вопрос о том, что некоторые районы будут присоединены к Таджикистану, уже известно давно. Мы думаем, что этот вопрос будет разрешаться в партийном порядке и по политическим соображениям. И поэтому работники Сурхан-Дарьи в этом вопросе были спокойны, я прошу т. Макеева и тов. Ходжибаева сказать, как вы подходите к разрешению данного вопроса, с точки зрения политической или других моментов. Материалы таджиков не обоснованы.

Я работаю в Сурхан-Дарье 2 года, и никогда никаких материалов в отношении Сурхан-Дарьи не видел за время эмигранства бывш. Восточной Бухары или до национального размежевания. Необходимо руководствоваться материалами последних лет.

Теперь относительно состояния Сурхан-Дарьи. Откуда они взяли, что там только 19% узбеков. Там 33% сельсоветов узбекских и остальные — таджики — это по Денаускому району. Необходимо обратить на их необоснованное заявление особое внимание. Надо проверить их цифры. Такого положения в Денауском районе не имеется и это взято с потолка. Сейчас я руковожу там 35 сельсоветами и только 5 сельсоветов таджикские...

Необходимо решать вопрос с политической точки зрения, и это будет здоровая и правильная постановка вопроса.

О том, что Байсун тяготеет к Таджикистану, также не обоснованное заявление. Байсун от Денау в 90 верстах. Байсун тяготеет к Гузару (40 верст).

В отношении Денау, то я не видел, чтобы их дехкане ехали за чем в Таджикистан и покупали и продавали там. Это все неправильно. Это тоже взято с потолка.

Тов. Ходжибаев говорит о Денау, Сары-Ассии, Байсуне, Патта-Гиссаре, и затем только о жел. дор. полосе. А где Джар-Курган, этот район в С. Дарье большой, почему он скрывает это, этот район находится в жел. дор. полосе между Денау и Патта-Гиссаром, а он об этом ничего не говорит. Ничего не говорит и т. Карп.

Копия.

Перевод из газеты «Авози-таджик» от 20-го дек. с. г. № 74.

«КАК ОБМАНЫВАЮТ ТАДЖИКОВ»

Во время моего путешествия по Бухаре, мне пришлось столкнуться с таким случаем, умолчать о котором я не могу, и даже больше того, я считал бы себя ответственным перед человечеством и коммунистической партией, если бы скрыл его.

Однажды, когда я пил чай в чайхане, несколько человек из учеников средней школы вошли в нее и тоже принялись пить чай. Когда они увидели в моих руках газету «Авози таджик», они очень удивились, что в Узбекистане есть таджикская газета. Что это значит? После того, как они прочли несколько известий, они сказали друг другу: «Вот теперь мы кое-что поняли в этой газете».

Так как они все между собой разговаривали на таджикском языке, мне стало ясно, что они... таджики, но, чтобы проверить, я спросил: «Вы таджики или узбеки?». Они отвечали: «Мы сами — таджики и даже ни одного узбекского слова не понимаем. Вот уже прошел год, как

мы учимся в средней школе и до сих пор не можем выучить узбекский язык, вследствие чего мы почти ничего не понимаем на уроках. Но учителя наши, которые учились в Турции, говорят, что Вы узбеки и каждому следует считать себя узбеком, т. к. мы живем в Узбекистане. Если Вы будете называть себя таджиками, вас тотчас же выселят в Душанбе». После того, как они поняли из моих рассказов, что все это ложь и узнали, что в Самарканде, который является центром Узбекской республики, таджики учатся в своих школах на родном языке и печатается таджикская газета, а также согласно законам соввласти и программы коммунистической партии (всякая нация имеет право говорить и учиться на своем родном языке), они порешили подать заявление в Бухарское ОНО о переводе занятий с узбекского на таджикский язык.

Они говорили, что в средней школе из числа обучающихся 95% таджиков и всего лишь 5% узбеков.

Где же справедливость?

Какими правилами и законами руководствуются те лица, которые заставляют детей, родным языком которых является таджикский, которые говорят на этом языке со своими родными в семьях и даже жителями кишлака и окрестных местностей и ни одного узбекского слова не знают, учиться на узбекском языке, которого они даже во сне не видели.

Какую цель преследуют учителя, которые такой ложью и обманом пугают учеников и заставляют их выдавать себя за узбеков и учить уроки на чуждом и незнакомом языке. У меня создалось впечатление, что узбекский язык для таджиков то же, что и французский для русских. Доказательством этого служит то обстоятельство, что когда я спросил одного из учеников: «Ты знаешь, что такое «каш» (по-узбекски)», он ответил, что не знает. Тогда я показал на свой глаз, он ответил, что по-нашему это будет «арбу» (абру) и «миже» (по-таджикски).

Почему же те лица, которые считают, что живущие в Узбекистане должны принять узбекский язык, забывают о русских, армянах, евреях и других народностях, проживающих на той же территории.

Если в Узбекистане существует закон о принудительном обучении на узбекском языке, то почему же

этот закон распространяется только на таджиков. Есть ли среди русских, армян, евреев, поляков и других народностей, хоть один человек, который называет себя узбеком и бросит свой родной язык и будет говорить по-узбекски.

Из этого следует, что туркофилы хотят воспользоваться невежеством таджиков. Но пусть туркофилы узнают, что прошло их время. Теперь таджики пробудились и знают свои права, и не сегодня завтра бухарские таджики громко вскрикнут: «Мы таджики и должны учиться на своем языке».

Пусть те, которые агитируют эти вопросы узнают, что такими мерами и нелогическими попытками достичь цели нельзя. Великий народ, численностью в 2 милл., уже живущий около 3—4 тыс. лет в Туране и имеющий огромную литературу и тысячи памятников искусства, не может быть уничтожен.

Будем надеяться, что благодаря справедливым мероприятиям Таджикской комиссии и Совнацмена будет положен конец подобным делам.

Рустан.

ПЕРЕВОД ИЗВЕЩЕНИЕ

20-го октября 1926 г. в кишлаке Ак-Мечеть Махалинской волости был случай, о котором я, учитель школы Ак-Мечеть, Саъади Максуд-зоде настоящим сообщаю Предсовнацмена тов. Ниссар Мухамедову.

26-го октября 1926 г. в кишлае Ак-Мечеть были перевыборы волостного совета. До начала указанного собрания секретарю, который является одновременно и заведующим библиотекой, было поручено зарегистрировать всех делегатов. Во время регистрации многие называли себя таджиками и так их записывали — записывал секретарь. В это время некто по имени Атауллаев пришел и увидел, что многие записаны таджиками, он спросил у секретаря, который является татарином, по-узбекски «Почему записываешь таджики?». В Махалинской волости таджиков вовсе нет, все узбеки. Я сказал, что т. к. я таджик, как же я могу записывать себя узбеком. Он мне ответил: «Вы один таджик, кроме Вас таджиков нет».

Тогда одни стали говорить другим: «Не говорили ли

мы, что не называй себя таджиком. Мы говорили правильно, те люди, которые ранее записывали себя таджиками, раскаивались в том». После ухода Атауллаева некоторые называвшие себя таджиками были записаны секретарем как узбеки. Я спросил секретаря: «Почему Вы записываете тех, которые называли себя таджиками,— узбеками?». Секретарь мне ответил: «Что я могу сделать. Приказ таков». Я на это ничего не ответил.

В действительности положение таково, что все население Ак-Мечети таджики и прибывшие из кишлаков (делегаты) также таджики. Атауллаев является членом партии и работником местного кооператива. Следовало бы члену партии быть знакомым со взглядами на национальный вопрос.

Этот случай, кроме меня, могут подтвердить и другие свидетели, они, конечно, не побоятся.

Что касается населения того места, то принадлежность его к таджикам яснее солнечного света (вне всякого сомнения).

Все это сообщаю Вам для того, чтобы таджики при Советской власти не были бы угнетены. (Саъади Максуд-зоде).

Прошу, чтобы этот человек не узнал о том, кто представил указанные сведения, т. к., конечно, его боюсь.

Свидетель Насим Салими

27/X-26 г.

ДРУГОЙ СЛУЧАЙ

В этой волости имеется доктор, который живет напротив школы, в которой начались занятия с 1-го октября, т. к. все учащиеся указанной школы — таджики, занятия там ведутся на таджикском языке. Как-то доктор пришел в школу и сказал: «Здесь Узбекистан, почему вы ведете преподавание на таджикском языке», и стал с ним ругаться и вымотал всю душу.

Я сам, когда к нему приходил на осмотр, во время записи называл себя таджиком, он записывал узбеком. Детям же говорил: «Не учитесь по-таджикски, здесь Узбекистан, учитесь по-узбекски».

Мы говорили, что каждая нация и язык ее свободны,

и только обучение на родном языке ведет к скорейшему достижению социализма. Он сказал: «Разве может быть Узбекистан разделен на 3 части». Мы сказали: «Почему вы не учитесь на узбекском языке и во всех школах ведутся занятия по-русски». Он сказал: «Мы временны. Как пришли, так и уйдем».

Следовало бы доктору также быть знакомым с политикой, а не быть настолько темным.

Саъади Максуд-зоде

свидетели: *Насим Салими,* служащий доктор *Федоров.*

27/X-26 г.

Перевод заявления жителей кишлака Камаши, Кашка-Дарьинской области, поступившего через Иранскую Комсекцию в Бухаре.

Мы подаем заявление в следующем: мы, жители Камши, составляем около 300 домов иранцев, говорящих на персидском (таджикском) языке и около 500 домов арабов также говорящих на персидском (таджикском) языке. В прежние времена, так как в Бухаре государственным языком был персидский (таджикский) язык, мы были осведомлены обо всех делах нашего государства. После же революции государственным языком Бухары стал узбекский, и мы очутились в полной неизвестности о происходящих изменениях, так как мы не имели возможности пользоваться газетами и другими печатными органами. До образования Узбекской республики никто не делал попыток организовать для нас школы и проводить просветительную работу. Мы же хотели получить образование. Теперь для нас хотят открыть узбекские школы и послали узбекского преподавателя. Но так как все население состоит из иранцев и арабов (никто не знает узбекского языка), а дети наши также не могут пользоваться узбекским языком. Но нас заставляют против нашей воли учиться узбекскому языку. А потому просим представителя Иранской Комсекции открыть для нас персидские (таджикские) школы и принять меры к тому, чтобы мы могли пользоваться газетами на персидском языке (таджикском), так как они хотят нас учить этим узбекским языком и мы даром тратим время. Просим освободить нас от этого и организовать в нашем кишлаке школы с преподавателями на персидском (тад-

жикском яз., а также оказать населению помощь в деле просвещения, 3 подписи). Это подписи делегации, через которых мы посылаем заявление, чтобы Вы разрешили этот вопрос, а мы стали бы радостными, так как все население нашего кишлака крестьяне и пастухи, и мы совершенно не пользуемся просвещением. Услышьте крик о помощи.

Следует 30 подписей. Верно. Секретарь СНМ.
Перевод статьи из газеты «Авози таджик»
от 20-го июня 1926 г. за № 88.

НАМ НЕОБХОДИМО САМИМ ПЕРЕД СОБОЙ ОТЧИТАТЬСЯ

Мы, таджики Узбекистана, видим, что дела наши, хотя по некоторым причинам и не прогрессируют, но все же в некоторых отношениях имеют достижения: так год тому назад таджики стеснялись признать себя таджиками, а теперь гордятся своей национальностью.

Хотя по численности населения мы, таджики, превышаем в 4 раза Люксембургскую республику, но не имели на родном языке ни одной газеты. Теперь же мы имеем два-три периодических издания. В настоящее время имеем Инпрос, учреждения Профобра (где учатся несколько сотен студентов), начальные школы, 15 учебников, курсы переподготовки и подготовки учителей, автономные районы, партийные и комсомольские ячейки. Представители дехканского населения принимают участие в работах областных советов.

Рабоче-крестьянское правительство, освободившись от внутренних беспорядков, внесло много постановлений на больших партийных и советских собраниях в отношении улучшения хозяйства, принимает меры к расширению работы среди остальных национальностей и старается в деле освобождения остальных рабочих и дехкан в кишлаках, районах и городах.

Но мы, таджики, хотя и имеем кое-какие достижения, но, с другой стороны, имеем и много недостатков: сравнивая большое количество узбекских газет, мы видим, что имеем только 1 газету. Эта газета, выходя 1 раз в неделю, на некоторое время прекратила свое существование, а потом снова стала выходить в свет, но на каждом шагу сталкивается с национальными препятствиями.

Теперь перейдем к вопросу об Инпросе. В период занятий положение Инпроса стало известно через нашу газету. Крик учащихся о недостатках Инпроса достигал неба, и от этого плохого положения два ученика заболели разными болезнями и в конце концов умерли. О тех беспокойствах, которые мы встречаем в школах профобразования, не будем говорить, т. к. об этом писалось, чтобы не случилось того, что было в прежние годы. Мы видим, что Инпрос не имеет директора, а тех лиц, которые работают в Инпросе, бывает невозможно найти.

Многие ученики в каникулярное время не могут найти службу в разных учреждениях, т. к. они таджики, и, чтобы найти службу, выдают себя за узбеков и вынуждены стараться, чтобы не было известно, что они таджики, и начинают разговаривать по-узбекски. В начальных школах таджики начинают разговаривать по-узбекски. В начальных школах, т. к. ОНО не дает официального ответа на разрешение преподавания на таджикском яз., преподаватели вынуждены продолжать вести преподавание на родном языке без разрешения, и в результате, когда областные инструктора обследуют школу, увидев это, увольняют таджикских учителей с мест, что известно некоторым учреждениям.

Относительно таджикских книг: для бедняцкого населения УЗГИЗ-ом издано две книги, стоимость одной из них 3 р., что слишком дорого для того, чтобы бедные жители имели возможность приобрести её и пользоваться ею. Если сравнить 150 разных учебников на узбекском языке: надо чтобы было хотя бы 30 учебников для таджиков. Жаль, что мы этого не понимаем.

Курсы переподготовки, несмотря на препятствия, оказываемые местным отделом образования, продолжают существовать. В автономных районах между населением всегда бывают трения. Ответственные работники считают себя мудрыми и в газетах участия не принимают, а только вертятся среди 3136 ч. населения «Кошчи».

По диаграмме ЦИКа в кишлаках по перевыборке после узбеков первое место занимают таджики, но что среди них делается, какое руководство оказывается и получают ли они газеты, нам неизвестно.

Комсекции по заветам Ленина работают в кишлаках

день и ночь. Есть поговорка, перешедшая к нам от наших предков, которая гласит, что «сразу невозможно подняться на крышу»,— это правильно. По опыту мы видим, что такие дела и препятствия таких нижеуказанных организаций, как нацмен, не имеют сил охватить и, с одной стороны, какой бы национальности не было лицо, стоящее во главе управления, оно защищает интересы своей национальности, а с другой стороны, те учреждения, которые руководят нацменом, за неимением достаточных штатов не успевают разрешать дела 1 мил. разных нацмен из $3^1/_2$ мил. населения Узбекистана. Чтобы ликвидировать все эти недостатки, нужно организовать такой орган, который мог бы, как существовало при Туркреспублике, где для каждой нации были отдельные отделы, узбекский, киргизский и пр. (если не ошибаюсь, представителем узбек. отд. был Касым Ходжаев). Эти отделы, которые ликвидировали недостатки нацмен, были организованы при ЦИКе. Предусматривая такие мероприятия, считаем возможным продвижение таджикских дехкан и рабочих по дороге социализма.

Перевел Предсовнацмена НКП (Ниссар Мухамедов).

5 Самаркандское
Туземное училище
1 ст. 7/I-26 г.

Копия
перевод

СПРАВКА

Предсовнацмена Узнаркомпроса

По моему мнению, наша школа является в основе своей таджикской, т. к. большинство учащихся таджики и только 10% учащихся считает себя узбеками, но в действительности и эти 10% не знают узбекского яз. Приняв во внимание вышеуказанное, я официально обратился в ОблОНО с просьбой разрешить вести преподавание на тадж. яз. ОблОНО на наш запрос ничего не ответил. Тогда, не желая высказывать несправедливость по отношению к учащимся, мы начали вести занятия на родном яз., для каковой цели получили от Таджикской научной комиссии 100 шт. букварей для распределения таковых между учащимися. Но зав. Содвоса ОблОНО т. Абдужабар Нарзыкулов запротестовал и запретил нам

продолжать занятия на тадж. яз. и угрожал нам в случае распространения букварей и ведения занятий на родном яз. привлечь к ответственности.

О всем вышеизложенном довожу до Вашего сведения.
Зав. школой № 3 *Джелаллудин-заде*
копия верна *Секретарь.*

ЦК ПАРТИИ
ОТДЕЛУ НАЦМЕН

От жителей кишлака Аргуна Кермининского р., говорящих на таджикском языке 8/I-26 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мы, бедняки и крестьяне, жители Аргуна вступили в работу для Соввласти. С 1920 г. по 1924 г. добросовестно работали. Но в конце концов в 24 году начали постепенно одного за другим увольнять наших работников со службы, потому что мы являлись нацменами. Если же мы обращались в какие-либо учреждения с просьбой принять на службу, на нас, угнетенных, не обращали внимания.

В Кермининском В. советские работники с нами, крестьянами и рабочими нацменами, совсем не считаются, и из наших бедняков и рабочих нет ни одного члена какого-либо правления, также и о перевыборах Советов нам не сообщают, так что мы, угнетенное население Кермининского у., лишены избирательных прав. Сегодня мы узнали, что в центре Узбекистана имеется учреждение Совнацмен, защищающее интересы национальных меньшинств. Просим ЦК партии и Совнацмен принять меры к тому, чтобы наши представители были взяты во все учреждения Кермининского уезда. Просим дополнительного ходатайства и перед центральной властью, чтобы на нашу просьбу обратили внимание:

Жители кишлака Аргуна 72 подписи в е р н о.

Перевод статьи, поступившей в редакцию газеты «Авози таджик», которую последняя не сочла целесообразным напечатать.

В № 75 газ. «Авози таджик» была помещена статья т. Рустан под заглавием «Как обманывают тад-

жиков». Товарищ вполне справедливо обратил внимание на этот факт и говорит правду.

До появления той статьи мы думали, что жители Бухары — таджики, согласно лозунгу Коммунистической партии, «что каждая нация обучается на своем родном языке», нуждаются в школах и преподавании на их национальном языке. Но из этой статьи... нам стало известно, что, к несчастью, до сих пор для бедняков не имеется школ с преподавателями на родном языке. Это очень удивительно. Если это так, то как же быть с лозунгом коммунистической партии. Как заставить детей, которые с детства говорят на таджикском языке и не знают ни одного узбекского слова, изучать последний, т. е. узбекский язык.

Так как я сам видел своими глазами случай, касающийся их языка, хочу о нем рассказать. Во время пребывания в Бухаре мне пришлось столкнуться с некоторыми товарищами, с которыми я ...имел беседу. Вдруг взгляд одного из сидящих упал на полку, на которой лежали две книги. Он встал, взял книги, положил их перед нами и предложил кому-нибудь прочесть выразительно что-нибудь. Один из нашей кампании взял одну из книг и начал читать рассказ. Как он ни старался, ни одного слова прочесть не мог и читал с ошибками и без всякого выражения. Нельзя было понять, читает ли он прозу или стих. Я спросил, какая это книга. Он ответил, что это книга Навои. На мой вопрос, почему он так читает, он ответил, что он житель Бухары, а всем известно, что жители Бухары не знают узбекского языка. Положив эту книгу, он взял другую. Когда он её открыл, я заметил, что он улыбается. Я спросил, что он увидел интересного в книге, что улыбается. Он ответил: «Вы критиковали мое неправильное чтение. Посмотрите, как я теперь буду читать... книгу Саади Ширази, т. е. фарсидскую книгу». Он начал читать,.. ясно и без ошибок. Вот доказательство того, что они не знают узбекского языка. Нужно открыть глаза и выполнить лозунг Компартии. Если они будут учиться на узбекском языке и изучать этот язык, смогут ли они пользоваться газетами на этом языке, воспринимать культуру узбекского народа и просвещение. Надо выполнить лозунг Коммунистической партии, чтобы преподавание в школах велось на родном языке..., чтобы бедные таджики были ближе к просвещению и знали законы и правила пролетарского государства.

Ростгоҳ. Верно. Секретарь

Зав. ОблОНО.

Керменский уз. Инспектор
Зеравшанского ОблОНО

5/VII-26 г.
№ 163.

УИНО на Ваш № 725 по вопросу об организации таджикских школ в кишлаке Аргун отвечает, что в кишлаке Аргун все население — узбеки, и нет ни одного человека, говорящего на таджикском языке, поэтому если Вы хотите писать вторично, то говорите об организации узбекских школ, а не таджикских.

Зав. Кермининской Инспекцией (Османи)
верно. Секретарь СНМ Григорьева.

перевод Н. К. П. УЗБЕКИСТАНА, СОВНАЦМЕНУ.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мы, жители кишлака Камаши Кашка-Дарьинской области, бедняки и дехкане, и всех нас таджиков и фарсов около 500 домов, но школы не имеем. Волисполком (волостной исполком.— *Р. М.*) хочет открыть у нас школы с преподаванием на тюркском языке, но так как мы все говорили на персидском (тадж.) языке, а по приказам Коммунистической партии каждый народ имеет право свободно говорить на своем родном языке, просим Совнацмен открыть в нашем кишлаке таджикскую школу и решить этот вопрос скорее.

Следует 15 подписей.

1925 г. верно: Секретарь СНМ Григорьева верно.

Копия.

СТАТЬЯ тов. Мухитдинова.

из журнала «ЗА ПАРТИЮ» № 9(13) за сентябрь 1928 г.

«ТАДЖИКИ ИЛИ УЗБЕКИ НАСЕЛЯЮТ ГОРОД БУХАРУ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ»

(в порядке обсуждения)

I.

После нацразмежевания республик Средней Азии вопрос о том, таджики или узбеки населяют г. Бухару и его окрестности постепенно приобретает все большее значение, в будущем этот вопрос станет одним из важнейших в национальной политике в Средней Азии, и партия и Советская власть вынуждены будут со всей серьезностью им заняться, так как то положение, какое имеется в настоящее время, безусловно, является противоестественным. Мы здесь хотим вкратце разъяснить как настоящее состояние этого вопроса, так и рассмотреть его с исторической точки зрения.

Со времени захвата арабами Бухары прошло приблизительно 13 веков, и с этого момента мы можем проследить историю вопроса непрерывно по письменным источникам.

Все исторические документы свидетельствуют, что во время завоевания Бухары арабами, Бухару населяли предки современных таджиков — согдийцы.

Первый и старейший из имеющихся у нас исторических документов, относительно завоеваний Бухары арабами, книга Наршахи (332 г. хиджры, т. е. около 1015 лет тому назад).

Наршахи говорит:

«Кутейба, сын Муслима, построил соборную мечеть внутри Бухарской крепости в 94 г. хиджры на месте капища и приказал бухарскому народу, чтобы они собирались там каждую пятницу и чтобы каждому глашатай объявлял, что каждый, кто появится в Бухару в пятницу к намазу, получит 2 драхмы. И люди Бухары в первые годы ислама во время намаза читали

Коран по-персидски и не могли выучиться читать его по-арабски, и когда приходило время поясного поклона, человек сзади них кричал по-таджикски: «Наклоняйтесь», а когда нужно было класть земной поклон кричал: «Кланяйтесь, кланяйтесь».

Но Бухара и ее окрестности не только является районом, население которого говорит по-таджикски, этот город также был первым историческим центром всей имеющейся уже более тысячелетнюю давность современной литературы на персидском языке.

Известно, что во время арабского завоевания арабами были сожжены все книги, написанные на персидском языке. Теперь в наших руках не осталось ни одной книги на персидском языке со времени пердшествовавшего исламу.

После арабского нашествия в Мавераннахре и Туркестане первым сильным государством, основанным таджиками и персами, было государство, управляющееся домом Саманидов (260 г. хиджры) в Бухаре. Во время царствования этой династии в Бухаре начала развиваться персидская литература и начало эпохи Рудаки [Рудаки], Фардауси [Фирдавси] и других мастеров персидского языка слова совпало по времени с царствованием Саманидов, когда центром был город Бухара.

После падения царства Саманидов, хотя власть и перешла в руки тюркской династии, Бухара была известна как центр науки и культуры своего времени в Средней Азии. И языком преподавания, литературы и разговорным языком населения Бухары оставался персидский язык.

Подробности по этому вопросу можно узнать из книги Германа (Армения.— *Р. М.*), Вамбери «История Бухары», из книги Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» и др.

В течение полутора веков царствования династии Мангитов, которая была свергнута Бухарской революцией 1920 г., языком двора, по причине того, что большая часть придворных были представители улусов и турецких племен, был узбекский язык, но все письма, имущественные документы и приказы писались по-таджикски, и языком народа был его родной, персидский язык. В школах, в медресе преподавание велось на таджикском язы-

ке, все книги писались на таджикском языке, и в исторических документах в течение тысячи лет нет никакого указания, что в Бухаре вышла хоть одна книга на узбекском языке или что на нем был написан хоть один исторический или деловой документ. Иногда, ради любопытства, подражая узбекам, некоторые бухарские поэты пытались писать на чагатайском языке, подобно Навои, или на турецком, подобно Фузули, но успеха они не имели.

Население Бухары дома и в обиходе, между собой всегда говорило по-таджикски. Так осталось и теперь. Все без исключения бухарские женщины не знают узбекского языка. До революции эмирские чиновники из бухарцев, служившие в узбекских округах, научились немного узбекскому языку, так же знали его бухарцы-лавочники, которые вели торговые сношения с узбеками. В городе же Бухаре только в махалле Дурмен было пять—шесть семей, говоривших дома на узбекском и происходивших из узбекского племени дурмен.

Все население города Бухары и 90% его ближайших окрестностей были таджики и таджиками остались: из районов Бухары только в Каракумском районе узбеки составляют абсолютное большинство, в районе же Гиждуван, Вобкент, Вагонзе местами таджиков половина, а местами и больше половины всего населения.

В этих районах язык населения, его домашний и обиходный язык — таджикский.

Но после Бухарской революции положение в отношении языка сильно изменилось.

II.

Со времени Бухарской революции и основания Бухарской Народной Республики (1920 г.) официальным языком государства и языком преподавания в школе стал узбекский язык. Не было принято во внимание, что не только в самой Бухаре, но и в особенности в Восточной Бухаре, где огромное большинство таджиков, совершенно не говорят по-узбекски, даже в тех местах, где нет ни одного человека, понимающего по-узбекски, языком школы и официальной переписи вплоть до сельсовета — стал узбекский язык. И только после нацразмежевания, создания Таджикистана, уже в Таджикистане языком преподавания стал таджикский язык.

Чтобы объясниться после революции сразу произошло такое резкое изменение в отношении языка, и узбекский язык стал единственным языком преподавания как для узбекской, так и для таджикской части населения.

Чем объясняется тот факт, что таджикский язык пытались всеми средствами и путями вытеснить, а узбекский сделать общим языком как узбеков, так и не узбеков.

А вот чем. Политической идеологией, под нераздельным влиянием которой во время организации Бухарской Республики и долгое время после находились все работники и руководители ее, был пантюркизм.

Известно, что первое время во главе организации Бухарской республики... стояли три группы:

1. Военнопленные.

2. Работники из ташкентских и ферганских узбеков, которые были единомышленниками джадидов.

3. Мы, бухарские джадиды, которые получали свое первое политическое воспитание и развитие в момент развития пантюркизма и панисламизма в Средней Азии, и сами были под полным влиянием пантюркистской и панисламистской идеологии.

Пантюркисты говорили, что узбеки, киргизы, туркмены и прочие нации тюркского корня, считающиеся теперь самостоятельными нациями, в действительности составляют одну нацию. Таджики же Бухары в действительности узбеки, и только под влиянием персидской культуры забыли свой язык и народность, нужно их опять сделать тюрками, и из всех этих народов должна стать одна вольная турецкая нация. Под влиянием этих идей и для осуществления этих целей мы были врагами персидского, таджикского языка и слугами и сторонниками турецкого языка и тюркского объединения.

В последние годы существования Бухарской республики и по мере того, как мы отходили от пантюркизма и панисламизма, между нами появились мысли открыть для таджиков таджикские школы, но эти мысли имели мало сторонников и поэтому не имели последствий. При таком состоянии произошло и национальное размежевание. Бухара стала частью Узбекистана. Наши ошибки, которые были сделаны во время существования Бухарской Республики, и явились следствием господства пан-

тюркистских идей, которые как наследство и перешли к Узбекистану.

III.

Эти политические неправильности и ошибки, перешедшие, как наследство, от Бухарской Республики, не были не только не исправлены, но даже были углублены.

Теперь уже считается преступлением считать население Бухары и ее окрестностей таджиками.

По данным книги о предварительных итогах демографической переписи Узбекистана в 1926 г., население Бухары и ее окрестностей состоит из персов (фарсов) и узбеков. Анкеты жители Бухары узбеки, говорящие по-таджикски, заполняли: «мы узбеки». Только одну группу таджиков Бухары статистически зарегистрировали фарсами-таджиками.

Кто же они?

Или их язык отличается от языка других жителей города. Или у них иное происхождение и иные предки.

Нет. Они так же, как и другие жители Бухары, говорят по-фарсидски, по своему образу жизни не отличаются от других, и единственным их отличием является следующее:

Они — мусульмане секты имама Джафара Садыка, которых называют шиитами, другие же жители города — мусульмане толка Абу Ханифы, поэтому одних записали таджиками, других узбеками. Но какое же значение имеет религия при определении наций? Это спросите у ЦСУ Узбекистана.

Таким образом, как мы изложили, таджики города Бухары и ее окрестностей стали считаться узбеками.

В начальных школах их обучают на узбекском языке. Официальный язык, как в таджикских сельсоветах, так и в исполкомах, где преобладают таджики,— узбекский.

Доводы, которые приводят защитники нынешней практики в доказательство своей правоты, мы можем привести.

1. Жители Бухары и ее окрестностей в действительности узбеки и говорят по-узбекски.

Но это не верно, и только люди, скрывающие действительное, могут это утверждать.

2. Жители города и окрестностей Бухары в доисторические времена были узбеками, и под влиянием персидской культуры стали говорить по-персидски, нужно их опять превратить в узбеков.

Но такой задачи партия и Советская власть перед собой не ставили и не ставят.

3. Ассимиляция является одним из условий прогресса. Если население Бухары, принадлежащей к малой таджикской национальности, будет ассимилировано узбеками, то этим самым будет сделан большой шаг вперед.

Но и такой задачи перед собой не ставит ни партия, ни Соввласть.

4. Хотя влияние пантюркизма и панисламизма уменьшилось, но на их место встало новое националистическое течение — узбекизм.

Узбекисты стремятся сделать население Бухары и ее окрестностей узбеками. Действительно, это согласно с требованиями узбекистов. Но Коммунистическая партия и Советская власть не могут стать слугами и проводниками шовинистической идеологии узбекских националистов.

Итак, мы видим, что население Бухары и ее окрестностей — таджики, но их насильно считают узбеками и хотят обузбечить.

Эта политическая ошибка совершается в то время, как Советская власть уже 11 лет существует в Средней Азии, когда Коммунистическая партия руководит страной, когда мы во всем Советском Союзе и в частности в Средней Азии строим национальную политику на основе ленинских директив.

Мы, которые начали это преступное дело,— признаем свою ошибку, хотим, чтобы она была исправлена. Только жаль, что некоторые из тех, кто бьет нас за ошибки прошлого, сами же за эти ошибки крепко держатся и стремятся их усилить.

Таджикская масса Бухары и ее окрестностей еще не настолько активна, чтобы поднять против этого свой голос, это результат слабости нашей партийной работы среди масс. Те же, кто стоял во главе, частично заменили свой пантюркизм узбекизмом, частично же считают не в своих личных интересах поднимать этот вопрос, а поэтому этот вопрос должна поднять и обеспечить его продвижение партия в целом.

СТАТЬЯ тов. Ш. Джаббарова

из журнала «За партию» № 3—4 за 1929 г.

«ПРОТИВ ИЗВРАЩЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ»

Не разрешен национальный и языковые вопросы в Самарканде и его округе.

Наряду с повседневным экономическим ростом нашего государства и развитием нашего хозяйства становятся с каждым днем все более серьезными вопросы такого порядка, как повышение культурного уровня масс, подготовка кадров работников и ликвидация безграмотности, укрепление дела освобождения женщин, культурная революция и т. п.

Продвижение всех этих вопросов среди различных национальностей на их родном языке должно служить предметом величайшего внимания. Однако то, что в Самарканде и окружающем его районе до сего дня межнациональные отношения и вопросы языка не разрешены правильно, было и продолжает быть большой помехой в нашей работе.

Создавшиеся межнациональные отношения, ставящие различные препятствия нашей каждодневной работе, были порождены самой таджикской интеллигенцией, заразившейся вначале идеей панисламизма, а впоследствии— пантюркизма. Известно всем, что до революции эти интеллигенты были носителями идей пантюркизма (!), организации единого мусульманского государства и туркофилами — поклонниками турецкого халифата и султана. После революции они оказались в первых рядах на фронте просвещения и в советских органах.

После организации Туркестанской республики был выдвинут целый ряд новых задач, как то: повышение культурного уровня масс, открытие школ, подготовка учителей и т. д. Вполне понятно, что осуществление этих задач — дело нелегкое, и что для этого требуются культурные силы. Дела обстояли таким образом не только в одном Самарканде, но и во всем Туркестане. После прекращения мировой войны в Туркестан прибыли освобожденные военнопленные турки и вместе с нашими джадидами (прогрессистами) забрали в свои руки дело просвещения и воспитания.

Принялись за работу под руководством своих тюркских наставников и таджикские джадиды. Они организовали в различные кружки и группы многочисленную таджикскую молодежь на платформе: «Населяющие Туркестан узбеки, казахи, киргизы — не отдельные национальности, они все принадлежат к одной великой тюркской нации; таджики же, происходя в основе от тюрок, стали таджиками только в силу иранского влияния. Поэтому «таджики-тюрки».

Под влиянием такого рода учения молодые таджикские силы, таджикские интеллигенты, считая себя тюрками, сынами единой тюркской нации принялись энергично распространять эти идеи в школах, среди молодежи и масс. Например, пантюркист Акбар Шамансуров, состоявший одно время во главе Самаркандской парторганизации, добивался всячески уничтожения таджикского языка, даже штрафуя говорящих по-таджикски. Члены пантюркистского кружка «Чагатай», организованного в то время узбеками, объявили войну против таджикского языка и стали его жестокими врагами. Поэтому в те времена все школьники, курсанты и «чагатайцы» распевали на улицах и базарах известные турецкие марши.

Что идеи пантюркистов господствовали тогда и в печати, можно доказать, ограничившись тремя выписками из трех выходивших в те времена газет.

В газете «Туркестан» от 3-го января 24 г. можно прочесть следующие мысли в статье «В стране таджиков».

«Желание употреблять этот язык (таджикский.— *Ш. Дж.)* означает, во-первых, стремление отделиться от жизни, потому что жизнь и течение истории против него, во-вторых, факт принятия его означает принятие не полезного, а бесполезного и лишнего языка».

После подобного философского довода автор продолжает: «Поэтому для таджиков, живущих в городах и вблизи них, необходимо просто немедленно перейти на узбекский язык и не придерживаться особого (таджикского) языка».

А для узбекизации таджиков, живущих далеко от городов, автор статьи предлагает следующие мероприятия:

«Теперь остаются таджики, живущие далеко от городов, и стоящие особняком таджикские кишлаки и вилайяты. Можно сказать, что в настоящее время последние не имеют никаких отношений с узбеками. Не только мы уверены, что если и здесь в течение 2—3 лет возникнут

тесные взаимоотношения между узбеками и таджиками, то последние окажутся в положении туркестанских таджиков, живущих в районе города и находящихся под влиянием узбеков, уже решена ходом специального процесса, а вскоре решится вся судьба целиком».

Но это происходило не в силу социального процесса, а благодаря активности и энергии пантюркистов. Эта активность продолжалась порядочное время. И порядочное время таджикские пантюркисты поддерживали и старались усилить ее. Один из таджикских пантюркистов в стенной газете «Новый путь», выходящей в Ходженте (1924 г. № 14), пишет нижеследующее:

«Поэтому я думаю, что если мы возьмем на себя таджикизацию (они ее не хотят взять на себя.— Ш. Дж.), или будем претендовать на нее, то мы на несколько лет отстанем от культуры».

Далее, в 182-ом номере газеты «Зеравшан» от сентября 1924 г. в статье «По поводу таджикской проблемы» после указания, что таджики происходят родом от узбеков, говорится:

«Ни в коем случае нельзя отрицать, что связанные с узбеками и даже в своем большинстве происходящие от узбеков городские (Самарканд и Ходжент) таджики не смогут идти вместе с узбеками».

По мнению автора, эти таджики ассимилировались под влиянием иранской литературы. Он говорит:

«Имеющиеся у нас на руках исторические материалы показывают, что они в действительности тюркские племена, попавшие под сильное влияние иранской (фарсидской) литературы и культуры в эпоху их господства над тюрками».

По мнению автора, у самих жителей городов есть желание считать себя узбеками. Даже.

«До сир пор никакого шума со стороны Самарканда и Ходжента мы не услышали бы, если б его не произвели стоящие за таджикское течение люди, которые не могут развивать голову от чалмы».

Хотя автор и огорчен фактом создания Таджикской АССР, он поневоле принимает его. Однако, опасаясь того, что и узбекские таджики отаджичатся он пишет:

«По-нашему, вместо того, чтобы ломать голову над тем, кто самаркандцы и ходженцы — таджики или узбеки, и приводить несуществующие доказательства нужно

стремиться к благу находящихся в Таджикской автономной области памирских таджиков, потому что в упомянутых городах таджики как в историческом, так и в другом отношении не отличаются от узбеков, и от этого, как мы видим, они получают не вред, а пользу».

Под такой шум в Средней Азии началось национальное размежевание. Этому делу тогдашние интеллигенты-тюркисты дали такую оценку:

«Это сделано большевиками с целью ослабить тюркские племена. Будущее такого дробления не предвещает ничего хорошего».

Особенно огорчаясь созданием Таджикистана, они утешали себя тем, что дескать:

«Таджикистан никакого значения иметь не будет, ибо, что он может сделать, не имея ничего, кроме высоких гор».

Не остались в стороне от проблемы Таджикистана и узбекские интеллигенты. Они, ясно определив свои стремления, приготовились послужить во имя «великой идеи» (узбекский шовинизм) путем противодействия разрешению таджикского вопроса. Те же, которые побоялись по этому поводу говорить и действовать открыто, удовольствовались тем, что излили свои жалобы и огорчения отдельным лицам в укромных уголках. Накануне национального размежевания в состоянии сильного возбуждения по поводу Таджикской проблемы в Самарканд приехал Шакирджан Рахими, известный своим узбекским национализмом (этот человек недавно был назначен на должность зав. отд. соцвоса в Уз. НКП). Здесь он провел конференцию по таджикскому вопросу, созвав около 150 учителей, на которой заявил, что «каждый, кто поведет школу на таджикском языке, беспощадно будет выслан в таджикские горы и заменен узбекским учителем». Этому свидетели все самаркандские учителя.

По окончанию размежевания и организации Таджикской республики таджикский вопрос принял другой вид. Таджикские учителя, выдававшие себя за узбеков-тюрок и обучавшие непонимающих узбекский язык таджикских детей, встретив естественные трудности в своей работе, сами начали выдвигать вопрос о переводе преподавания в некоторых школах на таджикский язык. Но они были бессильны.

Насильственное превращение одной нации в другую

встретило на своем пути много трудностей. Трудящиеся массы заявили свой протест. В результате самаркандские школы были обследованы и было установлено, что обучать в них на узбекском языке неправильно. Начиная с 1926/27 учебного года, большинство школ старого города Самарканда были переведены на таджикский язык. И вопрос о языке, таким образом, в некоторой степени был разрешен. Множество молодежи, осознав свои заблуждения, открыто признало себя таджиками.

Однако, несмотря на это, в советском аппарате были люди, пробравшиеся туда под кличкой «интернационалистов» и не отказавшиеся от идеи превратить таджиков в тюрков. Эти люди еще более обострили борьбу. Тюркские настроения, желание выдвинуться, занять высокий пост и приобрести почет — объединило их. Они не прекратили преступной, с точки зрения национальной политики партии, деятельности. Будучи сами таджиками, они не давали ходу таджикам. При удобных случаях они не отказывались чинить препятствия таджикам, ставить их в затруднительное положение и этими своими действиями дискредитировали партию. К прекращению таких явлений наши советские и партийные органы, даже таджикская Комсекция в Самарканде, никаких мер не предпринимали. Эти политические ошибки продолжали повторяться, и эти идеи оказали соответствующее влияние на массу и даже большинство членов нашей партии. Не уяснив себе хорошенько политику партии в национальном вопросе, все легко впали в заблуждение.

В доказательство приведем несколько примеров.

На отчетном докладе горсовета, устроенном в 3-й таджикской школе, где собралось около 1.000 чел., со стороны присутствующих было предложено вести собрание на таджикском языке. И вот, несмотря на то, что среди присутствующих более половины составляли таджики, не понимающие по-узбекски, некий Абдулла Умарбаев заявил:

«Это центр Узбекистана, вести собрание на таджикском языке нельзя. Кто же таджик, тот пусть отправляется в Таджикистан». Умарбаев сам таджик. Докладчик (тоже таджик) член партии Кули Сатаров заявил, что он не знает по-таджикски, и сделал доклад на узбекском языке. В результате этого из 1.000 чел. собравшихся осталось около 100. Остальные покинули собрание.

Такой случай был в Хайрабаде. И там партиец, бывший член горрайкома, таджик Абдурафик Иргашев в таджикскэм вопросе поступил так же, как указано выше.

Бывший ответственный секретарь ст. гор. райкома Раджаб Гафаров — таджик. В семье он говорит по-таджикски. Родители его по-узбекски не понимают. Сам же он говорит по-узбекски неважно, И тем не менее т. Гафаров на одном большом собрании выступил с нижеследующим:

«Некоторые таджики говорят, что часть таджиков обузбечивается. Ну и пусть».

По его мнению, лучше всех сразу превратить в узбеков, чем разделять их на узбеков и таджиков.

На одном большом собрании было вынесено предложение.

«Так как в действительности в Самарканде все таджики, и сегодня школы в старом городе все переведены на таджикский язык, следует поэтому в старом городе выбрать таджикский совет». Докладчик — бывший секретарь окружкома В. Рахимов, выступил против этого и заявил:

«Никто не возьмет на себя ответственности назвать население Самарканда таджикским. Самарканд и Бухара в течение нескольких столетий являлась экономическим и культурным центром узбекских ханств, и так как города находились в культурно-экономических отношениях с Персией, и так как фарсидский язык изящен, то каждый считал хорошим тоном говорить на этом языке. Таким путем они постепенно потеряли свой язык. Поэтому считать большинство населения Самарканда таджиками — ошибочно».

Значит, если Самарканд и Бухара отаджичились, то выходит, что нужно их силою «меча» снова обузбечить. Какая разница между носителями этой идеи и выше упомянутыми пантюркистами?

В феврале прошлого года на таком же партсобрании таких взглядов придерживалась, кроме В. Рахимова, Шакирова (агитпроп окружкома), Гафарова, еще некоторая часть ответственных работников. На собрании Шакиров сделал доклад о форсировании дела освобождения женщин. Несмотря на продолжительные прения по докладу, о деле освобождения женщины-таджички

не было сказано ни слова. Во время принятия резолюции было внесено предложение:

«Большинство самаркандских женщин — таджички. Поэтому ст. гор. женский клуб должен быть наполовину таджикским, в клуб должен быть назначен работник, знающий таджикский язык, работа должна вестись на таджикском языке, в ст. женотдела должен быть назначен знающий таджикский язык работник, из числа таджикских женщин должны быть подготовлены активистки».

Было ли в этом предложении что-нибудь антисоветское. По-моему, не было. Однако против предложения выступали. Против этого выступил Гафаров:

«Мы ножки протягиваем по одежде, поэтому предложение не пройдет».

Когда же товарищ, внесший предложение, сделал попытку защитить его, собрание, под влиянием Гафарова, подняло шум и начало кричать:

«Пусть таджики перебираются в Таджикистан», «таджики должны обслуживаться Таджикистаном».

После того, как занимавшие ответственные должности в наших руководящих органах Шакировы, Рахимовы, Гафаровы создают на партсобрании настроение, идущее вразрез с политикой нашей партии, защищают подобные идеи, не надо искать других причин, поставивших таджикский вопрос в столь скандальное положение. Конечно, если со стороны руководства не будет противодействия, именем «низов», очевидно, могут предложить переселиться в Таджикистан всякому, назвавшемуся таджиком. И против этого никто ничего не скажет, да и не посмеет сказать.

Во время переписи в 1926 г. среди населения распространились такого рода провокационные слухи:

«Надо, оказывается, называться узбеком, говорят, что у того, кто назовется таджиком, отнимут землю и воду и его отправят в Таджикистан».

Вышеупомянутые товарищи создали почву для возникновения провокационного слуха и принудили население назвать себя узбеками. Это обстоятельство причинило большой вред нашей работе.

Как называло себя население до революции и в 1920 году? Чтобы узнать это, обратимся к материалам турк-

статбюро по переписи 1917 г. и 20 г., изданных в 1925 г. Мы при этом берем только Самарканд и его округ.

По Самарканду было таджиков 37820 душ (50,88%), русских — 18094 душ (24,34%), иранцев — 11210 душ (15,09%), туземных евреев — 7208 душ (9,69%).

В трех самаркандских волостях (в теперешнем Верхне-Даргомском районе) было:

В Махалинской волости: таджиков — 7913 душ (65,17%), узбеков — 4229 душ (34,83%).

В Сиябской волости: таджиков — 5952 душ (65,65%), узбеков — 3639 душ (34,37%).

В Ходжа Ахрарской волости: таджиков — 7913 душ (65,17%), узбеков — 4229 душ (34,37%).

Всего в городе и окрестностях — 11487 душ, и из этого количества таджиков — 65824 душ (57,32%), узбеков — 12512 душ (10,88%), русских — 18094 душ (15,77%, иранцев — 11210 душ (9,4%), туземн. евреев — 7208 душ (6,45%).

Кроме того, в бывшем Самаркандском уезде, нижеперечисленных кишлаках (взяты самые главные) жили таджики: в Арабхане — 1103 души, кишлаке Бухари — 312, Пянджшанбе-Сияиб — 1167, Ярымтуге — 707, Камаргаране — 1215, Аксае — 217. Население города Ургут — 7855 душ, из них таджиков — 5486 душ. Итого в бывшем Самаркандском уезде числилось 76700 душ таджиков. Если же возьмем промежуток времени от 20 до 29 г., т. е. в 9 лет, и примем во внимание естественный рост населения за этот период, то численность таджиков должна переваливать сотню тысяч. Однако, по последней переписи, таджиков оказалось всего в Самарканде 10700 душ.

Такое многочисленное таджикское население, несомненно, в течение 6 лет вымереть не могло, но под давлением тюркистов, вроде описанных выше, принуждено было назвать себя узбеками. Но так как язык изменить было нельзя, то они все же остались таджиками.

Таджики, хотя везде теперь называют себя узбеками, узбекского языка не знают.

В настоящее время разрешение национального вопроса считается одним из важнейших и ударных вопросов нашей партии. Поэтому пришло время бороться до конца с чуждыми тюркистскими элементами и очистить от них партию и совваппарат. Уже давно партией были да-

ны директивы об организации особых национальных советов для составляющих большинство национальных меньшинств. Нужно осуществить на все 100% эти директивы и исправить допущенные политические ошибки.

ТАДЖИКИ И УЗБЕКИ

В Средней Азии свыше десятка различных национальностей, каждая со своим языком, культурой, историей и бытовыми навыками. Осуществлять в условиях столь сложного переплета национального правильную политику, без полной ясности в нашей линии и национальном вопросе нельзя. Отсюда все качества.

В ряде районов Узбекистана и даже Самарканда не обслуживаются культурные интересы местных нацменьшинств. Мало того: есть ряд заявлений, который говорит о пожелании обслуживания нацменьшинств. В Ташкенте, когда нужно было обеспечить несколько школьников евреев, пришли к следующему практическому выводу: взять в аренду баню, в течение двух дней ее эксплоатировать и что получится от эксплоатации, дать школьникам. Известна, наконец, попытка, не получившая, правда, осуществления, когда в Наркомпросе одной среднеазиатской национальности республики пытались установить чуть ли не «норму» при приеме детей нацменов в учебные заведения. Любопытно, что документ, устанавливающий норму, был подписан одним из членов коллегии Наркомпроса.

Об этом случае говорилось в 1928 году на пленуме Ср. Аз. Бюро ЦК. Казалось бы, после констатации неблагополучия, надо было принять самые решительные меры: резкая директива и неустанная проверка выполнения директивы должны были положить конец искажениям нашей национальной политики. К сожалению, этого нет, и по сегодняшний день мы продолжаем сталкиваться на местах все с новыми и новыми фактами недопустимого извращения в этой области.

На Бухарском окружном съезде советов, происходившем месяц назад, среди 210 делегатов присутствовало всего 7 таджиков, 2 араба, евреев вовсе не было. Непосвященным стоит дать три справки. Первая: в Бухарском округе два района (Шафирканский и Султанабадский) почти сплошь заселены арабами. Вторая: Бухара—

родина, так называемых, «бухарских евреев». И третья: по официальной статистике в Бухарском округе 12.240 таджиков, пользующихся правами голоса. К тому же довольно спорно, имеют ли вообще узбеки большинство в Бухаре...

В журнале «За партию» (орган Средаз. Бюро ЦК) помещена была в сентябре прошлого года статья («Таджики или узбеки населяют город Бухару и его окрестности»), в которой автор т. Мухитдинов доказывал рядом данных, что, начиная с глубокой старины до настоящих дней, Бухара была всегда населена таджиками, а не узбеками, и что население не знает узбекского языка. Искусственное превращение таджиков в узбеков началось 8 лет назад, со времени образования Бухарской Народной Республики. Тов. Мухитдинов требует немедленного прекращения этого «преступного дела», и редакция журнала не только помещает статью, но и сопровождает ее следующей припиской: «Мы признаем наиболее целесообразной формой ликвидации межнациональных взаимоотношений открытую постановку спорных вопросов». Как видно, вопрос, поднятый тов. Мухитдиновым, заслуживал внимания.

Теперь судите сами о национальном составе бухарского съезда. У соответствующих органов были все основания к опротестованию состава съезда и к поднятию большой политической кампании на тему об искажениях наших директив. Это тем более необходимо, что на съезде среди 210 делегатов присутствовало... 9 середняков. Но это не было сделано ни узбекским Центральным Комитетом партии, ни ЦИК Узбекистана, представители которого специально приехали на съезд, ни среднеазиатской печатью.

Я присутствовал на бухарском съезде. Запомнилась любопытная деталь, когда на фракции съезда стали обсуждать предварительные кандидатуры в окружной Исполнительный Комитет и встал вопрос о его национальном составе, один делегат, рабочий, крикнул с места:

— У нас на фабрике на этот счет благополучно. Мы выделили национала.

— Кого?

— Венгерца. Активный парень.

Для венгерца нашлось место в бухарском Исполкоме, а для таджиков не оказалось...

ТОВ. МУХИТДИНОВ ПРОСИТ ПОМОЩИ

Недостаточный интерес европейцев к изучению языка и «курению» бледнеет перед приведенными фактами «межнациональных взаимоотношений». Однако критика ошибок европейцев нужна в первую очередь, ибо в сложных среднеазиатских национальных условиях европейцы должны не только сами показывать пример максимального понимания партийной линии, но и активно помогать товарищам в ее направлении.

Вы помните документ, устанавливающий «процентную норму» для поступающих в учебные заведения нацменов. Этот документ видел ответственный работник — европеец, коммунист, тоже наркомпросовец, но даже не счел нужным вмешаться в чужие дела. Этот член партии, который видел ошибку и сознавал, что это ошибка, не нашел нужным придти на помощь своему товарищу по работе. Ошибся ведь не он.

Тут пахнет уже политической пассивностью, с которой партия не мирилась и которая достойна беспощадной оценки. И здесь следует сказать, что одним из основных критериев при чистке узбекской организации в отношении европейцев должна быть оценка степени активности члена партии в проведении нашей национальной политики.

Узбеки (я говорю не о всех, а о некоторых) переносят сейчас «на ногах» последствия серьезной болезни — пантюркизма. За Бухарской революцией и в первые годы после образования Бухарской республики пантюркизмом болела почти вся передовая интеллигенция Узбекистана («джадиды»). Пантюркисты говорили, что узбеки, киргизы, туркмены — от одного тюркского корня, и поэтому все они должны слиться в единую «вольную» турецкую нацию. Таджики же, хотя и говорят по-персидски, тоже узбеки в историческом прошлом и их надо опять сделать тюрками...[1] с этой идеей интеллигенция носилась долгие годы, пока не представился случай реализовать ее. Как только образовалась Бухарская Народная Республика, немедленно были закрыты все таджикские школы и официальным языком Бухары был объявлен узбекский...

[1] Это, кстати, неверно и с научной стороны.

Вот эти политические ошибки сохранились в известной мере до наших дней, хотя в последующие годы большинство интеллигенции не только отказалось от прежних взглядов, но вполне добросовестно работало и продолжает работать в контакте с Советской властью. Остались эти настроения и среди отдельных узбекских интеллигентов, членов партии, которые не могут сразу изжить пантюркистское наследство, некоторые переносят последствия болезни довольно мучительно, другие уже освободились от них и помещают в журнале «За партию» следующие волнующие строки: «Мы, которые начали это преступное дело (превращение таджиков в узбеков.— *А. А.*),— пишет бывший джадид т. Мухитдинов,— признаем свою ошибку и хотим, чтобы она была исправлена».

К кому обращается тов. Мухитдинов? К прежним единомышленникам? Не только. Он адресуется к узбекскому руководству, он адресуется к партийным массам, он обращается в том числе к тем работникам, которые видят ошибки своих товарищей, не желают вмешиваться в «чужие дела». Тов. Мухитдинов просит помощи.

А. Аграновский

ВЫПИСКА

из газеты «Правда Востока» № 161 от 18 июля 1926 года

«ГОЛОС ИЗ ПОДПОЛЬЯ»

Голос Кулихан Асим-заде учителя из Ходжента замер на бумажном кладбище совнацмена Наркомпроса. Был адресован крик Кулихана «к высшим органам республики».

Кулихан Асим-заде кричал:

«После окончания курсов переподготовки учителей я поехал к месту службы в г. Ходжент и хотел вести преподавание на таджиском языке, о чем и просил разрешения у ОНО, но УОНО противилось этому. Когда же мы (преподаватели) хотели соединиться вместе (в одной школе), чтобы вести преподавание на таджикском языке, УОНО распылило нас по различным школам и

заставило преподавать на узбекском языке. Я до последнего времени, хотя и не имел учебников, но вел преподавание на родном языке. УОНО угрожало мне и, сняв с работы в этой школе, перевело в узбекскую, а на мое место назначило узбека. В случае, если такое отношение будет продолжаться, я хочу отказаться от преподавательской деятельности. Кроме угроз УОНО, было еще следующее: когда приехал инспектор Самаркандского вилайята для проведения учительской конференции — Атуллаев, он тоже протестовал против меня и называл мою школу таджикской.

Подаю настоящее заявление, чтобы вы приняли меры к ведению преподавания на таджикском языке и также дали бы таджикских книг, а в противном случае прошу снять меня с работы».

В запыленных папках совнацмена — его архива, погребена на этом же кладбище и написанная обидой горькая жалоба заведующего 5-м самаркандским «туземным» училищем. В жалобе этой тов. Джелалудинзаде покорно и бессознательно повествовал:

«По моему мнению, наша школа является в основе таджикской, т. к. большинство учащихся — таджики, и только 10 процентов учащихся считают себя узбеками. Но в действительности и эти 10 проц. не знают узбекского яз. Приняв же во внимание вышеуказанное, я официально обратился в ОблОНО с просьбой разрешить вести преподавание на таджикском языке. ОблОНО на наш запрос ничего не ответил. Не желая тогда высказывать несправедливость по отношению учащихся, мы начали вести занятия на родном языке, для каковой цели получили от Таджикской научной комиссии 100 шт. букварей для распространения таковых между учащимися. Но зав. соцвоса ОблОНО тов. Абдужабар Назыркулов запретил нам продолжать занятия на таджикском языке, а в случае распространения букварей и ведения занятий на родном языке, привлечь к ответственности».

Оба документа взяты не потому, что они наиболее законченны в своем «великолепии».

Нет.

Наоборот, потому, что они слишком обыкновенны, рядовые, обычные.

В десятках жалоб, заявлений и просьб почти всех школ Старой Бухары, многих школах Самарканда, Ходжента и Ферганской области есть документы, куда красочнее и ярче.

Покопаться в папках, пачках, связках совнацменского архива — то ли еще можно обнаружить. То ли еще порасскажут бесстрастные документы — мертвые свидетели вылазок смельчаков из школьного подполья.

Копии их только. Потревожь эти занумерованные, подшитые аккуратненько синенькие папочки. Они, хранители мертвых документов, живой борьбы за право преподавания на родном языке, многое знают и могут рассказать.

Они рассказывают:

ЦСУ в своих изданиях определяет количество таджиков, расселенных по областям Узбекистана, в 406872 чел. Тов. Зеленский в книге «Национально-государственное размежевание Средней Азии» считает, что нацмены образуют собой 23% населения Узбекистана. 23% населения — почти 1.300.300 чел. Они обладают всеми правами, которые дал Октябрь национальным меньшинствам.

Реализованы ли эти права хотя бы в школе?

Берем таджиков. Горы документов совершенно официальных, бесспорных, неопровержимых утверждают обратное. Они позволяют во все услышание заявить:

— таджикское население Узбекистана не может обучать своих детей на родном языке, оно не имеет школы.

Таджикский букварь в уездах и даже в областях объявлен «нелегальным» — нелегальной литературой и пребывает вне закона.

Неисправимых энтузиастов-учителей за преподавание таджикской грамоты таджикским ребятам, в Наркомпросовской школе преследуют и словом и делом: перебрасывают из школы в школу, ставят под угрозу лишения куска хлеба и заставляют преподавать на узбекском языке.

Больше того: в школах, обучающих сплошь таджикских ребят, таджик-преподаватель обязан преподавать по-узбекски и тут же вынужден переводить урок на таджикский язык, т. к. ученики узбекского языка не знают. Жуть берет.

Жутко становится от этих фактов — а все эти факты случаи последних месяцев.

Слов нет, головотяпство местных отдельных санов-

ников, облеченных уездной, а иногда областной властью.

Слов нет, это случай, а не система.

Но уж больно много случаев-то.

Нездоровым положением школьного дела с точки зрения национального вопроса в свое время интересовались высокие республиканские органы. Год тому назад они имели суждение специально по этому вопросу. Была вынесена обширная директивная резолюция, ко многому обязывающая Наркомпрос УзССР. Эта резолюция у меня под руками.

Наркомпросу, год тому назад, было поручено создать комиссию для обследования школ 1-й ступени и «в случае наличия в школах значительных групп детей, для которых родным языком является язык того или иного нацменьшинства, выделить эти группы и отдельные школы с преподаванием на родном языке».

Никакой комиссии Наркомпрос не выделил. На совнацменские напоминания отделался молчанкой.

Наркомпросу на 1925-26 гг. было предложено «расширить» сеть школ 1-й ступени для нацменов. Тоже ничего не сделано. Только в одной Зеравшанской области под давлением решительных требований населения с грехом пополам были организованы 16 таджикских школ, да и то в качестве громоотвода от требований населения гор. Бухары.

Наркомпросу рекомендовалось «организовать сельскохозяйственные училища для нацменов в Самарканде или Ходженте».

Вопрос даже не обсуждался в Наркомпросе.

Главполитпросвету было предложено «ввести» в смету на 1925-26 гг. одну совпартшколу для нацменов».

Школы нет. Главполитпросвет пообещал организовать три класса при существующих школах, но обещания не выполнил.

Наркомпросу «было предложено» обратить внимание на издание учебников совнацмена.

Результаты печальны. Из представленных рукописей на таджикском языке, две увидели свет в конце учебного года, а третья и до сих пор не напечатана. Заключенный договор на издание туземно-европейских учебников кем-то аннулирован. Отпечатанный учебник для уйгурцев лежит на складе. Наркомпрос не отпускает средств на его выкуп.

Наркомпросу было предложено «позаботиться о предоставлении просто человеческих условий для учебы слушателям Таджикского Инпроса».

До сих пор Инпрос находится прямо-таки в невероятных условиях. В домах заключения арестованные пользуются гораздо большей жилой площадью, чем учащиеся Таджикского Инпроса. Инпрос работает в две смены. Ученики едят там же, где спят, а спят там же, где занимаются; из трех классов половина площади занята под спальни, и классы являются помещением для общежития.

Стоит ли говорить о проработке материалов, Дальтон-плане, о совершенных методах преподавания, когда вшивость, отсутствие смены белья, чесотка, полное отсутствие учебников и учебных пособий на таджикском языке обычные спутники инпросовской жизни.

Слушатели мужских таджикских курсов подготовки учителей живут не хуже инпросовцев. У хорошего хозяина супоросная свинья пользуется большей заботой и лучшим помещением, чем будущий таджикский учитель. Рачительный хозяин никогда не допустит, чтобы нечистоты из переполненной уборной выливались в хлев. А на курсах подготовки таджикских учителей нечистоты проникли в курсантские спальни.

Таджикский женский педагогический техникум не имеет школьного помещения и занимаются «на стороне» во вторую смену.

Это ли не наркомпросовские заботы о будущем таджикских учителей, о людях, которые понесут таджикскую грамоту наиболее крупному численно таджикскому нацменьшинству.

25-го мая 1925 года НК РКИ знакомилось с работой Наркомпроса.

Как полагается, были: и доклад, и прения, и резолюция.

В резолюции сказано:

«Обратить особое внимание ОблОНО на обслуживание школ нацменьшинств. Проработать вопрос к началу предстоящего учебного года о переходе преподавания в школах на родной язык большинства населения, населяющего тот или иной район и своевременного снабжения школ нацменьшинства пособиями на их родном язы-

ке». Прошел год. Минуло уже 25 мая 1926 г., вероятно, НК РКИ снова будет слушать доклад Наркомпроса. Над новой резолюцией можно и не трудиться. Можно просто ограничиться:

Подтвердить прежнее постановление от 25 мая 1925 года. Ведь положение-то ни капли не изменилось в лучшую сторону. Вернее, ухудшилось. Что из того, что в Наркомпросе образуются залежи из резолюций, повторяющая одна другую: «обратить внимание на школы для нацмена», «принимая во внимание ненормальное положение школ нацмена», «поручить Наркомпросу то-то».

От этого никому ни тепло, ни холодно не будет. От этого положение не меняется. За вопиющее безобразие в школах, за узбекское колонизаторство, о котором говорил т. Назаров на Пленуме ЦК ВКП(б) Узбекистана ни капли не лучше недоброй памяти колонизаторства русского, за измывательство над элементарнейшими правами национальных меньшинств на родную школу, за издевательство над искривлением государственной линии,— за все это не страдал, не ответил и не отвечает ни один советский чиновник, ни один зарвавшийся работник ни уезда, ни области.

Никто не намылил голову Наркомпросу за явное бездействие, за абсолютное невыполнение безоговорочных, обязательных к исполнению директив и указаний.

Мы сильны тем, что умеем признавать свои ошибки. Признание ошибок и чистосердечное признание — половина ее исправления. Но во многих из нас жив ложный стыд, боязнь сказать вслух то, что есть.

Проклятый ложный стыд сыграл немалую роль в данном случае. Ради этого стыда считалось явно преступным подымать разговоры о проявленных действиях колонизаторов в органах Наркомпроса. Все громы и молнии административного порядка могли обрушиться на человека, дерзнувшего это заявить.

Даже случаи, которые становились достоянием гласности, которые невозможно больше замалчивать этого же стыда ради, не получили общественной огласки. Боязнь критики, здоровой, деловой критики, деловых указаний и ложный стыд признать свои ошибки — вот одна из крупных причин тяжелого положения со школами для нацмен и с нацменами в имеющихся школах.

Не пора ли сбросить искусственную завесу, бинт, прикрывающий язву. Во всяком случае необходимо срочно ознакомиться, прощупать и исследовать положение с народным образованием национальных меньшинств. Хватит ложного стыда. Этак болезнь запустить можно.

Мих. Рогов в (Дир) г. Самарканд 13 июля.
верно.

Копия

ПРОТОКОЛ

Заседания Комиссии по выделению Таджикистана

Председатель МАКЕЕВ
Присутствовали: председатель Таджикистана МУХИТДИНОВ
и председатель Узбекистана ИРИСМЕТОВ
Председатель МАКЕЕВ

Слушали:	Постановили:
1. Доклад экономиста тов. КАРПА о положении Сурхан-Дарьинского округа по национальным и экономическим признакам.	1. Учитывая обмен мнений на заседаниях Комиссии и основываясь на материалах переписи 1924-26 гг. и других, освещающих народонаселение по национальным признакам округов и районов, на которые предъявляются претензии со стороны ТАССР, и исходя из экономики этих районов, определяющих тяготение к ТАССР, Комиссия приходит к следующим выводам: 1) учитывая уже осуществившуюся передачу Ходжентского округа из ведения УзССР в ведение ТАССР, считать пограничный вопрос разрешенным; 2) все пограничные вопросы, могущие возникнуть в дальнейшем, подлежат рассмотрению в общем установленном порядке через ЦИК СССР; 3) работу Комиссии по урегулированию пограничных вопросов считать законченной. Вопрос в смысле претензии ТАССР на часть Сурхан-Дарьинского округа — отклонить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*МАКЕЕВ*)
СЕКРЕТАРЬ
По пункту 3-му остаемся при особом мнении, каковое при сем прилагается.

МУХИТДИНОВ, НИССАР МУХАМЕДОВ

В СР. АЗ. БЮРО ЦК ВКП(б)

ЗДЕСЬ

Комиссия по вопросам размежевания между УзССР и ТАССР в заседании своем от «8» сентября с. г. большинством своих голосов отвергла требование Таджикистана относительно присоединения к нему населенных местностей Сурхан-Дарьи с преобладающим таджикским населением, а равно второе его требование о присоединении к Таджикистану по экономическим соображениям г. Термеза, важного для него перевалочного пункта, населенного в большинстве европейцами. Комиссия эта высказалась за неделимость и сохранение в полном объеме за Узбекистаном всего Сурхан-Дарьинского Округа.

При решении вопроса в названном заседании Комиссии, мы, представители Таджикистана, высказали свое несогласие с означенным решением и подали прилагаемое в копии отдельное свое мнение.

Настоящим мы просили Ср. Аз. Бюро пересмотреть означенное решение Комиссии по существу, приняв во внимание приложенные к делу заключения незаинтересованных и беспристрастных экспертов тов. Белова и тов. Карпа, изучивших детально вопрос о национальном составе населения Сурхан-Дарьи и доложивших свои соображения.

Мухитдинов

Коренным населением края являются таджики, а затем их победители узбеки.

Как и в других краях Уз. ССР, побежденные таджики оказались оттесненными преимущественно в горные районы Байсун и Сары-Ассия.

Узбеки же, победив таджиков, сначала не занимались земледелием, а поборами с населения, несли гарнизонную службу, участвовали в управлении страной, а затем, усваивая постепенно культуру развитого побежденного врага, стали заниматься и земледелием, захватывая виноградники и земли по долине рек.

Если в незапамятные исторические времена, по показаниям жителей и греческих историков, бассейн Сурхан-Дарьи был когда-то густо населенной цветущей долиной, то не менее слабая культурная хозяйственная жизнь может здесь развернуться в ближайшее десятилетие, если, конечно, население и организация этого края будут

предоставлены НЕ СТИХИЙНОМУ НАШЕСТВИЮ НАСЕЛЕНИЯ, а инициатива в осуществлении указанных целей будет взята в свои руки Союзным Правительством.

По словам арабских писателей и географов, средневековой Термез состоял из крепости, города с соборной мечетью и базарами, предместьями, в нем было многочисленное население и важная гавань; базары и большая часть улиц были вымощены кирпичем, город изобиловал водой, проведенной из Сурхана, садами и насаждениями. По некоторым данным на Аму-Дарье существовал плавучий мост, который соединял оба берега с островом Арал-Кайгамбар.

Осенью 1220 года цитадель Термеза после 10 дневной осады была взята Чингиз-Ханом, город был разрушен, а все жители перебиты. После монгольского погрома Термез вновь возродился, причем город был перенесен несколько дальше от реки и, по свидетельству Рюи Гонзалеса де Клавихо, посетившего его в начале 15 века, был большим и многолюдным с множеством садов и каналов. Новый Термез был, по-видимому тождественен с городом, известным у местных жителей под названием Гуль-Гуль, развалины которого прилегают к развалинам Старого Термеза.

По словам туземцев, город Гуль-Гуль был настолько велик, что шум его будто бы был слышен в г. Балхе, расположенном от него на расстоянии 100 верст. С течением времени, вследствие бесконечных войн и смут, цветущий город пришел в запустение и ныне от него остались лишь груды развалин и остатки зданий.

Местное население, живущее в Катта-Гиссаре и на стороне Атал-Найчамбар, состоит из узбеков и туркмен и пришло сюда сравнительно недавно» (стр. 732).

«По преданию, вся долина Сурхан была так густо населена, что от Денау до Термеза кошка могла пробраться по крышам домов. Нашествие монголов и смуты смели все эти города с лица земли и только жалкие развалины и следы старых оросительных каналов свидетельствуют о том, что здесь некогда кипела жизнь и процветала культура. В минувшем столетии Гиссарский край, политическим центром которого всегда была долина Сурхана, составлял особое владение, которое лишь в последнее время с усилением власти Бухары вошло окончательно

в состав последней, причем наследственные правители были заменены беками по назначению» (стр. 734).

(Из книги «Туркменский край» — Масальского).

По данным этой же книги (стр. 735), узбеки, населяющие часть Гиссарской долины, переселились сюда из-под Ура-Тюбе и Джизака после взятия их русскими.

Выписка

из протокола заседания Президиума ЦИК Союза ССР от 3.II.1930 г.

Слушали 7.

Об изменении границ между Узбекской ССР и Таджикской ССР (вн. ЦИК Тадж. ССР и комиссией Президиума ЦИК СССР, пр. Президиума ЦИК Союза ССР № 24, п. 15 и № 2 п. 19).

Дело № 342.24/11

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Ходатайство ЦИК Тадж. ССР о присоединении Самаркандского и Бухарского округов — отклонить.

2. Сурхан-Дарьинский округ в его современных границах передать из УзССР — Таджикской ССР, закончив эту передачу в течение двух месяцев.

3. Принять во внимание:

а) что в связи с выделением из Уз. ССР Таджикской ССР развертывание хозяйственного и социально-культурного строительства среди основного населения этих республик требует одновременно и принятия необходимых мер по расширению и углублению обслуживания национальных меньшинств в Узбекской и Таджикской ССР;

б) что улучшение обслуживания национальных меньшинств в УзССР и ТаджССР должно обеспечить еще большую сплоченность вокруг советов рабочих, батрацко-бедняцких и середняцких масс всех национальностей для решительного наступления на капиталистические элементы города и деревни и для успешного проведения генеральной линии советской власти, а также имея в

виду важнейшую задачу — наиболее полное обслуживание культурно-хозяйственных запросов национальных меньшинств УзССР и ТаджССР, и дальнейшее вовлечение батрацко-бедняцких и середняцких масс национальных меньшинств в социалистическое переустройство и государственное управление,— предложить ЦИКам, и УзССР и ТаджССР.

а) закончить к предстоящим перевыборам в советы выделение административно-территориальных единиц в районах преобладания национальных меньшинств, живущих компактными массами;

б) наметить и провести в жизнь необходимые мероприятия по вовлечению национальных меньшинств в советы и в органы управления советских и общественных организаций, причем обратить внимание на необходимость систематического выдвижения в эти органы власти и общественные организации представителей нацменьшинств из среды рабочей и батрацко-бедняцкой массы населения;

в) усилить вовлечение национальных меньшинств в колхозное кооперативное строительство и в промышленное производство;

г) усилить культурно-бытовую работу среди национальных меньшинств и расширить сеть школ, политико-просветительных и социально-культурных учреждений;

д) обеспечить национальные меньшинства массовой общеполитической и учебной литературой;

е) в течение 1930-31 гг. перевести на родной язык нацменьшинств работу всех обслуживающих в соответствующих административно-территориальных единицах учреждений, советы, суды, школы, кооперация и т. д.

4. В целях более полного обеспечения органов власти и социально-культурных учреждений подготовительными работниками из нацменьшинств, поручить ЦИКам УзССР и ТаджССР усилить работу по подготовке необходимых кадров из национальных меньшинств.

5. Поручить ЦИКам УзССР и ТаджССР, в целях обеспечения систематического руководства работой среди национальных меньшинств и контроля за выполнением данных в этой области директив, усилить деятельность комиссий при Президиумах ЦИКов этих республик по работе среди национальных меньшинств, вовлекая в эти комиссии представителей национальных меньшинств и

выделяя для этой работы уполномоченных в округах и районах.

6. Работу комиссии, образованной постановлением Президиума ЦИК Союза ССР 26 ноября 1929 года считать законченной.—

Секретарь ЦИК Союза ССР *А. Енукидзе*

Верно: (подпись)

Докладная записка

в комиссию по разрешению пограничных споров между Узбекской и Таджикской ССР

29 декабря 1929 г. г. Москва

от Нисар Мухамедова

В дополнение к материалам, переданным таджикскими представителями в Комиссию по разрешению пограничных споров между Узбекской и Таджикской ССР, я хотел бы добавить некоторые исторические данные по Зеравшанскому, Сурхан-Дарьинскому, Кашка-Дарьинскому, Бухарскому, Самаркандскому и Ташкентскому округам. Для характеристики вопроса о том, что таджики являются коренными жителями этих районов я приведу некоторые выдержки из отдельных материалов:

а) Приложение 1 к докладу, представленному мной ЦК КП(б) Узб. по вопросу о реорганизации школ Самаркандского и Бухарского округов в конце ноября месяца 1926 года:

«Многим, знакомым с историей Средней Азии, вероятно, известно, что наиболее древним населением Туркестана, пришедшим с востока Средней Азии, являются парфяне, бактрийцы и саки, принадлежащие к иранскому племени, как и персы Ирана, которые уже имели государственность и письменность, в чем и оказали влияние на своих восточных соплеменников. Далее, при Александре Македонском упоминается, что по Зеравшану жили согдийцы (иранского происхождения), которые уже имели города, правда, еще в небольших размерах. И вот в числе этих городов упоминается Мараканда, название которой сохранилось в современном Самарканде, где позже были основаны общины зороастризма, что является неотъемлемой принадлежностью иранцев (Бартольд, «История Туркестана», 1922 г.).

Перу того же автора принадлежат и следующие слова, подтверждающие сведения, указанные выше, но уже опубликованные позже, а именно в 1925 году: «Коренное население современного Туркестана принадлежало к иранской группе народов; не касаясь здесь сложных и спорных вопросов о родине иранского племени, о географических пределах его распространения в древности и о постоянном сокращении этих пределов в средние века, ограничимся установлением факта, что на протяжении более 1500 лет от VI века до Р. Х. в пределах современного Туркестана упоминается два культурных народа иранского происхождения, согдийцы и хорезмийцы».

Таким образом, вплоть до VI века до Р. Х. Туркестан принадлежал народам иранского племени, уже имевшим свою культуру, и только в VI веке (563—567 гг.) вторгнулись турки, которые и образовали обширную кочевую империю. Кочевые иранцы к этому времени окончательно вытеснены из Средней Азии; оседлые же, при господстве турок, имели огромное культурное влияние на кочевников, которыми была позаимствована иранская письменность.

Термин же «таджик», которым обозначались до сих пор древние иранцы, появился после иранского нашествия в VII—VIII вв. по Р. Х. Вначале турки называли таджиками арабов, а затем и всех представителей ислама и мусульманской культуры, среди которых было больше иранцев, чем арабов. Поэтому для турок таджикский язык стал персидским. Когда же турки стали отличать иранцев от арабов, то словом «таджик» они называли только иранцев. Эти же иранцы — таджики и являются отдаленными предками современных таджиков, утративших постепенно свое культурное значение под давлением тюркских народностей, господствовавших здесь до 2-й половины XIX века, т. е. до завоевания русскими края. Впрочем, еще в XI веке турки не могли обходиться без таджиков, что характеризуется поговоркой тюркского историка Махмуда Кажгарского: «нет турка без тата (таджика), нет шапки без головы» (Бартольд—«Таджики», стр. 102).

Но с приходом русских и даже до настоящего времени, почти на 10-м году Октябрьской революции, дело воз-

рождения таджикской культуры и таджикского языка мало продвинулось. Привожу слова академика Бартольда, которыми автор характеризует отношение властей к таджикам с 80 г.г. прошлого столетия до 1920 года:

«Когда, около того же времени, было признано необходимым издавать при официальных «Туркестанских ведомостях» приложения на местных языках, к этим языкам первоначально был причислен и таджикский, наряду с «джагатайским» и киргизским; потом вместо этого говорилось о приложениях на тюркском (сартском) и киргизском наречиях, на этих двух языках и выходили приложения с 1871 г. 4 раза в месяц, 2 раза на сартском языке и 2 на киргизском; с 1883 г. вместо этого стала издаваться небольшая газета на одном сартском языке. Когда в 1920 г. была утверждена конституция Туркестанской республики, то коренными национальностями ее были признаны только киргизы, узбеки и туркмены; древнейшие жители края — таджики были забыты. В какой мере будет способствовать возрождению таджикской национальности национальное размежевание 1924 г., покажет будущее» (стр. 111).

Академик Бартольд оказался прав, и это будущее уже наступило в текущем году, когда партийные советские органы смогли поставить этот вопрос на повестку дня. Теперь, по разрешении настолько остро стоящего вопроса, как перевод занятий на родной язык в школах с большим количеством учащихся таджиков, можно смело сказать, что пункт Конституции РСФСР «о самоопределении каждой нации» проводится в жизнь в Узбекистане в отношении таджиков.

б) Труд Риттера «Иран» — перевод Ханыкова, стр. 396:

«они (таджики) представляют печальную картину всякого рассеянного народа, отданного на произвол бурных наплывов иноземных населений, который ищет спасения на скалах, островах и поморьях, и там в бессилии и уничтожении живет тем, что успел спасти из некогда гораздо лучшего прошлого».

в) Сборник «Таджикистан», Ташкент 1925 г., статья Семенова А. «Материальные памятники арийской культуры» (стр. 113).

«Таджики, составляя большинство населения современного государственного образования, называемого Таджикской автономной республикой, являются, как известно, потомками древнейших аборигенов страны, арийцев Азии, принадлежат к иранской группе великого арийского племени. В своих многовековых исторических переживаниях они разбросали следы своей материальной культуры едва ли не по всему востоку Иранского плоскогорья. И если здесь во многих местах арийское население ныне совершенно исчезло, то памятники прошлого властно говорят нам об этом населении, как бы указывая, что арийская культура выходила бесконечно далеко из рамок современного Таджикистана. Ее яркие следы мы поныне встречаем в автономных республиках и областях прошлого Туркестана (Узбекской и Туркменской, Киргизской, Кара-Киргизской и Кара-Калпакской). Всюду здесь — колоссальная археологическая сокровищница, не только не изученная, но и в должной мере не обследованная. Современная же Таджикская республика заключает лишь незначительную часть богатого археологического инвентаря арийцев Средней Азии; на общей картине минувшей жизни страны эта часть есть лишь одна из ее деталей и, как таковая, не может быть рассмотрена вне связи с прочими частями картины».

«Замечательное сокровище из золотых и серебряных вещей этих эпох, найденное в 1877 г. на правом берегу Аму-Дарьи, около Тахта-Кувадской переправы, или, по другой версии, около города Кубадиана (что в долине реки Кафирниган-Дарьи верстах в 70 к северу от Аму-Дарья) является одним из драгоценных собраний Британского музея. Нет сомнения, что систематические раскопки так называемых развалин «Кайкубада», вблизи Кубадиана, могли бы дать немало интересного, относящегося к домусульманской эпохе» (стр. 114).

г) Сборник «Таджикистан», ст. Андреева по этнографии таджиков (стр. 151).

«Таджики являются народностью, входящей в состав обширной иранской группы, принадлежащей к арийской ветви семьи индоевропейских народов. Некоторыми этнографами они определяются, как восточная часть персидского народа — персиян, персов, самого многочисленного среди иранских народов, делящегося в географическом отношении на три основные группы. По определению Деникера, «если, придерживаясь приблизительно границ теперешней Персии, проведем линию от Астрабада к Иез-

ду, то на восток от нее найдем таджиков, на запад хаджеми (между Тегераном и Исфаганью) и парсов или фарсов (между Исфаганью и Персидским заливом)».

Таким образом, таджики, самые древние известные нам засельники Средней Азии, даже после нашествий иноземных завоевателей, истребивших или ассимилировавших иранский элемент на значительном пространстве Средней Азии или оттеснивших его в горы, до сих пор еще занимают значительную площадь в Средней Азии. Самые крайние, наиболее выдвинувшиеся на север таджикские селения расположены по системе р. Чаткала (верховье р. Чирчика, Ташкентского уезда), из которых селение Бискан, лежащее по 42° с. ш., является самым крайним предельным пунктом выдвижения таджиков вообще на север в настоящее время. Приблизительно только на полградуса южнее этого, в предгорьях той же горной системы, сохранились самые северные таджикские селения в Фергане, лежащие среди окрестных народностей, говорящих на тюркском языке, как и отдельные небольшие группы таджиков Ташкентского уезда. В восточном направлении самыми крайними аванпостами таджиков, тоже несколько выдвинувшимися вперед от главного ядра, являются одинокие селения, по-видимому, ваханцев или сарикульцев, встречающиеся на северо-восточном склоне Гималаев, в той части, где этот могучий горный хребет подходит к своему соединению с восточным концом Гиндукуша. Что же касается границы южного распространения таджиков, то определить ее представляется труднее. Пространство, почти сплошь заселенное таджиками, простирается к югу от Туркестанского хребта и прилегающей части Алайского, доходит до верховьев р. Аму-Дарьи (р. Пянджа) и на некоторое расстояние продолжается по прилегающей Афганской территории, главным образом, по Восточному Бадахшану, занимая здесь северные склоны восточной части Гиндукуша и населяя его долины.

Как мельком упомянуто выше, таджики являются древнейшими известными засельниками Средней Азии, где иранский элемент занимал когда-то доминирующее положение. На громадном пространстве, покрываемом теперь Северным Афганистаном, за Каспийской областью, Хорезмом, бухарскими владениями, западным и даже восточным, т. н. Китайским Туркестаном, далеко

подвигаясь на восток по последнему,— пространстве, примыкавшем непосредственно и сливающимся с теперешней Персией, жили различные иранские народности, уцелевшие остатки которых в тех случаях, когда они продолжают говорить еще на иранских наречиях, известны в Средней Азии под общим именем — таджиков. Мировая культурная роль этих предков теперешних таджиков очень велика и определяется Лауфером следующим образом: мы знаем, что иранские народы покрывали когда-то необъятную территорию, простиравшуюся через весь Китайский Туркестан, переселялись в Китай, вступали в сношения с китайцами и оказывали глубокое влияние на народы другого происхождения, в особенности на тюрков и китайцев. Иранцы были великими посредниками между Западом и Востоком, передавая наследство эллинских идей в Центральную и Восточную Азию и препровождая ценные растения и произведения Китая в средиземноморскую арену. Их деятельность имеет мировое историческое значение, ибо без записи китайцев мы не могли бы вполне охватить положения.

Последовавшие волны нашествий иноземных завоевателей, накатывавшиеся от времени до времени на Среднюю Азию, видимо, всегда являвшуюся перекрестком больших дорог, через которые проходили переселения народов, крайне гибельно отразились здесь на аборигенах — иранцах, уничтожая их, ассимилируя с завоевателями или загоняя их уцелевшие и спасшиеся остатки в труднодоступные для завоевателей горы, не манившие отсутствием накопленных там богатств, в противоположность богатым большим пунктам равнинной оседлости.

Очень характерным в этом отношении указателем для определения характера захватных интересов завоевателей является также то, что таджики живут, т. е. оставлены жить в настоящее время только там, где не имеется больших хороших пастбищ. Последними, естественно, стремились завладеть кочевники-завоеватели.

Но самым убедительным и красноречивым источником, свидетельствующим перед внимательным взором об исторических превратностях таджикской судьбы, является карта расселения таджиков в настоящее время. Уже при первом взгляде хотя бы на приложенный при этом набросок частей бывш. Сыр-Дарьинской, Ферганской и

Самаркандской областей видно, как отдельными островками, оазисами, прижавшись к горам, сохранились таджики в окрестностях тех равнинных районов, где они существовали еще при монгольском нашествии, каковы, например, долины р. Чирчика, носившего в старину за свое быстрое течение таджикское название «Парак» — «Летящий», р. Ангрена (тадж. «Ахангяран»—«Кузнецы»), где монголы из одного только разрушенного города Бинакета, находившегося при впадении р. Ангрена в Сыр-Дарью, увели, по свидетельству историка Джувейни, 50.000 таджиков на осадные работы против Ходжен..., а также другие места, не исключая теперешнего Ташкента и его окрестностей, где старые названия каналов в ирригационной системе, имена различных пунктов и урочищ ясно говорят о былой таджикской культуре.

Самыми первыми пунктами, населенными таджиками на равнинах в сев.-восточном направлении, являются большое селение Хавас (около узловой станции того же имени, где сходятся ж. д. пути из Ташкента, Самарканда и Ферганы; бывш. станция Урсатьевская) и город Ходжент с его окрестностями. Еще живы старожилы, которые помнят остатки таджиков, проживающих на их памяти в Бискенте (большое селение на прямом колесном пути из Ташкента в Ходжент), но в настоящее время таджиков там уже нет. За этими выдвинувшимися вперед аванпостами, главным образом к югу и востоку от них, начинают попадаться в разных местах окаймленные населением, говорящим в настоящее время на тюркских диалектах, таджикские селения Ура-Тюбинско-Ферганского района, встречаясь от времени до времени или в одиночку, или группами, последние больше в предгорьях. Эти сохранившиеся длинной полосой, вытянутой с востока на запад вдоль сплошного таджикского пространства, следующего далее на юг (к югу от Туркестанского хребта), сохранившиеся до наших дней разбросанные кусочки, являются остатками того когда-то сплошного и здесь иранского населения, бывшего более многолюдным именно здесь в равнинах, сплошного подобно тому, которое уцелело непрерывной полосой только дальше в горах, способных прокормить только редкое население.

Глядя на это пространство можно сказать, что была битва, длившаяся долгие столетия и незамершая окончательно и теперь (ассимилирование таджиков местным населением, говорящим наречиями тюркского языка, еще продолжается), и вот ее результаты: иранское протяжение на равнинах в смысле сохранения языка сметено с поразительной силой. В равнинах уцелели только наиболее сильные центры таджикской жизни, в виде больших городов Самарканда и Бухары, а далее на юго-восток, возможно, подвергшись меньшему напору завоевателей, остались оазисами, примыкающие географически к сплошному в настоящее время таджикскому пространству равнинные и предгорные пункты Ферганы — Ура-Тюбе. Последний существовавший этап прямой связи между иранским пространством Туркестана и Бухары с одной стороны, Хорасана и Персии с другой, а именно — древнейший иранский оплот в Мерве был разрушен сравнительно недавно, в конце XVIII в. и начале XIX в. бухарским эмиром Маасумом, переселившим остатки его жителей в Бухару и Самарканд, и в силу этого очистившим данную территорию для последовавшего занятия ее туркменами (сарыками в 1790—791 г. и теке в 1834 г.). Таким образом, связь между иранцами Туркестана и Бухары с одной стороны, и Персией — с другой, сильно ослабленная до того благодаря религиозной розни, была еще более уменьшена и географически». (ст. 156).

Как автор указывает, таджики сохранились в таких районах, где они существовали еще до монгольского нашествия, например в долине р. Чирчик. Та же картина наблюдается и в Зеравшанской долине. Из главного центра таджиков — Самаркандской долины, а также из Ходжентского оазиса, они двигаются с запада на восток к самым недоступным местам, рассеиваясь по Фергане и ближайшим горам; из Джизакской долины они движутся к горам Нур-Ата, где и сохраняются до сих пор. Из Бухарской равнины они рассеиваются в сторону востока и до сих пор мы находим таджиков, населяющих ряд местностей Сурхан-Дарьинского и Кашка-Дарьинского округов. Кроме того, во многих кишлаках, где таджиков и не сохранилось, мы все же имеем таджикские названия, оставшиеся до настоящего времени.

Все это доказывает, что таджики являлись аборигенами Средней Азии, особенно округов Ташкентского, Самаркандского, Сурхан-Дарьинского, Бухарского и т. д.

Для еще более полного освещения этого вопроса приводим выдержки:

д) «Туркестанский край» Массальского, 1913 г., стр. 404.

«Таджики, составляющие около 7% жителей русских областей Туркестана, являются потомками древнего арийского населения страны, вышедшего из Ирана и занявшего южную часть Средней Азии во времена доисторические. Население это, пережив в течение длинной вереницы веков ряд нашествий, войн и кровавых смут, особенно отразившихся на нем при господстве тюрко-монголов, частью смешалось с завоевателями, а частью под напором последних было оттеснено в гористую часть Туркестана и там сохранило, в большей или меньшей чистоте, свои племенные черты».

е) Из книги Бойтика «Народоописание Туркестана», стр. 101, 110, 111:

«Таджиков в Ферганской области около 450.000 чел.

«Таджиков в Самаркандской области 750.000 чел.

«Таджиков в прочих местах» около 100.000 чел.

Всего 1.300.000 чел.

Народности, населяющие Бухару, те же, что в центральной предгорной части русского Туркестана, т. е. таджики и узбеки, а в горных ущельях встречаются остатки древних племен. По виду, быту, нравам и одежде они ничем не отличаются от таджиков и узбеков русского Туркестана. Всего населения Бухары около 3 млн. чел., из них таджиков около 70%, т. е. около 2.100.000 человек, а узбеков около 25%, т. е. около 750.000 человек, остальные 5% приходятся на другие народности — бухарских евреев, древних племен и пришлых русских...

Таджики все без исключения оседлы и занимаются земледелием, садоводством, виноградарством и домашним скотоводством, а в городе, кроме этого и торговлей. Проживают они по всей Бухаре, где возможно заниматься земледелием, т. е. в орошаемых местностях. Они составляют главную массу населенных бухарских городов. Таджики, как мы уже указывали выше, иранского происхождения, говорят на языке «фарси» и все без исключения мусульмане-сунниты. Они коренные обитатели Бухары.

ж) Общество изучения Таджикистана — Бартольду. Статья Поливанова о происхождении названия «Ташкент», стр. 396.

«Я допускаю, что первым элементом имени Ташкента служило некогда этническое (или же с эволюцией первоначально этнического значения (— о сем. см. ниже) название («Таж»), или («Тад(и)») — то самое, к которому восходит современное наименование таджиков.

Основанием для этого мне служит изложенная академиком Бартольдом («Таджики». Исторический очерк, гл. II) история данного слова на среднеазиатской почве, устанавливающая: 1) древний звуковой состав основы в виде «Таж» с производным «Таж(и)»; 2) исходное ее значение (в качестве имени арабского племени «Тай», затем наименование арабов завоевателей вообще), и 3) эволюцию этого значения на среднеазиатской почве («арабы» — «мусульмане завоеватели», «персы» и в частности — местные персы по языку, т. е. таджики)».

Помимо данного материала интересно отметить, не говоря о Сурхан-Дарьинском округе, где сплошь местами живут таджики и где до сих пор остались старые таджикские названия кишлаков, что даже в городе Ташкенте мы имеем ряд махалля, сохранивших таджикские названия. Подробно интересующихся этим вопросом отношу к статье пр. Малицкого «Ташкентские махалля и моузы».

з) «Материалы всероссийских переписей», Ташкент, 1924 г. вып.: 4-й — «Сельское население Ферганской области».

«Таджики — народность иранского происхождения, родственная персам, с незапамятных времен живут в Туркестане. Предки их населяли раньше почти всю территорию Ферганской и Самаркандской области и юго-восточную часть Сыр-Дарьинской. Завоеватели — тюрки поработили таджиков. Часть их была совершенно отуречена и усвоила язык победителей; остальные, сохранившие свой родной язык (фарси), но не чисто... крови, уцелели только в некоторых городах Самаркандской и отчасти Ферганской областей и в долинах горных рек бассейна Сыр-Дарьи, Аму-Дарьи и Зеравшана, куда их оттеснили победители. Наиболее чистый арийский тип сохранили таджики высокогорных местностей Самаркандской области, Восточной Бухары и Западного Памира».

и) Отчет о деятельности СНК и ЭКОСО Турк. Республики на 1-е октября 1922 года:

«Аборигены страны — таджики — народ арийского происхождения, были оттеснены завоевателями тюрками в высокие горные области. Будучи народом издревле земледельческим, они обосновывались в пределах Туркестана, в долинах горных рек, принадлежащих преимущественно к бассейнам верховий Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и Зеравшана.

К таджикским городским поселениям могут быть отнесены города: Самарканд, Пенджикент, Ура-Тюбе и Ходжент Самаркандской области».

Приведенные исторические данные говорят за то, что таджики являются коренными жителями Ср. Азии в пределах теперешней Узбекской и Таджикской республик, а также других Ср. Азиатских республик.

Поскольку во многих местах таджиков не сохранилось или сохранилось, но в малом количестве,— нельзя, конечно, говорить о присоединении таких районов к Таджикской ССР. Однако в таких местах, как например Самаркандский, Бухарский и Сурхан-Дарьинский округа, где еще сохранилось таджикское население в большинстве, где родным языком продолжает оставаться таджикский язык, являющийся также литературным языком в отношении остальных таджиков в Тадж. ССР,— тут стоит вопрос о необходимости присоединения к Таджикской ССР.

Вопрос о присоединении Сурхан-Дарьинского округа к Таджикской ССР является вопросом политической важности.

Поскольку в Афганистане с давних времен и по настоящий момент государственным и литературным языком является таджикский (персидский) и во всех школах независимо от национальности преподавание ведется на таджикском языке, то в связи с присоединением Сурхан-Дарьинского округа мы сможем держать культурную связь с народами Афганистана, живущими на территории Афганистана.

Что касается экономической связи с Сурхан-Дарьинским округом, небезинтересно отметить заявление представителя Ср. Азиатского Госплана, сформулированное в докладной записке Ср. Азиатской комиссии по этому спорному вопросу:

«Район в экономическом отношении слабо связан с отдельными районами Узбекистана и другими экономическими районами Ср. Азии, не говоря уже о ближайших рынках Союза и мировых рынках. На основе приведенных данных можно сделать тот общий вывод, что в силу своих естественно-исторических условий, в силу характера хозяйства, Сурхан-Дарьинский округ является единым замкнутым комплексом».

Но мне кажется, что данное заявление, если бы оно было сделано до постройки Душанбинской жел. дор., могло бы быть принятым людьми незнакомыми с действительными фактами. Мы же должны помнить, что даже до национального размежевания Сурхан-Дарьинский округ принадлежал к группе районов Восточной Бухары и входил в состав бывш. Гиссарского бекства. В настоящий момент, когда построена железная дорога, Сурхан-Дарьинский округ явится именно таким районом, который будет наиболее тесно связан экономически с Таджикской ССР, а также в административном отношении будет больше тяготеть к Таджикистану.

В отношении Бухарского и Самаркандского округов в той части, которая могла быть присоединена к Таджикской ССР, не говоря о том, что они усилят экономику Таджикистана, они также явятся крупным центром Тадж. ССР. В доказательство этого можно привести тот факт, что и сейчас вся деятельность по линии Госиздата и научно-педагогической сосредоточена в гор. Самарканде и проводится силами культработников — таджиков Самаркандского и Бухарского округов. Помимо этого, ежегодно Таджикский Наркомпрос комплектует учительский персонал и научных работников из преподавателей таджиков Самаркандского и Бухарского округов и до этого года курсы по переподготовке учительства для Таджикистана находились в гор. Самарканде.

Далее, я бы хотел высказаться относительно того — почему нельзя считать данные переписи 1926 г. по национальному и языковому распределению правильными.

Во время начала европейской войны в странах востока — Афганистане, Индии, Турции и Туркестане возникло течение, известное под названием панисламизма. Основной целью панисламистских организаций было создание мусульманского мира под властью халифата (существование турецкой власти) для свержения евро-

пейского владычества. Причем, в нетурецких странах внешней целью было объединение мусульманских стран и создание мусульманского империалистического государства—единой защиты ислама и восстановления халифата. В Турции и турецких странах, начиная от Татаристана до границы Афганистана и от Константинополя до китайской границы со включением восточного Туркестана, кроме указанной цели было также желание создать единую турецкую власть.

В 1917 году, когда в России вспыхнула революция, в Туркестане собралась значительная группа турецких офицеров, освобожденных из тюрем, которые совместно с бухарскими и туркестанскими, джадиды положили начало усилению этого движения в Туркестане и установили связь с разными мусульманскими державами — Афганистаном, Индией и т. д. Сюда стали стекаться также и другие генералы и офицеры, которые не могли попасть на родину по тем или иным причинам, или не могли устроиться при новой турецкой власти на службу. Например, из Афганистана прибыл Казим-бей, уполномоченный старого правительства Турции, уполномоченный германской делегации в Кабуле, совместно с индусскими панисламистами, вроде Берка Тулла и др., из Берлина Халиль-паша, Джамаль-паша, Анвар-паша и др. турецкие генералы, татарские панисламисты и др. Контрреволюционные элементы Татарии собрались в Туркестане и использовав момент контрреволюционного движения к ним также примкнули и контрреволюционные силы России. В результате этого панисламизма-пантюркизма в Средней Азии возникло басмаческое движение против соввласти, которое долгое время не могли ликвидировать, так как элементы пантуркизма, проникшие в партийные и советские аппараты, помогали басмачеству. В связи с этим по всему Туркестану появилось стремление ввести во всех школах преподавание на турецком языке; в школах обучали панисламским и пантуркистским стихам, появилось течение объединить все нации коренного населения в Туркестане под наименованием единой турецкой нации.

К началу национального размежевания, когда была ликвидирована основа басмачества и разбиты контрреволюционные движения, когда джидисты, пантуркисты потеряли всякую надежду на перспективы, эти джадиды превращаются в панузбекистов и надевают советскую маску. В результате мы видим, что преподавание во всех таджикских школах бывш. Турк. республики свелось на узбекский язык. Среди таджикского населения повелась агитация за то, чтобы они звали себя узбеками. Влияние это так усилилось, что не говоря уже об общей массе населения таджиков, даже ответственные советские и партийные работники из таджиков переименовали себя в узбеков и руководили этим движением.

Агитация узбекского шовинизма после национального размежевания особенно проявилась в следующем:

1) Говорили, что в Узбекистане место только узбекам, а кто будет считать себя таджиком, будет отправлен в Таджикистан.

2) Лица, желавшие остаться в Узбекистане, должны были принять в качестве государственного языка узбекский, почему и в школах преподавание велось на узбекском языке.

3) Если у какого либо рядового работника являлись национальные чувства, в особенности у преподавателей, их увольняли со службы и прикрепляли к такой работе, где языковая сторона не играла никакой роли. Особенно это имело место в Самарканде, Бухаре, и Ходженте.

4) Если кто-нибудь ехал на работу в Таджикистан, про него распускали слух, что его сослали как группировщика или за то, что он назвал себя таджиком.

Создавалось такое впечатление, что Таджикистан являлся синонимом дореволюционной Сибири и таджики, желавшие работать в Узбекистане, называли себя узбеками. Результаты мы видим в том, что когда проводилась перепись 1926 г., под влиянием агитации узбекских шовинистов таджикское население именовало себя узбеками.

Нельзя отрицать того факта, что пантуркистское движение, помимо узбекской и турецкой интеллигенции, в значительной степени поддерживалось и таджикской интеллигенцией, которая в вопросе ассимиляции таджиков являлась авангардом этого движения. Даже больше того, таджикская интеллигенция в лице советских и партийных работников и учительства взяла на себя смелость заявить, что таджики живут только в Таджикистане, что для остальных, находящихся на территории Узбекиста-

на, не нужны школы и администрация на их родном языке и что таджиков в Бухарском, Самаркандском и др. округах не имеется.

Второй основной причиной, что таджикские работники стали называть себя узбеками, был чисто-экономический момент, а именно: после национального размежевания и выделения Таджикистана в автономную республику, когда ее территория представляла собой арену борьбы басмачества, с одной стороны, а с другой стороны — этот район был оторван от культурного центра,— никому не хотелось ехать сюда, между тем как перед советскими и партийными организациями стоял остро вопрос о привлечении культурных работников. Вот как раз в этот момент сов. и партработники таджики на территории Узбекистана и стали называть себя узбеками, дабы избежать мобилизации советских и партийных органов для работы в Таджикистане. Это не могло не оказать влияния на широкие массы населения, которые стали скрывать свою национальность.

Если же обратиться к данным переписи, то мы получим следующую картину: в 1915 г. в Самарканде имелось 59.901 таджиков, в 1917 г. там значится 44 758 таджиков и 3 301 узбеков. Данные эти взяты из книги «Население Самаркандской области», изд. Академии наук 1926 г. и списка народов Туркестанского края, изд. Академии наук 1925 г.

По переписи 1926 г. в г. Самарканде числится 10 263 узбекских хоз. с населением в 43.304 души, таджикских хозяйств 1.290 с 10.716 душами населения.

По переписи 1926 г. получается такая картина, что ряд районов, которые фактически являлись таджикскими и таковыми были зарегистрированы в переписи 1920 года, в 1926 г. были зарегистрированы как узбекские районы. Возьмем для примера сельсоветы Ходжа-Ахрарский, Хишрау, Хаймар и т. д. (см. табл. № 1).

В связи с этим имеется постановление в 1929 г. окружных и городских партийных и советских организаций Самаркандского округа о том, чтобы г. Самарканд и прилегающие к нему 9—11 сельсоветов выделить в отдельный таджикский район.

Таджикские представители держатся того мнения, что гор. Самарканд и районы с таджикским населением

должны быть присоединены к Таджикистану и входить в административное деление Пенджикентского вилоята.

Могут оказаться при присоединении Самаркандского округа к территории Таджикистана отдельные в некоторых местах узбекские населенные пункты. В этих пунктах должны быть образованы узбекские сельсоветы для правильного их обслуживания в культурном и экономическом отношении. Что же касается Бухары и ее окрестностей, то мы видим, что они сплошь заселены таджиками и народами (персы, арабы и т. д.) родным языком которых является таджикский. Нужно сказать, что Старая Бухара известна во всех странах Востока, как таджикский город, с таджикской литературой и культурой, население которой говорит на таджикском языке, а между тем перепись 1926 года зафиксировала ее как город с узбекским населением. В виде справки можно привести карту, приложенную к «Народному хозяйству Средней Азии» за 1924 г. № 1 г. Ташкент.

Для иллюстрации приводим еще выдержку письма, полученного тов. Мухитдиновым, быв. предс. СНК Тадж. ССР из Бухары, в котором автор письма дает следующую характеристику национального состава Старой Бухары и ее окрестностей. На заданный вопрос, какой процент имеется таджиков в Бухаре, автор письма отвечает, что вопрос нужно поставить наоборот, а именно: сколько процентов узбеков в Бухаре, то есть, если предположим, что Старая Бухара имеет население десятки тысячи, а из них 15—20 узбеков, то из этих цифр можно вычислить процент.

Подобные же извращения действительности мы находим и по других округам Средней Азии.

29.XII.28 г.

(Нисар Мухамедов).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Таджики в составе Туркестанской АССР. 6
Положение таджикского народа в Бухарской Народной Советской Республике (БНСР) 19
Национально-территориальное размежевание и образование Таджикской АССР в составе Узбекской ССР 28
Экономическое, социальное и культурное ущемление прав Таджикской АССР. Борьба за выход из состава Узбекистана и образование самостоятельной союзной республики 69
Послесловие 103
Приложение 115

Масов Рахим

ИСТОРИЯ ТОПОРНОГО РАЗДЕЛЕНИЯ

Художник
Т. Навныкина

Художественный редактор
В. Нелюбов

Технический редактор
Л. Шашкова

Корректор
И. Хамраев